



Институт Стратегических Исследований Кавказа

СЕРИЯ «ГЕОПОЛИТИКА КАВКАЗА»

ОКТАЙ ЭФЕНДИЕВ

**ВООРУЖЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ
И ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ НА
ЦЕНТРАЛЬНОМ КАВКАЗЕ:**

Международно-правовой аспект

**Баку
«Кавказ»
2006**

Научный редактор:
Эльдар Исмаилов

Рецензенты:
Намиг Алиев,
доктор юридических наук

Паата Давитая,
доктор юридических наук, профессор
Джаннатхан Эйвазов

Октай Фридунбек оглу Эфендиев.
Вооруженные конфликты и военные преступления на
Центральном Кавказе: международно-правовой аспект. Баку,
Издательский Дом «Кавказ», 2006. - 364 с.

ISBN 9952-432-02-X

В книге исследуется международно-правовой аспект военных преступлений в ходе вооруженных конфликтов на Центральном Кавказе. Рассматриваются основные законы и обычаи войны, ответственность за их нарушения, перспективы формирования института международно-правовой ответственности за военные преступления в регионе.

Для специалистов, научных работников, преподавателей и студентов, интересующихся международно-правовыми проблемами вооруженных конфликтов и военных преступлений.

4702000
000-61 N(098)-
2006

С грифом

Институт Стратегических
Исследований Кавказа, 2006
Издательский Дом «Кавказ», 2006

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие научного редактора	5
Введение	10
Раздел I. ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ ДЕЯНИЙ	16
Глава I. Военные преступления на пороге XXI века....	16
1.1. О понятии и классификации военных преступлений в современном международном праве	16
1.2. Военные преступления в системе законов и обычаев войны	24
1.3. Противоправность международных военных пре- ступлений 40	
Глава II. Ответственность за военные преступления	54
2.1. Характеристика международно-правовой ответственности за военные преступления	54
2.2. Юридическая природа принципа ответственности за международные преступления	66
2.3. Виды ответственности за нарушение законов и обычаев войны 81	
2.4. Проблема международно-правовой ответственности государств за развязывание вооруженных конфликтов	84
2.5. Индивидуальная ответственность за нарушение законов и обычаев войны	91
2.6. Ответственность физических лиц за международные преступления	105
Глава III. Институциональные основы международно- правовой ответственности за военные преступления	122
3.1. Формирование института ответственности военных преступников в международном праве	122
3.2. Механизм установления фактов международного преступления	136
3.3. Институт принудительных мер за международные военные преступления	157

Раздел II. ПУТИ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ НА ЦЕНТРАЛЬНОМ КАВКАЗЕ	174
Глава IV. Вооруженные конфликты на Центральном Кавказе в конце XX- начале XXI века	174
4.1. Особенности межэтнических вооруженных конфликтов на Центральном Кавказе	174
4.2. Армяно-азербайджанский конфликт	177
4.3. Конфликт в Абхазии	185
4.4. Конфликт в Южной Осетии	199
4.5. Предотвращение вооруженных конфликтов и военных преступлений - необходимое условие безопасности Кавказа.....	208
4.6. О проблеме возмещения ущерба в результате вооруженных конфликтов на Центральном Кавказе...	223
Глава V. Основные направления формирования механизма предотвращения военных преступлений на Центральном Кавказе	241
5.1. Учреждение современных международных уголовных трибуналов и их основные	241
особенности	
5.2. Роль Римского Статута Международного уголовного суда и проблемы недопустимости военных преступлений на Центральном Кавказе.....	268
5.3. Проблемы формирования нового уголовного миропорядка и развитие национальных правовых систем в аспекте предотвращения военных преступлений	290
Заключение.....	318
Источники и примечания.....	328
Armed Conflicts and War Crimes in Central Caucasus: International Law Aspect. Summary	360

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перед Вами, уважаемый читатель, дополненная и переработанная монография азербайджанского юриста-международника О.Ф. Эфендиева, посвященная одной из актуальных проблем современного международного права - военным преступлениям, совершенным против человечества (первое издание - Военные преступления: от Нюрнберга до Карабаха (международно-правовой анализ). Москва, 2000, 224 с).

Эта проблема, как известно, нашла отражение в целом ряде авторитетных международно-правовых документов после Второй мировой войны, например, таком, как Устав Нюрнбергского трибунала, который является частью Лондонского соглашения (от 8 августа 1945 г.). Принципы Устава как общепризнанные основополагающие правила международного права были подтверждены в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН (от 11 декабря 1946 г.), Конвенции ООН о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества (1968 г.), в Римском Статуте Международного уголовного суда (1998 г.) и других документах.

На наш взгляд, практический интерес к современной интерпретации проблемы военных преступлений основан на том, что она, по существу, пронизывает многие взаимосвязанные сферы международной жизни, включая международную безопасность, сотрудничество в целях развития межгосударственных экономических, социальных и гуманитарных отношений.

В теоретическом аспекте можно утверждать об определенном развитии нормативного содержания одного из фундаментальных принципов международного права - всеобщего уважения прав человека. Поскольку за последние десятилетия факты серьезных и массовых нарушений прав человека (агрессия, геноцид, военные преступления и др.) уже квалифицированы мировым сообществом как между-

народные преступления, их рассмотрение, естественно, не может входить только во внутреннюю компетенцию отдельно взятого государства. За такие противоправные действия, согласно содержанию действующих международно-правовых норм и принципов, предусмотрена соответствующая международно-правовая ответственность.

Не случайно современное международное право вообще и, в частности, международное гуманитарное право (это видно из целого ряда документов, к примеру, принятых в рамках ОБСЕ) поощряет индивида все более активно участвовать и содействовать борьбе за соблюдение основных международных стандартов в области прав человека, поскольку, к сожалению, и межэтническая напряженность, и нарушения прав человека посредством совершения военных преступлений могут явиться причинами межгосударственных вооруженных конфликтов. Опыт показывает, что понимание и применение норм, например, международного гуманитарного права, распространяющихся на такие конфликты, происходит, далеко неадекватно со стороны тех государств, которые их развязывают, оккупируя чужие территории, совершают насилие над мирным населением и военнопленными и другие преступления против человечества. В данной связи монографическое исследование международно-правового аспекта военных преступлений на пороге XXI века - а именно этому посвящена настоящая работа - представляет повышенный теоретический и практический интерес.

Конечно, достижение независимости республик Центрального Кавказа, так же как и подавляющим большинством других суверенных государств постсоветского пространства, не решает автоматически вопрос о «собственном» международном праве. Однако активная практика заключения центральнокавказскими государствами договоров и соглашений с другими государствами на региональной или двусторонней основе свидетельствует не только об определенном вкладе в развитие международного публичного

права, но и о становлении и формировании «своего» международного права, в котором важное (если не центральное) место отведено международным стандартам прав человека. Это, кстати, нашло отражение в ряде положений конституций стран Центрального Кавказа, подтвердившей, таким образом, приверженность этим стандартам, и предусматривало их эффективную инкорпорацию и имплементацию в национальное законодательство.

Важен и другой факт: к настоящему времени государства региона присоединились к большому количеству универсальных соглашений и документов в области прав человека, среди которых, например, - международные пакты о правах человека, Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Конвенция относительно рабства, Конвенция ООН против пыток и других форм жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания и другие.

Изучение различных аспектов проблемы военных преступлений, предпринятое в данном монографическом исследовании, предполагает освещение наиболее значимых ее вопросов. Среди них одно из существенных мест занимает проблема национальной имплементации норм международного права, его приоритетного характера и значения по сравнению с внутригосударственным правом. Примечательна в этом отношении позиция немецкого юриста Г. Трипеля: «Чтобы выполнить свою функцию, международное право должно постоянно обращаться к внутригосударственному праву. Без последнего оно во многом совершенно бессильно. Международное право как бы напоминает фельдмаршала, который только отдает приказы командующим офицерам армии, но не сможет достичь своих целей, если генералы, выполняя его инструкции, не будут в свою очередь отдавать приказы своим подчиненным. В случае, если генералы не сделают этого, фельдмаршал проиграет битву. Как приказ фельдмаршала вызывает к

жизни множество других приказов со стороны его подчиненных, так же и отдельная норма международного права обуславливает целый ряд норм внутригосударственного права, преследуя все же одну и ту же цель: имплементировать международное право в рамках внутреннего правопорядка государств».

Можно, конечно, по-разному относиться к приведенному высказыванию, однако, как представляется, нормы международного права реализуются соответствующим образом только при содействии внутригосударственных правовых систем, особенно когда речь идет о положениях по защите прав человека, экстрадиции и других. Существенно также и то, чтобы государства соблюдали нормы и принципы международного права и при необходимости обеспечивали их внутригосударственное действие, в частности, если это касается регулирования всего комплекса проблем прав человека.

Осуществленная Комиссией ООН по международному праву работа по проекту Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества и особенно принятие и вступление в юридическую силу Римского Статута Международного уголовного суда как бы завершили создание системы кодифицированных универсальных норм международного гуманитарного права, образующих нечто вроде юридического «зонтика» над всеми другими международными договорными нормами в этой области. Данный Статут не случайно констатировал в преамбуле, что «самые серьезные преступления, вызывающие озабоченность всего международного сообщества, не должны оставаться безнаказанными и что их действенное преследование должно быть обеспечено как мерами, принимаемыми на национальном уровне, так и активизацией международного сотрудничества».

Вместе с тем нормы Статута, не совпадающие по степени детализации и различающиеся с точки зрения их совершенства и ясности, в своей совокупности регламентируют

сущностные отношения в области международного гуманитарного права и, в частности, вопросы предотвращения военных преступлений. Международно-правовой же анализ Римского Статута в целом осуществлен при тщательном учете его соответствующих положений.

Следует также отметить, что книга О.Ф. Эфендиева представляет собой серьезное монографическое исследование проблемы военных преступлений. Их правовой анализ сделан на основе системного подхода, что предопределило ценность и содержательность данной работы, в которой обстоятельно показаны особенности развитие в этой области международного права.

Избранный автором план построения исследования, который, на первый взгляд, может показаться не вполне логичным, в действительности отражает процессы последовательного (начиная со времен Нюрнбергского процесса) становления и развития норм не только международного гуманитарного права, но и нового международного уголовного правопорядка, практики предотвращения любых преступлений против мира и безопасности человечества.

В работе, конечно, не все бесспорно, некоторые ее положения могут вызвать серьезные возражения или сомнения. Однако важнее другое: проблема военных преступлений на Центральном Кавказе впервые стала предметом монографического исследования.

Таким образом, можно утверждать, что данная работа представляет собой одну из первых в международно-правовой литературе попыток комплексного исследования проблемы военных преступлений на Центральном Кавказе. Это, несомненно, должно вызвать интерес у специалистов, дипломатов, аспирантов и студентов, изучающих вопросы вооруженных конфликтов и военных преступлений.

Э.М.ИСМАИЛОВ

ВВЕДЕНИЕ

Период развития международных отношений и международного права после Второй мировой войны, который принято называть современным, характеризуется достаточной разработанностью системы норм, включающих такие универсальные понятия, как военные преступления или преступления против человечества. Однако применение норм международного гуманитарного права, распространяющегося на вооруженные конфликты, неадекватно, в первую очередь, со стороны тех государств, которые их развязывают, оккупируют чужие территории, совершают насилие над мирным населением и военнопленными и другие преступления против мира и безопасности человечества.

Упомянутые понятия нашли свое отражение и закрепление в ряде авторитетных международно-правовых документов, начиная с Устава Нюрнбергского военного трибунала до уставов международных уголовных трибуналов («югославского» и «руандийского»), утвержденных Советом Безопасности ООН. Так, Конвенция ООН о неприменимости срока давности к военным преступлениям против человечества в своей преамбуле совершенно справедливо и четко отмечает, что «эффективное наказание за военные преступления и преступления против человечества является важным фактором в деле предупреждения таких преступлений, защиты прав человека и основных свобод, укрепления дове-

рия, поощрения сотрудничества между народами и обеспечения международного мира и безопасности»¹. Согласно ст. 1 Конвенции, никакие сроки давности не применяются к следующим преступлениям, независимо от времени их совершения: 1) военные преступления, как они определяются в Уставе Нюрнбергского военного трибунала 1945 г., а также «серьезные нарушения», перечисленные в Женевских конвенциях о защите жертв войны 1949 г.; 2) преступления против человечества, независимо от того, были ли они совершены во время войны или в мирное время, а также преступления геноцида, определяемые в Конвенции 1948 г.

В соответствии с действующими общепризнанными международно-правовыми нормами и принципами должен решаться вопрос об ответственности как юридической обязанности субъекта-правонарушителя устранить и компенсировать последствия вреда, причиненного другому субъекту международного права в результате совершенного преступления, например, акты агрессии, геноцид, военные и другие серьезные правонарушения.

Хотя ответственность - один из древнейших международно-правовых институтов, однако, во-первых, история международных отношений и их развитие характеризуются его постоянным практическим применением и совершенствованием, и, во-вторых, правовые нормы этого института пока недостаточно кодифицированы, поэтому он основывается преимущественно на применении обычно-правовых норм, сложившихся из прецедентов и судебных решений.

Одним из принципиальных вопросов современного международного права является вопрос об ответственности физических лиц, выступающих от имени государства и совершающих противоправные деяния, которые квалифицируются как военные преступления против человечества. Его

принципиальность вытекает из определения понятия агрессии, принятого Генеральной Ассамблеей ООН (в 1974 г.), которое устанавливает, наряду с прочим, что агрессивная война является преступлением и влечет за собой международную ответственность.

С принятием этого определения было устранено препятствие в утверждении проекта Кодекса преступлений против мира и человечества, на выработку положений которого было потрачено много усилий мирового сообщества. В конечном счете позиция сил, заинтересованных в том, чтобы не допустить принятия такого Кодекса, и пытавшихся доказать бесперспективность дальнейшего его обсуждения, оказалась несостоятельной.

Как показало время, содержание данного международно-правового документа имеет не только предупредительное значение для агрессоров и лиц, совершивших преступления против человечества, но и облегчает их разоблачение, принятие эффективных мер по пресечению этих преступлений, способствует как быстрейшему установлению агрессоров и преступников, так и организации международной помощи их жертвам.

Уголовно-правовое запрещение военных и других преступлений против человечества вовсе не означает их искоренения в международных отношениях. Принятые за последние десятилетия важнейшие международно-правовые акты, хотя и способствуют пресечению этих правонарушений, но сами по себе еще не являются безусловной гарантией их недопустимости. Несмотря на то, что ООН в ряде случаев удавалось предотвращать преступные деяния, все же современный опыт международных отношений имеет немало доказательств тому, что ни Устав ООН, ни уставы международных трибуналов не являются гарантией предотвра-

щения агрессивных войн, серьезных преступлений против человечества и нарушений международного гуманитарного права.

Одним из последних примеров из области военных преступлений следует, на наш взгляд, рассматривать вооруженный конфликт в Нагорно-Карабахском регионе Азербайджанской Республики, развязанный Республикой Арменией. Упорное противостояние армянской стороны и ее отказ от соблюдения фундаментальных положений международного права, и в первую очередь Устава ООН, игнорирование принятых Советом Безопасности резолюций, которые содержат рекомендации по конструктивному решению конфликта, подтверждающих территориальную целостность Азербайджана и осуждающих нарушение международных границ и применение силы для приобретения территории, имеет одну противоправную цель - оправдать и легализовать претензии Нагорного Карабаха на государственную независимость, т.е. фактически изменить границы суверенного субъекта - Республики Азербайджан - путем применения силы.

Такая позиция противоречит не только упомянутым международно-правовым актам общего смысла и характера, но и другим специальным документам по данному конфликту, например, документам Лиссабонского саммита (декабрь 1996 г.), в ходе которого было принято Заявление о принципах мирного урегулирования нагорно-карабахского конфликта, содержащее три пункта: признание территориальной целостности Азербайджана и Армении; предоставление Нагорному Карабаху статуса самоуправления в составе Азербайджана; гарантии безопасности для всего населения Нагорного Карабаха - и армянской, и азербайджанской национальности.

Характерно, что лиссабонские принципы мирного урегулирования этого конфликта имеют широкую поддержку со стороны подавляющего большинства государств мирового сообщества, что видно, в частности, из письма помощника президента США Б. Клинтона по национальной безопасности С. Бергера, в котором отмечается: «Мы указывали властям Нагорного Карабаха, что, несмотря на мандаты четырех резолюций Совета Безопасности ООН, продолжающаяся ими оккупация территорий, которые, как они сами признают, принадлежат Азербайджану, не является ни преимуществом в споре, ни позицией, которую мы можем поддержать. Это подрывает призыв к справедливости и правосудию, которые, как настаивает Нагорный Карабах, должны соблюдаться»².

В свое время ООН поручила Комиссии международного права кодифицировать Нюрнбергские принципы ответственности за международные преступления и составить проект упомянутого Кодекса. Задача такой кодификации заключалась в том, чтобы в случае, если война, несмотря на все предупредительные меры, станет фактом, не допустить ее превращения в систему организованного бандитизма со стороны некоторых государств и поставить воюющих перед необходимостью придерживаться норм международного гуманитарного права, ради чего были сначала разработаны и подписаны (в 1949 г.) четыре международных конвенции о защите жертв войны, а затем - дополнительные протоколы к ним (в 1977 г.).

Настоящее исследование не охватывает всех существующих проблем и вопросов международных военных преступлений. В нем, тем не менее, делается упор на определяющие положения, важность которых затрагивает сегодняшние интересы мирового сообщества и их ближайшей

перспективы, в том числе, естественно, интересы и перспективы государств центральнокавказского региона. Вот почему в центре исследования оказались вопросы, относящиеся не только к истории проблемы, возникновению и развитию института ответственности военных преступников в международном праве, но и их противоправности. В работе также специально исследуются вопросы индивидуальной ответственности за нарушения законов и обычаев войны, об установлении фактов международного преступления, нового уголовного миропорядка и некоторые другие.

В этом плане вопрос о кодификации серьезных нарушений норм права, применяемого в вооруженных конфликтах, называемых военными преступлениями, имеет особое значение. Вместе с тем деятельность любых органов уголовной юстиции в отношении таких преступлений должна происходить в соответствии с некоторыми принципами, среди которых, как известно, *nullum crimen sine lege*, т.е. нет преступления без указания о том в законе. В связи с тем, что процесс кодификации военных преступлений направлен на реализацию данного принципа, играющего важную роль в обеспечении прав личности, позитивное значение данного процесса проявляется в вопросах уважения и защиты прав человека.

РАЗДЕЛ I
ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННЫХ
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ ДЕЯНИЙ

ГЛАВА I. ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ НА ПОРОГЕ
XXI ВЕКА

1.1. О понятии и классификации военных преступлений в современном международном праве

Как свидетельствует история международных отношений, первоначально термин «преступники войны» стал использоваться после Первой мировой войны и имел как бы два значения: а) широкое, включавшее как виновников военной агрессии, так и лиц, ответственных за нарушения законов и обычаев войны, и б) более узкое - только нарушителей этих законов и обычаев.

К этому времени относится первая попытка кодификации военных преступлений, когда созданная на Парижской мирной конференции (в 1919 г.) так называемая Комиссия 15-ти представила список более тридцати составов международных преступлений, совершенных немецкими военнослужащими⁴. Известно, что впоследствии данная комиссия отказалась от такой классификации и провела ее с учетом субъектов преступлений, которые подлежали судебному преследованию и уголовному наказанию в специальном экстерриториальном порядке.

Механизм привлечения преступников войны к уголовной ответственности впервые был предусмотрен в части VII Версальского договора («Санкции»). Согласно ей, этот механизм представлялся в следующих вариантах:

а) специальный международный трибунал из представителей пяти союзных держав (США, Великобритании, Франции, Италии и Японии) - для суда над бывшим импера-

тором Вильгельмом II; б) военные суды государств, в юрисдикцию которых входило рассмотрение дел о совершении преступных нарушений законов и обычаев войны, направленных против их граждан; в) смешанные военные суды, состоящие из представителей нескольких заинтересованных государств, по делам о военных преступлениях, которые одновременно затрагивают их интересы. Хотя данный правовой механизм по ряду причин оказался практически невостребованным, нельзя отрицать определенное позитивное значение Версальского договора и состоявшихся судебных процессов над отдельными германскими военнослужащими, что, в свою очередь, свидетельствовало о попытках впервые воплотить в жизнь идеи уголовной ответственности физических лиц за нарушения норм законов и обычаев войны и об их соответствующей апробации.

Формирование в международном праве понятия и классификации военных преступлений, как одной из тягчайших разновидностей международно-противоправного деяния, стало возможным благодаря определенному обобщению преступной политики государств гитлеровской коалиции, усилиями которых разгорелась Вторая мировая война, приведшая к крупномасштабному межгосударственному вооруженному конфликту.

Несмотря на сложность данного понятия, речь идет, по существу, о таком международно-противоправном деянии, которое, как правило, возникает в результате нарушения государством соответствующего международно-правового обязательства, имеющего столь важное и существенное значение для интересов государств, что его нарушение может рассматриваться, с учетом масштабов и тяжести последствий, как международное преступление, одним из которых является военное преступление. В более конкретном плане имелись в виду международные преступления, состоящие в нарушении законов и обычаев, и выражающиеся в применении запрещенных международно-правовыми нормами и по-

ложениями средств и методов ведения вооруженных конфликтов. К категории (группе) военных преступлений международное уголовное право, в частности, относит: а) бессмысленное разрушение городов и других населенных пунктов; б) уничтожение культурно-исторических памятников и объектов, представляющих национальные ценности; в) жестокое обращение с военнопленными, ранеными и больными, а также с мирным населением; г) грабежи и захват общественной или частной собственности; д) угон в рабство, депортация, эксплуатация гражданского населения; е) взятие заложников⁷ и другие международно-противоправные деяния, существенно нарушающие основные права и свободы человека.

Примечательно и то, что данный перечень, хотя и охватывает большое количество противоправных деяний, не может считаться исчерпывающим для тяжких правонарушений, регулируемых как нормами международного гуманитарного права, так и требованиями (положениями) международного уголовного права, направленными на пресечение военных преступлений.

Это обстоятельство имеет принципиальное значение для квалификации военных преступлений в национальном уголовном законодательстве многих современных государств, в том числе Азербайджанской Республики, о чем подробнее речь идет в соответствующих разделах данного монографического исследования. При этом имеются в виду, в частности, положения ст. 114 Уголовного кодекса Азербайджанской Республики, касающиеся таких деяний, как планирование, подготовка, начало и проведение военных операций независимо от характера вооруженного конфликта (международного или внутреннего), которые могут квалифицироваться как военное преступление.

В свою очередь, данное обстоятельство свидетельствует, например, о прогрессивно-демократическом подходе и соответствии отечественного уголовного законодательства

требованиям и стандартам современного международного права, воплощенным в уставных положениях, в первую очередь, органов международного правосудия по поводу пресечения военных преступлений. Имеется в виду действие таких специфических принципов, как универсальная юрисдикция, неприменение сроков давности и некоторых других, закрепленных в ряде авторитетных международно-правовых актов современности.

Недопустимость военных преступлений связана с их особо тяжким характером в такой степени, что они не только привлекают внимание данных органов правосудия, но и могут квалифицироваться как разновидность преступлений против человечества, а значит, не могут остаться безнаказанными.

Подобный международно-правовой постулат вытекает, на наш взгляд, из юридической квалификации соответствующих международно-противоправных деяний, таких как военные преступления, которые даны в уставах Нюрнбергского и Токийского международных военных трибуналов⁸. В названных уставах, которые разработаны для судебных процессов по делу главных преступников, виновных в развязывании Второй мировой войны, содержатся соответствующие юридические положения, являющиеся источником норм международно-правовой ответственности за данные преступления. Международно-правовое значение этих документов таково, что в них были впервые сформулированы как основания уголовной ответственности за преступления против мира и безопасности человечества и военные преступления, так и конкретное содержание трех разновидностей уголовно-правовых запретов (ст. 6 Устава Нюрнбергского военного трибунала). Согласно данной статье, конкретно к военным преступлениям были отнесены:

«а) деяния, являющиеся нарушением законов и обычаев войны;

б) выражающиеся в убийствах, истязаниях или уводе в рабство, или для других целей гражданского населения оккупированной территории;

в) в убийствах или истязаниях военнопленных или лиц, находящихся на море;

г) в убийствах заложников;

д) в ограблении общественной или частной собственности;

е) в бессмысленном разрушении городов или деревень, разорении, не оправданном военной необходимостью, и других преступлениях».

Поскольку объектом международных военных преступлений является безопасность человечества, то представляется важным перечислить и такие противоправные деяния, как:

- убийства, истребление, порабощение, ссылки и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны;

- преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам с целью осуществления или связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет.

Указанная классификация была воспроизведена также в Уставе Токийского военного трибунала (1946 г.)¹⁰. В последующем, в связи с продолжением работы по развитию нормативной базы, необходимой для борьбы с международными военными преступлениями, а также составлением проекта Кодекса о преступлениях против мира и безопасности человечества (таково новое официальное название этих преступлений) и принятием данного документа на 43-й сессии Комиссии международного права ООН в 1991 г., перечень этих преступлений был значительно расширен по срав-

нению с приведенным в Уставе Нюрнбергского военного трибунала¹¹.

Представляется, что международные военные преступления относятся к международным преступлениям как в узком, так и в широком смысле. Поэтому современной доктрине под международными военными преступлениями следует понимать деяния лиц, индивидов (в данном случае военнослужащих), прямо связанных с международными преступлениями государств¹². При этом различие между международными преступлениями государств и физических лиц (военнослужащих) происходит по их субъекту. В первом случае в этом качестве выступают государства как таковые, во втором - физические лица (не обязательно только военнослужащие), т.е. лица, которые направляют и осуществляют государственную политику, выражающуюся в международном преступлении соответствующего государства, и ответственные за нее.

Вместе с тем при всей традиционности подобного подхода к решению этого вопроса в советской и постсоветской науке международного права, на наш взгляд, он в достаточной степени устарел и не соответствует сегодняшним критериям и требованиям. Это мнение основывается на том, что целый ряд преступлений, которые признаются международными, не обязательно связаны с политикой каких-либо государств (например, наемничество). Как свидетельствуют практика и факты, лиц, совершающих такие преступления, обычно поддерживает не государство, а отдельная группа людей, организации, партия либо общественное движение.

Хотя в современном международном праве существуют различные мнения, подходы и определения термина «наемник», однако по смыслу п. 2 (с) ст. 47 Протокола I к Женевской конвенции от 12 августа 1949 г., наемник - это лицо, которое не является гражданином государства - Стороны в конфликте, и, что еще более важно, лицо, которому Сторона в конфликте пообещала материальное вознаграж-

дение, существенно превышающее вознаграждение, обещанное или выплачиваемое комбатантам такого же ранга и функций, входящим в личный состав вооруженных сил данной Стороны¹⁴.

Серьезные нарушения международного права, а конкретно, военные преступления, преследуются не только государством, держащим в плену обвиняемого, но и любым государством, во власти которого он находится¹⁵, что согласуется с принципом универсальной юрисдикции. Государства должны оказывать друг другу помощь, например, передавая обвиняемого и отказываясь от права судить его или предоставляя свидетельские показания.¹

Таким образом, понятие военного преступления может быть сформулировано как особое международно-противоправное деяние, являющееся нарушением законов и обычаев войны и выражающееся в насильственных действиях военного характера против мирного населения и безопасности человечества, за которые для лиц, виновных в их совершении, несмотря на сроки давности, предусмотрена международно-правовая уголовная ответственность.

Касательно классификации современных военных преступлений, следует иметь в виду, что классическая доктрина международного права обычно избегала дифференциации международных правонарушений (на группы или категории) в зависимости от характера, степени опасности или специфики их объектов.¹ Однако, как представляется, развитие международного права за последние десятилетия, появление в нем новых норм, принципов, подотраслей, в том числе завершение формирования международного гуманитарного и уголовного права, требуют дифференцировать подобные преступления, имея в виду особо опасный состав и содержание этих международно-противоправных деяний.

Разработанная и применявшаяся в свое время благодаря уставам военных трибуналов (Нюрнбергского и Токийского), а впоследствии международных уголовных трибуна-

лов (по бывшей Югославии и Руанде), классификация военных преступлений получает в настоящее время, после завершения разработки Римского Статута Международного уголовного суда, все большее признание, в чем огромная и первоочередная заслуга принадлежит Комиссии международного права ООН. Как известно, во всех проектах статей, подготовленных этой Комиссией, военные преступления, наряду с агрессией, геноцидом и другими противоправными акциями, определены как особо опасные международные преступления. Объективным критерием, отличающим данные преступления от других правонарушений, являются правоотношения, возникающие между государством-правонарушителем и другими государствами и лицами, виновными в совершении военных преступлений. Это очевидно, поскольку при совершении любого международного преступления, включая военные, затрагиваются интересы как непосредственно пострадавшего государства, так и иных стран, которые имеют право применять - прямо или через международные организации - определенные санкции.

Можно отметить, что к середине 70-х годов прошлого столетия процесс кодификации военных преступлений прошел стадию своего становления, поскольку в ряде международно-правовых актов были перечислены действия, подлежащие соответствующей квалификации и представляющие собой посягательства на основные права и свободы человека, в первую очередь, на жизнь, а также запрет подвергать кого-либо пыткам или жестокому и бесчеловечному обращению и наказанию. В частности, в пактах о гражданских и политических правах был подтвержден принцип современного международного права, согласно которому фундаментальные права и свободы должны соблюдаться в любой ситуации, включая периоды вооруженных конфликтов¹⁷. Это позволяет утверждать об определенной взаимосвязи между ходом кодификации военных преступлений и формированием новой отрасли современного международного права -

международного гуманитарного права. Как видно, кодификация военных преступлений происходит во взаимодействии и взаимовлиянии с развитием норм о правах и свободах человека. Таким образом, уголовно-правовой запрет такого рода нарушений можно считать действенной мерой по обеспечению прав человека в условиях вооруженных конфликтов, и борьба с военными преступлениями должна происходить с учетом положений и требований, относящихся к правам личности в уголовном процессе.

1.2. Военные преступления в системе законов и обычаев войны

Для понимания вопроса о сущности законов и обычаев войны весьма интересными и оригинальными представляются мысли и рассуждения крупного современного швейцарского юриста-международника Жана Питке. В курсе, прочитанном им в Страсбургском университете (июль 1982 г.), он говорил, что «в действительности законы войны так же стары, как сама война, а война так же стара, как жизнь на земле».

«Даже современные натуралисты, - пишет далее Ж.Питке, - изучая низкоразвитый интеллект животного мира, выявили примитивные правила. Среди представителей одного вида животных, например, инстинкт агрессии обычно не доводит до убийства противника. Поединок регулируется определенными правилами: олени сражаются только с помощью рогов, а в драке между волками или собаками слабый сдается, подставляя иногда при этом глотку победителю, который воздерживается от смертельной хватки. ...Кодекс чести не позволял воинам сдаваться, они должны были победить или умереть без всякой пощады. Однако даже в этот период (при "законах джунглей"), особенно среди оседлых народов, мы находим следы попыток смягчить ужасы войны. Археологи обнаружили, что за ранеными в бою

в эпоху неолита ухаживали, многие скелеты являют собой доказательства того, что уже практиковались вправление суставов и даже трепанация черепов»¹.

В современной международно-правовой доктрине и науке преобладающим является мнение, согласно которому под военными преступлениями понимаются такие международные деяния (действия) субъектов, которые нарушают общепризнанные законы и обычаи войны. Сами по себе военные преступления могут выражаться в различных противоправных деяниях (действиях), использовании средств и методов войны, которые запрещены действующими положениями и нормами международного права. К ним, как известно, относятся бессмысленное разрушение городов и других населенных пунктов, уничтожение культурных ценностей, являющихся общим достоянием человечества, жестокое обращение с военнопленными, ранеными и больными, а также с мирным населением и др.

В русскоязычной международно-правовой литературе вопросы, касающиеся ответственности за нарушение законов и обычаев войны в их историческом аспекте развития, нашли достаточно глубокое освещение и отражение в трудах различных юристов-международников. Мировой опыт подтверждает тот факт, что преступная цель войн и вооруженных конфликтов определяет и преступные методы их ведения. Действительно, государство-агрессор, развязавшее несправедливую войну, ставит перед собой преступные цели, которые не могут быть достигнуты законными средствами и методами военных действий. И, наоборот, при справедливых, освободительных войнах соблюдаются требования международного права, поскольку гуманная война, как правило, исключает преступные методы ее ведения.

Одна из особенностей заключается в том, что международно-правовое запрещение агрессивных войн само по себе еще не ведет к ликвидации из общественной жизни

причин, которые порождают вооруженные конфликты. Хотя существует международно-правовое запрещение использования вооруженной силы в межгосударственных отношениях, государства нередко прибегают к ней для разрешения возникающих между ними споров и конфликтов. Это обстоятельство обуславливает необходимость правового регулирования общественных отношений, возникающих в ходе вооруженного конфликта, в целях его максимально возможной гуманизации.

Другая особенность заключается в том, что в результате длительного процесса кодификации и прогрессивного развития международного права сложились специальные принципы, которыми участники вооруженных конфликтов обязаны руководствоваться при всех обстоятельствах. К ним относятся следующие принципы:

- ограничения воюющих в выборе средств и методов ведения войны;
- защиты прав гражданского населения, а также определяющие правовой режим гражданских объектов;
- нейтралитета и отношений между воюющими и нейтральными государствами;
- гуманности, запрещающие применение военного насилия, которое не является необходимым для целей войны.

Сложившиеся в международном праве законы и обычаи войны, как правило, были направлены на ограничение произвола воюющих, чтобы по мере возможности гуманизировать войну. Итак, война или любой вооруженный конфликт порождает определенные правоотношения как между воюющими, так и между воюющими, с одной стороны, и не участвующими в конфликте - с другой. Законы и обычаи войны превратились в самостоятельную отрасль международного права, в совокупность конвенционных и обычных юридических норм, регулирующих отношения между участвующими в вооруженном конфликте субъектами. Эти отношения могут сложиться по разным причинам и обстоя-

тельствам (например, по поводу применения средств и методов ведения вооруженной борьбы, защиты раненых, больных, гражданского населения), устанавливающих ответственность государств и отдельных лиц за нарушение этих норм. Поэтому, даже при существовании самой опасности вооруженных конфликтов и признании агрессии как международного преступления, общепризнанные законы и обычаи войны, как целая система мер по ограничению произвола воюющих и защите жертв войны, должны эффективно применяться.

Несостоятельными, в смысле возможной гуманизации ведения вооруженной борьбы, выглядят попытки сторонников произвола в поисках компромата законов и обычаев войны утверждать, что технический прогресс в военном деле привел к созданию таких разрушительных средств ведения вооруженной борьбы, применение которых якобы лишает реальности всю систему законов и обычаев войны²⁰.

К числу наиболее важных источников права на ведение войны следует отнести, в первую очередь, Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг. о законах и обычаях сухопутной войны, о бомбардировке морскими силами во время войны, о правах и обязанностях морских держав в случае морской войны и некоторые другие. Всего в Гааге было принято 13 конвенций и Декларация о запрещении метания снарядов и взрывчатых веществ с воздушных шаров²¹. Принятые Гаагские конвенции сыграли решающую роль в формировании законов и обычаев войны как совокупности принципов и норм международного права, регулирующих отношения между государствами по вопросам, связанным с ведением войны. Ограничивая выбор средств и методов вооруженной борьбы, запрещая применение наиболее жестоких из них, устанавливая уголовную ответственность за военные преступления, законы и обычаи войны объективно содействуют

гуманизации, ограничению масштабов вооруженных конфликтов.

Однако, наряду с достоинствами, большинство из принятых Гаагских документов обладали рядом недостатков. Один из них касался того, что они содержали так называемую оговорку всеобщности - *clausula si omnes*, согласно которой положения Конвенции были обязательны «лишь для договаривающихся держав и только в том случае», если воюющие в ней участвуют (IV Гаагская конференция о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г., ст. 2). В связи с этим, если в войну вступало государство, не являющееся участником Конвенции, то она переставала действовать даже в отношениях между ее участниками. К слову сказать, последующая нормотворческая практика государств пошла по пути отказа от этой оговорки.

Итак, принято считать, что впервые проблема ответственности субъектов за нарушение законов и обычаев войны была поставлена и частично разрешена в одной из Гаагских конвенций 1907 г. Однако еще в 1864 г. в Женеве была заключена международная Конвенция «Об улучшении во время сухопутной войны участи раненых и больных воинов». Но ни в этой Конвенции, ни в Санкт-Петербургской Декларации 1868 г. ничего не говорилось об ответственности государств, организаций и физических лиц за нарушение указанных конвенций. Впервые попытка постановки вопроса об ответственности за нарушение законов и обычаев войны имела место в проекте международного договора об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях. Автором проекта являлся швейцарский юрист Муанье, который еще в 1872 г. предложил учредить Международный трибунал для предупреждения и преследования виновных в нарушении Женевской конвенции 1864 г.²²

В соответствии со статьями проекта воюющие стороны могли обращаться в Международный трибунал с жалобой на нарушителей Конвенции. Трибунал должен был состоять из

пяти членов: два - от воюющих сторон, три - от нейтральных стран по жребию. Если нейтральное государство, имеющее в трибунале представителя, вступило в войну, то назначенный им арбитр выбывал из состава трибунала и по жребию заменялся представителем другого нейтрального государства (ст.2 проекта). Трибунал был правомочен рассматривать дела только по жалобам воюющих сторон; установив виновных, трибунал определял наказание в соответствии с дополнительным к Женевской конвенции соглашением (ст. 4). Кроме присуждения к наказанию, трибунал мог присудить к возмещению пострадавшему причиненного ущерба. Вместе с тем проект²³ предусматривал ответственность за исполнение приговора правительства того государства, гражданином которого являлся осужденный.

Следующей попыткой определения ответственности за нарушение законов и обычаев войны был проект Международной конвенции о законах и обычаях войны, который был представлен Россией в 1874 г. на Брюссельской конференции . В проекте, в частности, говорилось, что «в случае несоблюдения неприятелем законов и обычаев войны, определенных ...конвенцией, противная сторона... может прибегнуть к репрессиям, не упуская, однако, из виду требования человеколюбия». Однако такая постановка вопроса не нашла поддержки на этой конференции.

Первая мирная конференция, проходившая в 1899 г. в Гааге, приняла три важных международно-правовых документа того времени, но ни в одном из них не отражен вопрос об ответственности государства, правительства и физических лиц за нарушение основных положений Декларации.

Определенный позитивный шаг в этом направлении был сделан в 1906 г., когда была заключена Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных, в которой была сделана очередная попытка решить вопрос об ответственности за нарушение положений конвенций. В этой связи обращает на себя внимание положение ст. 28 Конвенции, где

сказано, что «правительства, подписавшие Конвенцию, обязуются... принять или предложить на утверждение своих законодательных учреждений, в случае недостаточности их военно-уголовных законов, необходимые меры для преследования во время войны отдельных случаев грабежа и дурного обращения с ранеными и больными армий». Как видно, в данной Конвенции впервые был поставлен вопрос об ответственности физических лиц как прямых нарушителей основных ее положений. Вопрос об ответственности государств за нарушение Конвенции по-прежнему оставался нерешенным.

Данный вопрос не был поставлен и не был решен изначально также наукой международного права. В свое время Гуго Гроций в сочинении «О праве войны и мира» различал международные обязательства государства, возникающие из договора и из деликта. Как отмечал Г.Гроций, «правонарушением мы называем всякую вину, состоящую как в действии, так и воздержании от действия... В силу такой вины возникает естественное обязательство при наличии ущерба, а именно - обязательство возместить его». Поэтому можно сказать, что вопрос о международной ответственности за правонарушения в общей форме был поставлен Г.Гроцием, а вопрос об ответственности за нарушение правил и обычаев войны остался нерешенным даже в его специально посвященном войне сочинении.

В последующем в международно-правовой науке и доктрине проблема ответственности за нарушение законов и обычаев войны не затрагивалась и не решалась каким-либо образом. Однако некоторые юристы, например, русский ученый Ф. Лист, исходили из того, что государство отвечает за действия главы и министра иностранных дел, послов и консулов, а также за действия своих военачальников во время войны²⁷.

Очевидно, что к началу XX столетия проблема ответственности государства за нарушение законов и обычаев

войны продолжала оставаться нерешенной ни практикой, ни наукой международного права.

Определенный интерес как в теоретическом, так и в практическом отношении представляет происходившая в 1907 г. в Гааге Вторая мирная конференция, которая была посвящена выработке международно-правовых норм ведения военных действий. Достижением данной конференции можно считать принятие специальной Конвенции «О законах и обычаях сухопутной войны». В ней впервые была зафиксирована норма, обязывающая «воюющую сторону, которая нарушит постановления данного Положения, возместить убытки, если к тому есть соответствующие основания. Она будет ответственна за все действия, совершенные лицами, входящими в состав ее вооруженных сил» (ст. III Конвенции).

Несмотря на относительно прогрессивный характер этой статьи, текст ее во многом казался неопределенным. Например, из статьи не ясно, кто и как будет определять «соответствующие основания» возмещения убытков: сама ли потерпевшая сторона или какой-то специальный международный орган. Или другие вопросы. В каких размерах и в каком виде будут возмещаться убытки? И вообще: возместимы ли и в каком виде такие преступные действия, как истязания, пытки, насилия и убийства раненых и больных военнопленных и гражданского мирного населения? Кроме того, из положения п. 2 ст. III, по которой сторона «будет ответственна за все действия, совершенные лицами, входящими в состав ее вооруженных сил», не ясно, в чем должна выражаться эта ответственность, каковы должны быть ее форма и последствия.

В Конвенции, вместе с тем, ничего не сказано об ответственности правительства, генерального штаба, которые, как это требует ст. I, должны дать специальные поручения (наказы) своим сухопутным силам в соответствии с включенным в Конвенцию Положением о законах и обычаях су-

хопутной войны. Немаловажно и то, что в Конвенции не затронут вопрос об ответственности физических лиц - непосредственных нарушителей законов и обычаев войны, т. е. лиц, совершивших военные преступления. Названные существенные недостатки Конвенции снижают ее ценность и значимость. В качестве положительного фактора можно отметить то, что вопрос об ответственности, прежде всего государств, за нарушение законов и обычаев войны в Конвенции был решен частично.

Несмотря на то, что в последующем, в частности, в период между первой и второй мировыми войнами были приняты новые конвенции и другие документы о законах и обычаях войны, однако ключевые вопросы - об ответственности государств, правительств, организаций и физических лиц - не нашли в них должного освещения и отражения. И в Женевском протоколе «О запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств» (от 17 июня 1925 г.)²⁹ также ничего не было сказано об ответственности государств, организаций и физических лиц. Как отмечается в этом Протоколе, подписанном 37 государствами, «в целях повсеместного признания вошедшим в международное право сего запрещения, равно обязательного для совести и практики народов, государства-участники... признают это запрещение, соглашаются распространять это запрещение на бактериологические средства ведения войны и договариваются считать себя связанными по отношению друг к другу условиями этой декларации».³⁰

Одним из достижений Женевского протокола 1925 г., как многостороннего международного договора, является юридическое запрещение применения химического и бактериологического оружия. Установив данное запрещение, Протокол, тем самым, ввел в международное право принцип недопустимости применения оружия массового уничтоже-

ния, подразумевая при этом соответствующую ответственность субъектов за его нарушение.

Определенным вкладом в дальнейшее становление международно-правового института и принципа ответственности за нарушение законов и обычаев войны следует рассматривать положения другого важного документа - Женевской конвенции 1929 г. «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях»³¹. Обращают на себя внимание положения некоторых статей этой Конвенции. Например, в ст. 29 говорится о том, что правительства договаривающихся сторон «примут или предложат на утверждение своих законодательных учреждений в случае недостаточности их уголовных законов необходимые меры для преследования во время войны всякого действия, противоречащего постановлениям настоящей конвенции». Кроме того, указывалось также, что «по просьбе одного из воюющих должно быть начато расследование в порядке процедуры, подлежащей установлению между заинтересованными сторонами, по поводу всякого утверждения о нарушении конвенции; как только нарушение будет доказано, воюющие пресекут его и примут меры к преследованию в возможно короткий срок» (ст. 30).

При всей привлекательности этих норм, можно сказать, что, по существу, это лишь частичное, ограниченное решение вопроса об ответственности, поскольку, с одной стороны, в Конвенции не указывался конкретно субъект ответственности государств, а с другой - ничего не говорилось об ответственности государств, организаций (например, генерального штаба), физических лиц (военных преступников и других) за нарушение законов и обычаев войны.

Весьма оригинально к вопросу об ответственности за нарушение законов и обычаев войны подходил известный французский юрист-международник П. Фошиль, который в своем курсе «Вопросы публичного международного права» писал, в частности, что международное право будущего

должно пойти дальше, возведя в общий и абсолютный принцип те меры, которые Версальский договор установил только для виновников преступлений, совершенных во время войны 1914-1918 гг. Он указывал, что в этом отношении необходима реформа существующего международного права³².

В международно-правовой литературе периода между первой и второй мировыми войнами стали появляться научные работы, посвященные определению субъекта международного правонарушения, возникли новые подходы и направления, которые, по существу, признавали уголовную ответственность за международные преступления либо государства или физических лиц, либо и тех, и других.

Одним из видных специалистов 30-х годов нынешнего столетия, который активно отстаивал концепцию международной уголовной ответственности, являлся известный юрист-международник С. Бустаманте. Его вклад в развитие и становление института ответственности за нарушение законов и обычаев войны выразался, в частности, в том, что он строго отличал международную гражданскую ответственность государства как следствие, во-первых, нарушения международных обязательств от международной уголовной ответственности, и, во-вторых, международного деликта, подпадающего под действие санкций. С. Бустаманте полагал также, что деликт по международному уголовному публичному праву может быть совершен только субъектами этого права, т.е. международными юридическими лицами. Он фактически признавал, что акты отдельных лиц предшествуют деликту, но превращаются в него только тогда, когда государство связано с этими актами через свои действия или бездействие и когда эти последние порождают преступный результат³³.

Поэтому С. Бустаманте толковал международное уголовное право как совокупность принципов, определяющих права и обязанности членов международного общения, нарушение которых является международным преступлением

и влечет за собой наказание . Он также пришел к выводу, что международное наказание или санкция есть ущерб, который наносится международной юридической личности, виновной в причинении ущерба, в целях защиты против непосредственных или косвенных намеренных и сознательных нарушений индивидуальных или коллективных прав другой международной юридической личности³⁵.

Этим, можно сказать, было определено одно из направлений, которое устанавливало уголовную ответственность государства за международный деликт, за нарушение законов и обычаев войны.

Однако несколько ранее отдельные юристы-международники, как, например, Н. Политис,³⁶ отстаивали позицию, согласно которой субъектами международной уголовной ответственности признавались только физические лица, которые как истинные виновники преступлений и должны были подлежать международному правосудию. Государство же, по мнению Н. Политиса, несет только гражданско-правовую ответственность.

Вместе с тем некоторые юристы-международники того времени, как, например, Сальдан, Левит, В. Пелла," являющиеся авторами проектов Международного уголовного кодекса³⁷, придерживались того мнения, что субъектами международной уголовной ответственности следует считать как государства, так и физических лиц.

Так, профессор В. Пелла (Румыния) в своей работе «Коллективная преступность государств и уголовное право будущего»- охарактеризовал международное уголовное право как ответвление международного публичного права, которое определяет преступления, устанавливает наказания и предусматривает условия международной уголовной ответственности государства и индивидов³⁸. Особый интерес представляет его мнение о том, что признание государства юридической личностью включает также признание его международной уголовной ответственности, поэтому государ-

ства могут рассматриваться как субъекты преступления. Считая государство международной юридической личностью, В. Пелла как бы солидаризировался с С. Бустаманте, но вместе с тем полагал, что международное уголовное право не может оставлять в стороне важную часть ответственности, которая относится к некоторым физическим лицам в связи с преступными действиями государства. Он считал также, что преступления и проступки, совершенные государствами, могут породить два вида уголовной ответственности: коллективную - у государств и индивидуальную - у некоторых физических лиц.³⁹

Несмотря на многочисленные дискуссии и различные теоретические споры в период между первой и второй мировыми войнами, в том числе по разработке положений международного уголовного правосудия, проблема ответственности государств, правительств, организаций и физических лиц за нарушение законов и обычаев войны продолжала оставаться неразрешенной.

Положения Гаагских конвенций были развиты четырьмя Женевскими конвенциями о защите жертв войны 1949 г., которые распространяли действие правил ведения войны на «вооруженные конфликты, не носящие международного характера», запретили не обусловленное военной необходимостью уничтожение имущества, принадлежащего частным лицам, государственным и общественным организациям. Принятием этих Конвенций был сделан важный шаг в направлении установления правового режима гражданского населения в районах вооруженных конфликтов.

Обращает на себя внимание следующий факт: вскоре после принятия Женевских конвенций 1949 г. оказалось, что их нормы не всегда способны адекватно учитывать специфику вооруженных конфликтов в эпоху растущего научно-технического прогресса. Стало очевидным, что положения Конвенций применимы скорее к последствиям военных действий, нежели к их непосредственному ведению⁴¹.

Международно-правовое значение Дополнительных протоколов заключается в том, что они имели целью устранить не соответствующий современным условиям разрыв между предписаниями норм, гарантирующих защиту жертв войны, и норм, касающихся средств и методов ведения войны. Следует отметить, что первый Дополнительный протокол значительно расширял сферу применения правил ведения войны, а второй - круг лиц, который пользовался покровительством правил ведения войны. Кроме того, если действие Женевских конвенций 1949 г. распространялось на случай «необъявленной войны или всякого другого вооруженного конфликта, возникающего между двумя или несколькими государствами», то положения документов 1977 г. распространялись и на войны, «в которых народы ведут борьбу против колониального господства и иностранной оккупации, против расистских режимов в соответствии со своим правом на самоопределение».

В современном международном праве действует также большая группа международно-правовых актов⁴, которые регулируют средства и методы ведения войны.

В процессе кодификации и прогрессивного развития международного права, применимого в период вооруженных конфликтов, наряду с государствами, важную роль играла и продолжает играть Организация Объединенных Наций, а также такие авторитетные неправительственные организации, как Международный Комитет Красного Креста, Институт международного права и др.

Что касается предметов регулирования правил ведения войны, то ими являются специфические общественные отношения, которые складываются обычно между субъектами в ходе вооруженных конфликтов. На доктринальном уровне в целом общепризнанным является мнение, согласно которому под международным вооруженным конфликтом понимается вооруженное столкновение между государствами, либо между национально-освободительным движением и

метрополией, т.е. между восставшей (воюющей) стороной и войсками соответствующего государства. Различают также понятие вооруженного конфликта немеждународного характера, под которым обычно имеется в виду вооруженное столкновение антиправительственных вооруженных отрядов с вооруженными силами правительства, происходящее на территории какого-либо одного государства.

Понятие международного вооруженного конфликта как юридическая категория впервые дано в Женевских конвенциях 1949 г. Его появление наряду с понятием «война» способствовало возникновению большого количества вопросов теоретического и практического характера, споры по которым продолжаются до настоящего времени. Важность выработки единообразного подхода к разрешению этих вопросов обусловлена проблемой квалификации действий вооруженных сил в той или иной ситуации.

Рассматривая проблему соблюдения законов и обычаев войны в историческом аспекте, нельзя не учитывать и то, что до Второй мировой войны существовали отдельные международно-правовые документы⁴³, осуждающие войну как средство национальной политики и объявляющие агрессивную войну не только незаконной, но и преступной. Однако это не мешало таким государствам, как, например, Германия, Италия, Япония, развязывать агрессивные войны, в том числе самую жестокую из них - Вторую мировую войну.

Является очевидным и значительным тот факт, что Устав Международного военного трибунала и последующие документы внесли существенный и решающий вклад в дело совершенствования норм и принципов международного права в борьбе с агрессией, запрещения использования вооруженных сил одного государства по отношению к другому, а также урегулирования международных конфликтов мирными средствами. Принятие этих международно-правовых документов прекратило различные дискуссии о противоправ-

ности и правомерности в оценке агрессии, лучшим доказательством чему стали судебные процессы над главными военными преступниками (в Нюрнберге и Токио).

В последующем, в отдельных случаях, ООН, благодаря усилиям миролюбивых стран, удавалось даже предотвращать агрессивные действия некоторых государств. Вместе с тем следует учесть, что ни Устав ООН, ни Устав международного военного трибунала (МВТ) и другие документы не давали еще международно-правовые гарантии и защиту от агрессивных действий, которые были предприняты некоторыми государствами после принятия этих документов. В качестве примеров можно назвать американскую агрессию против корейского, малайского, вьетнамского народов; англо-франко-израильскую агрессию против Египта (в 1956 г.), Израиля против арабских стран (в 1967 г.), многостороннюю интервенцию во главе с США в Ираке («Буря в пустыне») и другие акты агрессии.

Таким образом, исследование вопроса об ответственности за нарушение законов войны в историческом аспекте его развития, во всяком случае, на опыте вооруженных конфликтов XX столетия, позволяет сделать вывод о том, что существуют различные аспекты ответственности военных преступлений за международные правонарушения, которые совершены в процессе ведения военных действий государством, его органами или физическими лицами в отношении другого государства, его органов или физических лиц. А ответственность за нарушение законов и обычаев войны, закрепленных в конвенционном или договорном порядке, несут и государство как субъект международного публичного права, и правительство с его некоторыми органами (например, генеральным штабом вооруженных сил), и, наконец, физические лица (не только из числа военнослужащих, непосредственно ведущих военные действия).

В международном праве общепризнанным является положение об обязательствах, которые могут быть дейст-

венными только тогда, когда они выполняются. Это касается самого государства как субъекта международного права, его органов, которые всей своей деятельностью должны способствовать выполнению обязательств государства, а также физических лиц (в первую очередь, военнослужащих), действия которых в период войны должны строго укладываться в рамки подписанной государством международной конвенции.

Иными словами, обязательства государства, в случае нарушения законов и обычаев войны, влекут ответственность самого государства, его органов, учреждений, а также граждан, независимо от того, принадлежат ли они к составу вооруженных сил или нет. В соответствии с данным обстоятельством, в частности, физические лица (военнослужащие) должны строго соблюдать правила ведения военных действий, при нарушении которых они могут стать субъектами международных правонарушений со всеми вытекающими из этого юридическими последствиями, включая уголовную ответственность за совершенные военные преступления.

1.3. Противоправность международных военных преступлений

В доктрине современного международного права существует распространенное мнение, согласно которому лицо (индивид) должно нести ответственность за нарушение ме-

ждународно-правовых норм⁴⁴. При этом различаются два вида деликта: а) международные правонарушения и б) международные преступления. Последние же отличаются друг от друга не только содержанием и характером самого правонарушения, но и своими последствиями. Поэтому международные преступления, независимо от того, каким лицом они осуществляются (например, военнослужащим одного государства по отношению к мирному населению другого), если они носят особо опасный характер и имеют тяжкие послед-

ствия для человека, то могут рассматриваться как тяжкое международное преступление, которое подпадает под действие специальных норм международного права, уставов Международного трибунала и других документов в области международного правосудия. Что касается нарушений международно-правовых принципов и норм, то здесь имеется факт противоправного поведения субъекта.

Квалификация некоторых противоправных деяний (действий) как международных преступлений отражена в большом количестве международно-правовых документов современности, где содержатся понятия «международные преступления», которые предусматривают преступления против мира и человечества, преступления против международного права. Такие преступления проявляются в нарушении принципов и норм международного права, имеющих существенное значение для обеспечения мира, защиты человеческой личности, безопасности человечества в целом.

Одним из важных международно-правовых документов современности, устанавливающих основу и содержание международного преступления, как известно, является Устав МВТ, созданный для суда над военными преступниками после Второй мировой войны. Ст. 6 данного Устава содержит положения определяющие, в частности, три вида преступлений против человечества:

а) преступления против мира, а именно: планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений или участие в общем плане или заговоре, направленным к осуществлению любого из вышеперечисленных действий;

б) военные преступления, а именно: нарушение законов или обычаев войны. К этим нарушениям относятся убийства, истязания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства или истязания военнопленных или лиц, находя-

щихся на море; убийства заложников; ограбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов и деревень; разорения, неоправданные военной необходимостью, и другие преступления;

в) преступления против человечества, а именно: убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестоко сти, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследование по политическим, расовым или религиозным мотивам в целях осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции трибунала, независимо от того, являлись эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет».⁴⁵

Как видно, ст. 6 Устава в п. «В» особо выделяет военные преступления, устанавливая при этом главный фактор - нарушение законов и обычаев войны.

В документах международного права, принятых и рассматривающих проблемы ответственности за военные и другие преступления против мира и безопасности человечества за последнее десятилетие, особенно в проекте Кодекса международных уголовных преступлений, международных уголовных трибуналов (1993, 1994 гг.) и других, заметно расширен не только перечень преступлений (деяний), составляющих этот вид международных преступлений, но и имеют место определенные позитивные сдвиги в подходах, оценках, критериях, признаках и обстоятельствах, квалифицирующих военные преступления, что исходит из сложившейся практики межгосударственных, национально-этнических конфликтов, сопровождающихся вооруженными действиями сторон.

В промежутке между принятием отмеченных документов, предусматривающих ответственность лиц, виновных в совершении военных преступлений, был принят важный международно-правовой документ, относящийся к этой проблеме - Конвенция о неприменимости срока давности к

военным преступлениям и преступлениям против человечества от 26 ноября 1968 г.⁴⁶ Так, ст. 1 Конвенции устанавливает, что никакие сроки давности не применяются к военным преступлениям, как они определены в ст. 6 Устава МВТ, а также к преступлениям против человечества, независимо от того, были они совершены во время войны или в мирное время.

Вместе с тем Конвенция определяет круг лиц, на которых не распространяется срок давности за совершенные преступления. Так, положения Конвенции применяются к представителям государственных властей и частным лицам, которые выступают в качестве исполнителей этих преступлений, или непосредственно подстрекают других лиц к совершению таких преступлений, или участвуют в заговоре для их совершения, независимо от степени их завершенности, равно как и к представителям государственных властей, допускающих их совершение (ст. 2).

В ст. 3 Конвенции содержится обязательство государств принять все необходимые внутренние меры законодательного или иного характера, направленные на то, чтобы в соответствии с международным правом создать условия для выдачи лиц, указанных в ст. 2.

Таким образом, нормы международного права совершенно определенно предписывают государствам обязательство выдавать военных преступников тем странам, на территории которых они совершили преступные деяния. Однако в практике современных международных отношений данное обязательство выполнялось государствами крайне редко, особенно теми, кто не являлся участником названной Конвенции.

В науке и теории международного права общепризнано, что международная уголовная ответственность индивидов может осуществляться двумя путями: а) государства могут сами судить таких преступников в соответствии со своим уголовным законодательством, б) в отдельных слу-

чаях государства путем заключения международного договора могут создавать Международный уголовный суд (каковыми, как известно, являются Нюрнбергский и Токийский военные трибуналы).

Как видно, международная уголовная ответственность возникла и развивается как один из важных институтов современного международного права, исходным пунктом для зарождения которого была идея и признание агрессивных войн как международного преступления, влекущего международную ответственность. Хотя нормы международного права, которые предусматривали ответственность за нарушение законов и обычаев войны, сложились на рубеже XIX -XX столетий, однако государства антигитлеровской коалиции в этом вопросе опирались на известные нормы Гаагских конвенций, а также содействовали их развитию.

Таким образом, институт международной уголовной ответственности индивидов за международные преступления имеет большое значение для обеспечения эффективности норм, закрепленных в первоначальных уставах международных военных трибуналов, в последующих конвенциях и других важных международно-правовых актах.

Следует особо отметить, что развитие международного права имело значение не только для расширения перечня противоправных деяний, составляющих международные преступления, но и квалификации их признаков, что также выделялось в ходе рассмотрения данной проблемы в деятельности Комиссии ООН по международному праву.⁷

В вопросе уголовной ответственности физических лиц за военные преступления против мира и безопасности человечества есть еще один аспект - нераспространение на совершивших эти преступления лиц международно-правовых норм, регулирующих право убежища⁴⁸.

Международно-правовой институт политического убежища преимущественно является обычно правовым, и ООН пыталась кодифицировать нормы данного института

несколько десятилетий назад, когда приняла Декларацию о территориальном убежище.⁴⁹ Общепризнанным в международном праве является положение, согласно которому убежище, предоставляемое каким-либо государством в порядке осуществления своего суверенитета, должно уважаться всеми остальными государствами. Таким образом, предоставляя убежище, государство реализует свое суверенное право, и оно может его предоставить какому-либо лицу или лицам, но и может в нем отказать. Однако если государство реализовало это право предоставления убежища, то возникает ряд международно-правовых последствий.

Важным в данном случае является вопрос о взаимодействии внутринационального законодательства государств с нормами международного права. В этой связи следует учитывать и другой существенный момент: если перечень оснований, по которым убежище может предоставляться, зависит от национального законодательства, то обязательство государств не предоставлять убежища лицам, виновным в совершении международных преступлений, должно предусматриваться уже нормами современного международного права, в частности, существующими принципами, договорно-конвенционными и обычными нормами.

Данное положение, как известно, закреплено в п.2 ст.1 Декларации о территориальном убежище, в которой говорится о том, что право искать и пользоваться убежищем не признается за лицом, в отношении которого имеются серьезные основания полагать, что оно совершило преступление против мира, военное преступление или преступление против человечества, как они определяются в международных документах. Понятия же «военные преступники», «лица, виновные в преступлении против человечества» и другие понятия и квалифицирующие их признаки, как было отмечено, нашли свое отражение в соответствующих международно-правовых актах современности.

Итак, основным международно-правовым последствием предоставления убежища (политического) следует рассматривать обязанность государства не выдавать лицо, получившее такое убежище, и государство несет, эту обязанность в отношении международного сообщества, как это подчеркнуто в Декларации о территориальном убежище. Однако та же Декларация закрепляет норму, которая лишает этого права лица, совершившего международные преступления против человечества, в том числе военные преступления.

В последующем Генеральная Ассамблея ООН неоднократно подтверждала принцип уголовной ответственности индивида (физических лиц) за военные преступления и выражала убеждение в том, что наказание лиц, совершивших военные преступления, составляет важный элемент в деле их предупреждения. С другой стороны, решение вопроса о предупреждении таких преступлений в контексте развития прогрессивно-демократических норм международного права имеет большое практическое и теоретическое значение для интересов мирового сообщества, в частности, в деле защиты прав человека и основных свобод, укрепления доверия и сотрудничества, обеспечения международного мира и безопасности.

Среди реальных мер и действий, предпринятых в рамках деятельности Генеральной Ассамблеи ООН, выделяется, например, документ о Принципах международного сотрудничества в отношении обнаружения, ареста, выдачи и наказания лиц, виновных в военных преступлениях против человечества (от 3 декабря 1973 г.). Определенная этим документом международно-правовая норма устанавливает, что военные преступления, когда бы и где бы они не совершались, подлежат расследованию, а лица, в отношении которых имеются доказательства в совершении таких преступлений, подвергаются розыску, аресту, привлечению к судебной ответственности и, в случае признания их виновными, наказа-

нию. Таким образом, документом подтверждается необходимость соответствующего наказания лиц, виновных в преступном нарушении прав и свобод человека, которые все еще совершаются.

В документе о Принципах говорится о том, что каждое государство обладает правом судить своих собственных граждан за военные преступления или преступления против человечества, что государства должны осуществлять международное сотрудничество на двусторонней и многосторонней основе и в соответствии с этим положительно решать вопрос о выдаче таких лиц. Особо подчеркивается, что государства должны принимать национальные законы, ка-

рающие за такие преступления.

Наряду с внутренними мерами (вплоть до учреждения специальных органов по расследованию такого рода преступлений и создания специальных судов по этой категории дел), предусмотрены и международные меры, как, например, заключение межгосударственных двусторонних или многосторонних соглашений по вопросам сотрудничества и в целях предотвращения и пресечения военных преступлений и преступлений против человечества. Согласно Принципам 8 и 9, государства не должны принимать законодательные или иные меры, которые противоречили бы взятым ими на себя международным обязательствам, а сотрудничество государств по всему комплексу вопросов должно происходить на основе Устава ООН.

Как видно, уголовная ответственность физических лиц (индивидов) за преступления против мира и безопасности человечества, а также за военные преступления как общепризнанный, самостоятельный международно-правовой институт находится в постоянном развитии, особенно благодаря усилиям Комиссии ООН по международному праву.

Не случайно, в разработанный ею проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества были включены перечисленные и ряд других видов между-

народных преступлений: агрессия, угроза агрессии, вмешательство, колониальное господство, апартеид, наемничество, международный терроризм, геноцид, систематические и массовые нарушения против человечества, незаконный оборот наркотиков, преднамеренный и серьезный ущерб окружающей среде, а также исключительно серьезные военные преступления.

Как свидетельствуют многочисленные факты, особенностью многих международных преступлений, в том числе и военных, является то, что они совершаются преимущественно не частными лицами, а теми, кто занимает официальное положение в государстве и действует от имени государства, организующего такие преступления. В такой ситуации маловероятно, что правительство государства, виновное в международных преступлениях, даст согласие на предание суду исполнителей его распоряжений, а тем более допустит вынесение им обвинительных приговоров. В связи с этим важное значение имело решение вопроса об образовании соответствующего Международного уголовного суда (МУС), который будет судить не государство, а конкретных физических лиц (индивидов, военнослужащих и др.), виновных в совершении международных преступлений.

При этом создание такого суда не обязательно означает, что государства лишаются юрисдикции судить своих граждан или других лиц, виновных в совершении преступлений против мира и безопасности человечества. Если же международные преступления совершаются официальными лицами от имени государства, то должно иметь место, вероятнее всего, международное судебное разбирательство.

В данном случае особую актуальность приобретает вопрос международной правосубъектности индивида, который в современном международном праве является одним из спорных и дискуссионных и требует разбирательства с учетом различных факторов.

В первую очередь следует учитывать, что в связи с развитием и активизацией сотрудничества современных государств, в том числе в области прав и свобод человека на универсальном и региональном уровнях, которые предоставляются индивиду различными международными договорами и соглашениями, имеет место факт расширения их объема. Это обстоятельство постепенно способствовало тому, что индивид приобрел отдельные черты и свойства непосредственного субъекта международного права, стал носителем соответствующих прав и обязанностей.

В русскоязычной международно-правовой литературе некоторые авторы, например, Е.А. Шибаева, отмечали, что «определение субъекта права, данное общей теорией права, применимо и к международному праву. С этим мнением нельзя не согласиться, так как основу понятия субъекта права, независимо от отрасли права, составляет обладание правами и обязанностями».

Н.А. Ушаков в «Курсе международного права» пишет, что «субъекты международного права - это стороны, лица, наделенные юридическими правами и юридическими обязанностями в общественных отношениях, урегулированных международным правом».⁵²

С учетом особого характера международного права, его существенного отличия от внутринационального, свойства субъектов международного права, т. е. способности обладания международными правами и обязанностями, существенным может быть и свойство участвовать в международных правоотношениях, разработке и создании норм международного права, о чем писал, например, СВ. Черниченко.⁵³

Как справедливо отмечает В.А. Карташкин, к определенному свойству субъекта международного права необходимо отнести и его ответственность за нарушение норм и принципов международного права.⁵⁴

Особое значение это свойство субъекта международного права имеет для государств, которые, например, ратифицируя международные соглашения по правам человека, приобретают для себя обязательства перед другими государствами по соблюдению достигнутых договоренностей и перед своими гражданами и всеми лицами, которые находятся под их юрисдикцией. В целом общепризнанным является положение, в соответствии с которым ответственность за нарушение международно-правовых норм и принципов должны нести как государства, так и отдельные индивиды. Это обусловлено хотя бы тем, что последние активно сотрудничают в формировании и развитии международного права, но в отдельных случаях принимают участие, например, в процессах обеспечения международных стандартов, в том числе в области соблюдения прав и свобод человека.

На данном моменте специально делается акцент в ряде важнейших международно-правовых документов современности, например, в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, материалах и решениях совещаний Конференции по человеческому измерению СБСЕ и др.⁵⁵ Так, в Итоговом документе Венской встречи государств-участников СБСЕ содержится обязательство «уважать право своих граждан самостоятельно или совместно с другими вносить активный вклад в развитие и защиту прав человека и основных свобод, право лица наблюдать за осуществлением и способствовать выполнению положений документов СБСЕ и присоединяться к другим с этой целью».⁵⁶

Очевидно, что индивид как носитель международных прав и обязанностей: а) принимает участие в международных правоотношениях, б) выполняет международно-правовые нормы и в) несет соответствующую ответственность за их нарушение. Данные свойства, однако, не означают, что индивид участвует в создании принципов и норм международного права. Закономерным является и то обстоятельство,

что для защиты своих прав индивид может использовать законы и нормы государства, гражданином которого он является, или обращаться за помощью в соответствующие органы.

Кардинальные изменения и новые подходы к прежним, традиционным проблемам международного права, в том числе относящимся к устаревшим подходам регулирования прав личности (как внутреннее дело государств) в вопросах международной защиты прав человека (как вмешательство во внутренние дела), способствовали изменениям и новым подходам в постсоветском пространстве, с учетом сложившихся реалий и приверженности новых субъектов прогрессивно-демократическим ценностям на международно-правовой основе.

Таким образом, новейшие тенденции развития международного права подтверждают необходимость не только дальнейшего совершенствования регулирования всего комплекса межгосударственных отношений, но и, например, усиления роли человека (индивида), его, хотя и ограниченной, международной правосубъектности как участника этих отношений.

Являясь вторичным «производным» субъектом международного права, индивид в отличие от государства - первичного, первоначального субъекта международного права - не создает его нормы и принципы, хотя каким-то образом, возможно, и влияет на этот процесс. И такая способность по мере развития международного права, наполнения его принципами и нормами прогрессивно-демократического характера имеет устойчивую тенденцию роста.

Что касается вопроса о создании Международных уголовных судов (над конкретными физическими лицами, индивидами, виновными в международных преступлениях), то он, естественно, не означает, что государства могут быть лишены юрисдикции судить своих граждан или других лиц за преступления против мира и безопасности человечества, в

том числе и за военные преступления. Международное судебное разбирательство предпочтительно не только в тех случаях, когда международные преступления совершаются официальными лицами от имени своего государства, но и в случаях, когда имеются факты преступлений против мира и безопасности человечества, совершаемых военными преступниками.

Вопрос о взаимосвязи и взаимодействии внутринационального и международного права и создании Международного уголовного суда всегда был и, по-видимому, остается одним из спорных и дискуссионных вопросов, хотя и имеет довольно-таки долгую историю. Так, известно, что издавна обычным и естественным местом уголовного судопроизводства в отношении отдельных преступников были суды тех или иных государств.

Считается, что понятие международного преступления возникло на рубеже XIX-XX столетий в связи с принятием Гаагских конвенций о законах и обычаях войны. Укрепление и развитие этого важного института международного права связано не только с созданием международных военных трибуналов (Нюрнбергского и Токийского), но и с активизацией усилий, в первую очередь государств антигитлеровской коалиции, в развитии международного права в целом. Вместе с тем признание ряда противоправных действий в качестве международных преступлений, особенно в ходе деятельности Комиссии международного права ООН после определения ею понятия агрессии, и другие факты способствовали осознанию необходимости создания постоянно действующего Международного уголовного суда (трибунала).

Международно-конвенционное запрещение агрессии произошло на сессии Генеральной Ассамблеи, принявшей резолюцию об «Определении агрессии». В ст. 1 данной резолюции под агрессией понимается применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориаль-

ной неприкосновенности или политической независимости другого государства или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом ООН. В ст. 3 дан перечень действий,⁵⁸ которые квалифицируются как акты агрессии. В ней также приводится само определение агрессии, которое по смыслу резолюции представляет собой конкретизацию и дальнейшее развитие одного из важнейших принципов международного права - о неприменении силы или угрозы силой, закрепленного в Уставе ООН, в Декларации о принципах международного права 1970 г., в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г., Парижской Хартии о новой Европе 1990 г., в уставах, документах ЛАГ, ОАЕ, ОАГ и других основных международно-правовых актах современности.

Как видно, соблюдение международной законности, общепризнанных международно-правовых норм и принципов органически связано с необходимостью создания постоянно действующего органа - Международного уголовного суда (трибунала), юрисдикция которого может определяться нормами уже существующих или еще разрабатываемых документов. Юридической базой для деятельности такого суда являются, прежде всего, нормы и положения Конвенций по защите прав жертв войны, по предотвращению и борьбе с геноцидом (Женева, 1949 г.) и ряд других ключевых международно-правовых документов современности.

ГЛАВА 2. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

2.1. Характеристика международно-правовой ответственности за военные преступления

Содержанию современных межгосударственных отношений свойственны разнообразные качественные характеристики, в том числе негативного значения, которые относятся к тем государствам и регионам, где имеет место рост военных преступлений, распространение международного терроризма, нарушение в массовых масштабах гуманитарных норм, элементарных прав и свобод человека. Это неполный перечень противоправных действий, которые составляют содержание одной из устойчивых тенденций развития современного мирового сообщества, о чем свидетельствуют многочисленные факты и события.

Происходящие в различных частях земного шара - на Ближнем Востоке, на Кавказе, в Африке или Европе - международные военные преступления не только противозаконны по своей сути, но и подрывают основы международного права, международной безопасности, нового миропорядка, создают реальную угрозу человечеству, поскольку они имеют тяжкие последствия, в первую очередь, для тех государств, в отношении которых они совершаются.

В этих условиях особое значение приобретает не только вопрос о неукоснительном соблюдении основополагающих принципов и норм современного международного права, но и проблемы формирования его относительно новых отраслей, например, международного уголовного права, положения и нормы которого ставили бы юридический заслон, препятствие, в том числе международным военным преступлениям. Такие преступления, являясь серьезными нарушениями международного права, продолжают вести к гибели людей в массовых масштабах и уничтожению общечелове-

ческих ценностей, углубляют корни международного терроризма, способствуют криминализации миропорядка.

Мировое сообщество предпринимает, правда, не всегда успешно, определенные усилия для предотвращения тенденций развития международных военных преступлений, но в силу отсутствия правового механизма и других причин никак (или почти никак) не решается главная проблема - международно-правовая ответственность за эти преступления.

Решению данной проблемы препятствует, на наш взгляд, отсутствие достаточной международно-правовой нормативной базы, которая бы предусматривала и регламентировала вопросы ответственности государств и лиц, совершивших международные военные преступления. Имеющиеся нечеткие, расплывчатые юридические конструкции носят зачастую условный, декларативный характер.

Одной из особенностей указанной проблемы является то, что нормы и положения, регулирующие международные военные преступления, - это относительно новый международно-правовой институт, возникновение, формирование и развитие которого стало возможным благодаря, главным образом, нормативно-правовому запрещению войны в целом, признанию последствий, особо опасных для здоровья и жизни людей и государства.

Международно-правовую недопустимость вооруженных действий одних государств по отношению к другим, отказ от войны как средства решения международных конфликтов и общепризнанность их преступного характера следует, на наш взгляд, рассматривать как правовую базу, на которой можно создавать режим ответственности за военные преступления, являющиеся составной частью понятия «международное преступление».

В доктринальном плане речь идет о реакции мирового сообщества на практику агрессивных действий отдельных государств, осуществление ими захватнических войн, которые сопровождаются, как известно, уничтожением матери-

альной культуры народов, издевательствами и даже физическим уничтожением мирного населения, отдельных национальностей.

В условиях усиливающихся ныне тенденций к демократизации и уважению прав человека, о чем говорил Генеральный Секретарь ООН Кофи А. Аннан⁵⁹, формирование новых международно-правовых институтов, способных, в частности, обеспечить мирное сосуществование между различными этническими общинами, укрепление правовой и институциональных баз по вопросам ответственности за любые преступления, недопустимость перечисленных преступлений, можно рассматривать как одну из ключевых предпосылок достижения целей стабильного мира и безопасности.

В возникновении и развитии современного международно-правового института ответственности за международные (включая военные) преступления в качестве определяющего фактора рассматриваются документы и положения, разработанные государствами антигитлеровской коалиции как в ходе, так и после Второй мировой войны (Нюрнбергского и Токийского военных трибуналов) и особенно - Устав ООН, глава VII которого, в частности, уполномочивает Совет Безопасности давать рекомендации или принимать решения о принудительных мерах в отношении угрозы миру, актов агрессии или других нарушений международного мира.

В последние годы в связи с известными обострениями в международных отношениях в Европе, Африке, на Кавказе и в других частях земного шара мировое сообщество столкнулось с необходимостью активизации своих усилий по формированию - в развитие прежних - новых норм императивного характера, способствующих решению проблем международно-правовой ответственности за международные военные преступления. Эти усилия нашли свое правовое воплощение в резолюциях, документах ООН и, прежде всего, Совета Безопасности, образовавшего международные трибу-

налы для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, которые были совершены на территории бывшей Югославии⁶⁰ и в Руанде⁶¹.

Как видно, признание - сначала в доктрине международного права, затем в договорных нормах - особой категории преступлений имело существенное значение для классификации международно-правовых обязательств с учетом их важности для международного сообщества. Это предполагает, в частности, недопустимость нарушения основных принципов и норм международного права (например, принципа запрещения применения силы или угрозы силой, преступления против мира, прав и свобод человека).

Начало и формирование концепции ответственности за международные преступления связано с деятельностью Комиссии международного права ООН, с разработкой положений и норм документов об ответственности государств и проекта Кодекса о преступлениях против мира и безопасности человечества (с конца 40-х годов прошлого столетия). Особого внимания и анализа заслуживают положения Конвенции 1968 г. о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества.

Совместные усилия государств по уголовному преследованию военных преступников, как известно, регламентируются принципами международного сотрудничества в отношении обнаружения, ареста, выдачи и наказания лиц, виновных в военных преступлениях и преступлениях против человечества, принятыми резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН в 1973 г.

Международное право отдельно рассматривает вопрос об ответственности физических лиц, выступающих от имени государства и совершающих действия, которые квалифицируются как военные преступления и преступления против человечества. Так, еще в 1974 г. Генеральная Ассамблея ООН, определив понятие агрессии, установила, что

агрессивная война является преступлением против международного мира, а агрессия порождает международно-правовую ответственность государства и международную уголовную ответственность виновных индивидов. Вопрос о запрещении агрессивных войн органически связан с содержанием и действием одного из важнейших принципов международного права - принципом неприменения силы в международных отношениях⁶².

Существенно и то, что, кроме понятия «агрессия», международное право различает понятие «вооруженное нападение». При сходстве действий государств (фактор первичности не имеет в данном случае особого значения) в обоих случаях юридические последствия при их совершении могут быть различными. Например, Совет Безопасности ООН может при необходимости квалифицировать в качестве агрессии действия, не связанные с непосредственным вооруженным нападением⁶³.

За последние десятилетия в нормативном содержании принципа неприменения силы особо подчеркивается обязанность государств воздерживаться от угрозы силой или ее применения с целью нарушения границ другого государства или как средства разрешения территориальных споров и вопросов, касающихся государственных границ. Кроме того, среди разнообразных противоправных действий, составляющих нормативное содержание принципа неприменения силы, следует отметить насильственные действия военного характера против мирного населения, человечества.

Таким образом, речь идет о значительных сдвигах, изменениях и определенных позитивных достижениях в развитии института международной уголовной ответственности индивидов, в том числе лиц, совершивших военные преступления.

Значительным фактором, позитивно влияющим как на развитие данного института, так и на общий процесс кодификации норм, регулирующих вопросы ответственности

за международные военные преступления, явилось учреждение новых международных уголовных трибуналов (по бывшей Югославии и Руанде), а также разработка Комиссией международного права ООН проекта международного уголовного суда в 1994 г. и его обсуждение в специальном подготовительном комитете.⁶

Несмотря на эти факты и обстоятельства, рассматриваемая проблема, однако, не нашла до сих пор своего всеобъемлющего решения в доктрине современного международного права, хотя изучению этой относительно спорной и сложной проблемы посвящено большое количество научных исследований, в том числе работы ряда советских юристов-международников.⁶⁵

Примечательно и то, что вопрос об ответственности государств за международные преступления исследуется в рамках общей проблемы правовой ответственности за международные правонарушения, которая не подвергалась обстоятельному анализу, не рассматривала вопрос о международных военных преступлениях. Насколько нам известно, до последнего времени в международно-правовой литературе, за исключением нескольких работ⁶⁶, специальные монографические исследования на эту тему отсутствовали. Таким образом, комплексное исследование, охватывающее различные аспекты международно-правовой ответственности за военные преступления, имеет большое теоретическое и практическое значение с учетом принятых в последние годы документов и материалов, в первую очередь, Комиссии международного права ООН.

Можно также отметить, что вопрос о международной уголовной ответственности индивидов (военнослужащих) не является только и просто формой ответственности государства, которому принадлежит военный преступник, а представляет собой самостоятельный институт современного международного права, который оказывает позитивное

влияние на развитие института международно-правовой ответственности.

В современной доктрине в целом общепризнанным является положение, в соответствии с которым международно-правовая ответственность за преступления (в том числе за военные) имеет два уровня: национальный и международный. Так, при уголовном преследовании национальными судебными органами следует исходить из контекста норм, которые содержатся в отдельных международно-правовых документах современности, в первую очередь, в Женевских конвенциях 1949 г. и Дополнительном протоколе I. В соответствии с их статьями некоторые особенно серьезные правонарушения, совершенные во время международного вооруженного конфликта, должны считаться уголовными преступлениями. В этих документах перечислен ряд действий, которые должны наказываться как серьезные нарушения⁶⁷. Среди них - преднамеренное убийство, пытки и другие виды бесчеловечного обращения с лицами, пользующимися покровительством (например, с военнопленными, гражданскими интернированными лицами, жителями оккупированных территорий и др.), а также нападения на гражданское население или отдельных гражданских лиц, ведущие к смерти, серьезным увечьям или нанесению ущерба здоровью жертв. Серьезные нарушения подобного рода рассматриваются как военные преступления⁶⁸.

Международное право исходит из того, что в случае предполагаемого серьезного нарушения Конвенций или Дополнительного протокола против обвиняемого должно возбуждаться уголовное дело, если только данное лицо не передается третьей стране, которая в этом случае ведет уголовное преследование (принцип *aut dedere aut judicare*). Предполагается также, что государства-участники Конвенций должны принимать меры уголовного и дисциплинарного характера и при менее серьезных нарушениях.

Так как уголовное преследование может осуществляться только в том случае, если внутреннее законодательство предусматривает наказание за рассматриваемые поступки, определяет меры наказания и устанавливает необходимые процедуры, важно, чтобы соответствующие национальные законы были приняты еще в мирное время. Это является одной из обязанностей государств-участников Конвенции.

Вывод заключается в том, что современное международное право, воплощенное в Женевских конвенциях 1949 г. и положениях Дополнительных протоколов к ним 1977 г., регламентирующих вопросы о вооруженных конфликтах, предусматривает индивидуальную уголовную ответственность за невыполнение вытекающих из их норм обязанностей, и ответственность эта распространяется на каждого человека, который обязан отвечать за свои противоправные действия.

Особая ответственность лежит на военачальниках, которые должны делать все возможное для предупреждения нарушений норм упомянутых международно-правовых документов лицами, входящими в состав подчиненных им вооруженных сил, и другими лицами, находящимися в их подчинении⁶. С другой стороны, если командир не позаботился о даче соответствующих распоряжений или допустил бесконтрольность, что привело к серьезному нарушению норм Конвенций и Протокола, то он должен отвечать перед

70

судом в пределах возложенной на него ответственности .

Однако сложные правовые проблемы возникают в том случае, если обвиняемый в качестве оправдания ссылается на приказ старшего начальника. В таких ситуациях обвиняемый в серьезном нарушении не отрицает того, что он совершил данное преступление, но заявляет, что он действовал в соответствии с приказом и поэтому не должен нести наказание. Многие обвиняемые на судебных процессах, происходивших после Второй мировой войны, делали такие

заявления. Тем не менее, Лондонское соглашение между правительствами четырех держав (от 8 августа 1945 г.), в соответствии с которым был образован Нюрнбергский военный трибунал, установило, что даже лица, действовавшие по приказу, несут ответственность за свои преступные поступки⁷¹.

Примечательно, что из решений Нюрнбергского военного трибунала возникла норма так называемого обычного права, которая впоследствии оказала большое и конкретное влияние на внутреннее законодательство многих государств. Согласно этой норме, каждый человек (лицо, индивидуум) несет персональную уголовно-правовую ответственность за свои деяния (поступки), даже если он действовал по приказу. Подчиненный, естественно, действует исходя из того, что любой приказ сверху законен. Как бы то ни было, если подчиненному ясно, что выполнение приказа приведет к нарушению закона, он должен отказаться выполнять такой приказ, но только в том случае, если такая возможность действительно существует. Если же, несмотря на это, он выполняет приказ и нарушает этим международно-правовые нормы Женевских документов, то должен понимать, каковы могут быть для него правовые последствия. Смягчающие вину обстоятельства могут быть приняты во внимание, о чем говорилось на Женевской дипломатической конференции 1977 г., которая, однако, не смогла выработать общепризнанного положения по этому вопросу. Поэтому в Протоколе I нет нормы, которая касается приказов вышестоящих начальников, т. е. в этих случаях фактически действует обычное право.

Естественно, что старший начальник, отдающий противоправные приказы, несет за это уголовно-правовую ответственность: в Уставе Нюрнбергского военного трибунала четко записано, что даже главу государства можно привлечь к ответственности за его действия.

Совершенно очевидно, что решения Совета Безопасности ООН от 22 февраля 1993 г. об учреждении международного трибунала для судебного преследования за серьезные международно-правовые нарушения на территории бывшей Югославии и аналогичное решение от 8 ноября 1994 г. по Руанде представляют собой важную веху в деле создания механизма привлечения, к уголовно-правовой ответственности на современном международном уровне.

Что касается уровня международно-правовой ответственности государств, то она также наступает в связи с конкретными нарушениями международного права и преступными действиями данных государств. В реальной действительности это означает, что государство должно нести соответствующую ответственность перед потерпевшим государством за последствия всех без исключения противоправных действий каждого военнослужащего его вооруженных сил⁷². Государство-нарушитель должно восстановить законность и при необходимости возместить потерпевшему государству причиненные убытки .

Потерпевшее государство может получить компенсацию посредством заявления соответствующего протеста и потребовать, чтобы другая сторона (государство) воздержалась от дальнейших нарушений и преступных действий. При этом держава-покровительница также может оказать в данном случае содействие⁷ . В любом случае потерпевшее государство может потребовать провести расследование.⁷⁵ Однако в этом случае, как правило, имеет место одна существенная особенность: такое расследование требует согласия всех заинтересованных сторон, достигнуть которого еще никогда не удавалось.

Несмотря на это обстоятельство, в Протоколе I содержится важное нововведение, которое основывается на идее посредничества третьей стороны - Международной комиссии по установлению фактов, о чем говорится в ст. 90 Дополнительного протокола I. В ней сказано, что эта Ко-

миссия должна по получении просьбы о проведении расследования внести ясность в отношении случаев, о которых говорится как о серьезных нарушениях Конвенций и Протокола или об иных серьезных противоправных деяниях международно-правового характера. Любое государство-участник Конвенций может во время ратификации Протокола I или после этого заявить о своем признании *ipso-facto* (в силу самого факта) компетенции Комиссии. Иногда государство может признать компетенцию Комиссии именно для данного конкретного случая - *ad hoc*.

Согласно положению Дополнительного протокола, Комиссия состоит из 15 лиц, «обладающих высокими моральными качествами и признанной беспристрастностью». Члены Комиссии назначаются подписавшими Протокол I сторонами, которые признали компетенцию Комиссии, обладающей следующими функциями: а) расследовать факты, представляющие собой серьезное нарушение, б) предлагать конфликтующим сторонам свои услуги по восстановлению уважения к нормам и принципам международного права.

Важно учитывать и то, что Комиссия не обязана давать правовую оценку ситуации, т.е. свидетельствовать о законности и противоправности рассматриваемых действий. Несмотря на данное ограничение, создание Международной комиссии по установлению фактов следует рассматривать как значительный вклад в дело соблюдения основополагающих принципов и норм современного международного права, в частности, в дело защиты прав человека во время вооруженных конфликтов.

Действующие международно-правовые принципы и нормы предусматривают также возможность для потерпевшей стороны обратиться с просьбой в некоторые международные (неправительственные) организации, в первую очередь в Международный Комитет Красного Креста, чтобы эта организация, выполняя свои уставные положения, побудила

противную сторону соблюдать общепризнанные нормы гуманитарного права.

Потерпевшей стороне предоставлено право обратиться и в универсальные международные организации, вплоть до ООН, а через нее - ко всему мировому сообществу, а также в Международный суд в Гааге, но только в том случае, если обвиняемая сторона признает его компетенцию.

Следует иметь в виду еще одну важную особенность, вытекающую из практики международных отношений, когда потерпевшие государства допускают неправильные с точки зрения международного права действия. Речь идет о том, что такое государство, т.е. потерпевшая сторона, не имеет права отказываться от выполнения обязанностей, которые вытекают из международно-правовых актов, в частности, Женевских конвенций и Протоколов. Это происходит на том основании, что другая сторона грубо нарушила свои обязательства, хотя по праву международных договоров у него обычно такая возможность имеется⁷⁷.

Главный смысл, на наш взгляд, заключается в том, что любые обязательства, вытекающие из содержания императивных норм и принципов современного международного права, не обуславливаются взаимностью и должны выполняться каждой договаривающейся стороной при всех обстоятельствах и без каких-либо условий.

Хотя Женевские конвенции и Протоколы, как и другие международно-правовые документы, могут быть денонсированы, но такая денонсация ни при каких обстоятельствах не вступит в юридическую силу до окончания вооруженного конфликта⁷⁸. Общепризнанным является и то обстоятельство, что невозможно денонсировать нормы обычного права, которые являются составной частью *jus cogens*, поскольку это не входит во внутреннюю компетенцию отдельных государств.

Как известно, понятие внутренней компетенции государства на практике часто вызывает споры, хотя и меняется

с развитием международных отношений, ростом взаимозависимости государств. Например, современная концепция невмешательства не означает, что государства могут произвольно относить к своей внутренней компетенции любые вопросы. Это связано с тем, что международные обязательства, в том числе и их обязательства по Уставу ООН, являются тем существенным критерием, который позволяет правильно подходить к решению столь сложного вопроса. Так, несомненно, что понятие «дела, по существу входящего во внутреннюю компетенцию любого государства», не является чисто территориальным понятием, вопросом. По существу речь идет о том, что какие-то события, хотя они и происходят в пределах территории какого-либо государства, могут рассматриваться как не относящиеся исключительно к его внутренней компетенции.

Вышеизложенное позволяет утверждать: если Совет Безопасности ООН констатирует, что события, происходящие в пределах территории какого-либо государства, угрожают международному миру и безопасности, то такие события перестают быть внутренним делом данного государства, и действия Организации Объединенных Наций в отношении этих событий не будут считаться вмешательством во внутренние дела государств⁸⁰.

2.2. Юридическая природа принципа ответственности за международные преступления

. В разработанный Комиссией международного права ООН проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, наряду с другими международными преступлениями (агрессия, угроза агрессией, геноцид и т.д.), были включены исключительно серьезные военные преступления, за которые наступает международно-правовая ответственность. Она связана с конкретными правонарушениями и противоправными действиями, запрещенными юри-

дической силой различных общепризнанных принципов современного международного права, среди которых выделяется принцип ответственности за международные преступления.

Хотя Устав ООН, Декларация о принципах международного права 1970 г. не содержат формулировок рассматриваемого принципа, однако его юридическая природа сложилась, на наш взгляд, из положений целого ряда международно-правовых актов современности, обладающих высоким нормативным содержанием. Это и квалифицирующиеся признаки действий, как военные преступления и преступления против человечества, изложенные в принятом определении понятия агрессии, и положения проекта статей об ответственности за международные преступления, подготовленных Комиссией международного права ООН, в котором в качестве объекта такого преступления называются, в том числе, законы и обычаи войны. Сюда же относятся положения уставов международных военных трибуналов (в Нюрнберге и Токио), где дана квалификация военных преступлений и преступлений против человечества как тягчайших международных преступлений, и положения Женевских конвенций 1949 г. и Дополнительных протоколов 1977 г., содержащие статьи, в частности, о том, что лица, нарушающие или отдающие приказ о грубом нарушении этих конвенций, несут личную ответственность за эти нарушения.

Особое значение для формирования, укрепления и дальнейшего развития принципа ответственности за международные преступления имеют положения об учреждении международных трибуналов по бывшей Югославии (1993 г.) и Руанде (1994 г.) для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права. Уставы этих международных трибуналов содержат соответствующие статьи, касающиеся нарушения законов или обычаев войны в отношении лиц, совершающих

геноцид, другие серьезные преступления против мира и безопасности человечества.

В этих уставах имеются специальные статьи (соответственно 3 и 4), дающие полномочия этим трибуналам осуществлять судебное преследование лиц, серьезно нарушающих нормы Женевских конвенций и Дополнительного протокола. При этом перечень нарушений (посягательство на жизнь и здоровье лиц, их человеческое достоинство, мародерство и др.) не является исчерпывающим.

Исключительный интерес и значение для становления и развития современного института международно-правовой ответственности за преступления против мира и безопасности человечества представляют документы и деятельность Подготовительного комитета по вопросу об учреждении Международного уголовного суда, сводный текст проекта Статута которого был утвержден на Международной конференции в 1998 г.⁸¹

Итак, можно сказать, что в настоящее время мировое сообщество обладает вполне определенным международно-правовым принципом ответственности за международные преступления - совокупностью положений важных нормативных актов государств в виде руководящих правил поведения субъектов, возникших как результат общественной практики, как юридически закрепленное начало современного международного права. Можно также отметить, что принцип ответственности за международные преступления, как общее выражение установившейся практики международных отношений, превратился в норму международного права, соблюдение которой имеет обязательный характер для всех субъектов. Это очевидно и по той причине, что, с другой стороны, данный принцип представляет собой отражение объективного порядка вещей, общественной практики, закономерностей международных отношений, общественного развития, а не каких-то субъективных представлений об этих процессах.

Устранить принцип ответственности за международные преступления, равно как и другие общепризнанные начала международного права, можно только отменив общественную практику, что не под силу отдельным государствам или группе государств, региональным объединениям. Значение данного принципа таково, что он, в конечном счете, должен способствовать стабилизации международных отношений, ограничивая их определенными нормативными рамками и содействуя, таким образом, развитию этих отношений.

Современные международно-правовые принципы, имея универсальный характер, так же, как и принцип ответственности за международные преступления, создают для субъектов обязанность их строгого соблюдения, так как любое их нарушение неизбежно затрагивает законные интересы других участников международных отношений. Это, в свою очередь, означает, что принципы международного права служат критерием законности всей системы международно-правовых норм и являются основанием международного правопорядка, а также обязательствами высшего характера.

В случае толкования и применения принципа ответственности за международные преступления, так же как и основополагающих принципов международного права, следует учитывать их взаимосвязанность и взаимозависимость и то, что каждый из них, в том числе и исследуемый принцип, должен рассматриваться в контексте всех других принципов.

Содержание принципа ответственности за международные преступления объективно связано или тесно соотносится с принципом неприменения силы и угрозы силой. Общей особенностью и важной закономерностью является то обстоятельство, что современные международные отношения характеризуются, в основном, определенной демократизацией, имеющей решающее значение для ограничения применения силы, угрозы силой, а тем более агрессии.

За последние десятилетия эта уставная формула была конкретизирована в целом ряде международно-правовых актов⁸², особенно в Декларации об усилении эффективности принципа отказа от угрозы силой или ее применения в международных отношениях⁸³, в которой нормативное содержание данного принципа выражено наиболее полно.

Обязанность неприменения силы распространяется на все государства, поскольку необходимость поддержания международного мира и безопасности, недопустимости совершения международных преступлений требует, чтобы все субъекты, а не только члены Объединенных Наций, придерживались указанных принципов и соблюдали их в отношениях друг с другом. Как видно, современное международное право категорически запрещает противоправное применение силы в любом ее проявлении, а принцип неприменения силы предусматривает, в свою очередь, запрещение агрессивных войн, которые квалифицируются как международные преступления, порождающие международно-правовую и международную ответственность государств, уголовную ответственность виновных индивидов.

Юридическая квалификация действий агрессоров как международных преступлений против мира и безопасности человечества, отмечалось ранее, дана в положениях и нормах уставов Нюрнбергского и Токийского международных военных трибуналов, расширена и развита в резолюциях Совета Безопасности ООН об учреждении международных трибуналов для судебного преследования лиц, совершивших преступления на территориях бывшей Югославии и Руанды, а также в сводном тексте Устава об учреждении Международного уголовного трибунала.

Факт международного преступления, кем бы он не совершался (государством или индивидом), в силу присущих ему отличительных свойств, например, серьезности и опасности для мирового сообщества и правопорядка, влечет за собой особые правовые последствия, которые отличаются от

тех, что наступают при совершении обычного международного правонарушения. Этот принципиальный момент проистекает из дифференциации международно-правовых деяний и необходимости соответствующей реакции на них и имеет под собой определенную нормативную и доктринальную основу. Поэтому с позиции современного международного права, учитывая смысл и содержание прогрессивно-демократических норм и принципов, закрепленных в авторитетных документах, можно говорить о сформировавшейся концепции особого режима ответственности субъектов за международные преступления.

Как известно, в нормативное содержание принципа неприменения силы в международных отношениях входят такие противоправные действия, как оккупация территории другого государства, акты репрессалий, предоставление государством своей территории другому государству для совершения агрессии против третьего государства, и другие акции. Исходя из этого, в содержание принципа ответственности за международные преступления могут или должны быть включены те противозаконные деяния, которые составляют преступления против мира и безопасности человечества, определенные и сформулированные в разработанных Комиссией международного права ООН уставах международных военных трибуналов и в Кодексе преступлений против мира и безопасности человечества.

Таким образом, нормативное содержание принципа ответственности за международные преступления состоит, как нам представляется, из запрещений таких противоправных актов и серьезных нарушений международного права, как агрессия, угроза агрессией, наемничество, международный терроризм, геноцид, систематические и массовые нарушения прав человека, исключительно серьезные военные преступления, нарушения законов и обычаев войны и другие преступления и нарушения международного права.

Поскольку дифференцируются субъекты международных преступлений и характер ответственности за их совершение (государства, физические лица, индивиды), то должны различаться и виды этой ответственности: государства и другие субъекты международного права' несут политическую и материальную, а физические лица - индивидуальную уголовную ответственность, которые признаются современным международным правом.

Одна из особенностей заключается в том, что ответственность физических лиц за преступления против мира и безопасности человечества, как правило, наступает при условии, что преступные деяния связаны с преступной деятельностью государства. Это, по существу, означает, что совершение лицом преступных действий, например, во исполнение приказа (своего правительства или военачальника), не освобождает его от уголовной ответственности, и для наказания таких лиц применяется как международная, так и национальная юрисдикция.

Итак, речь идет о действии, применении международно-правового принципа ответственности за международные преступления, нормативное содержание и юридическая природа которого предусматривает обязанность любых субъектов воздерживаться от каких-либо противоправных действий, преступлений против мира и безопасности человечества.

Что касается традиционного международного права, то оно признавало единый режим ответственности, в основе которого лежала так называемая репарационная концепция, а сущностью данного режима была элементарная обязанность государства-правонарушителя возместить причиненный ущерб. При этом, как правило, исключалось предъявление к такому государству требований со стороны тех государств, которые непосредственно не были затронуты правонарушением. Считалось, что субъектами охранительных международно-правовых отношений, т.е. субъектами пре-

тензий, помимо государства-правонарушителя, могут быть только потерпевшие государства.

В свое время вполне определенная оценка репарационной концепции была дана в материалах Комиссии международного права ООН. Так, специальный докладчик Комиссии утверждал, что «концепция, которую можно рассматривать как классическую в международно-правовой доктрине и которая основывается на некоторых теоретических посылах, хотя ей можно найти также серьезное подтверждение в судебной практике и в практике государств, определяет правовые отношения, порождаемые международным правонарушением в одной единственной форме: в форме двусторонних отношений обязательного характера, устанавливаемых между государством, совершившим данное правонарушение, и потерпевшим государством отношений, которые противопоставляют, соответственно, обязательство первого по возмещению - в широком смысле слова - субъективному праву второго требовать этого возмещения»⁸⁵.

Одна из особенностей заключается в том, что данная концепция была основательно разработана в конце XIX - начале XX вв. и, по существу, была единственной и господствующей в доктрине и практике до Второй мировой войны. В соответствии с ней международная судебная (арбитражная) практика последовательно проводила мысль о том, что «принципом международного права, даже общей концепцией права является то, что каждое нарушение обязательства порождает обязательство возмещения» .

Таким образом, в силу положений так называемой репарационной концепции обязательство государства-нарушителя сводится к простому возмещению причиненного ущерба. Хотя при этом нужно отметить, что в межгосударственной практике, начиная с древнейших времен, можно найти случаи возложения на государства обременений, которые выходили за рамки простого возмещения и которые в формальном плане можно считать своеобразными аналогами

режимов ответственности, отличающихся от репарационных. Однако юридическим основанием таковых являлась не ответственность за серьезные международные правонарушения, а так называемое «право победителя» .

В период между двумя мировыми войнами и за последние десятилетия получила развитие концепция международно-правовой уголовной ответственности субъектов-правонарушителей, и в первую очередь, государств. Возникновение данной концепции было вызвано к жизни мнениями, по смыслу которых международное право приравнивалось к внутригосударственному праву. При этом они исходили из понимания, что международное право находится на более низкой ступени развития, уже преодоленной ранее внутригосударственным правом. Изначальным положением названной концепции является то, что международный правопорядок в принципе связывает с международными правонарушениями прямые последствия, которые сводятся, в зависимости от случая и его характера, либо к предоставлению субъекту, права которого были нарушены, субъективного права требовать от правонарушителя возмещения, либо к предоставлению тому же субъекту или эвентуально третьему субъекту возможности применить санкцию по отношению к правонарушителю⁸⁸.

Ученые-«криминалисты», представители настоящей концепции, авторы направления развития этой отрасли юридической науки, видимо, вкладывали особый смысл в понятие «санкция», имея в виду принудительную меру, цель которой заключается в наказании государства-правонарушителя помимо и вне требования возместить нанесенный ущерб⁸⁹.

Здесь обращает на себя внимание тот факт, что данная идея наказания невозможна с точки зрения ее применения, поскольку государства, в силу присущего им суверенитета, юридически равноправны и над ними не существует и не может существовать некий орган, который подвергнет их

наказанию за какое-либо правонарушение. В этом смысле выглядит нереальным создание и существование международного уголовно-судебного органа, который бы в каждом конкретном случае устанавливал «уголовную» ответственность государства. А то, что сторонники указанной концепции рассматривали как «наказание»⁹⁰, в действительности представляет собой принудительные меры, которые потерпевшее государство может применить к государству-нарушителю с целью заставить его выполнить обязательства по устранению вредных последствий правонарушения.

Международно-правовая норма заключается в том, что такие меры, называемые обычно санкциями, применяются по отношению к государству-правонарушителю, которое отказывается добровольно нести международно-правовую ответственность. В случае, когда государство-нарушитель исполняет свои обязательства добросовестно и подобающим образом, необходимости применения к нему принудительных мер не возникает. Таким образом, подвергать государство-нарушителя принудительным мерам лишь на основе совершения им любого противоправного действия не обязательно, поскольку это может противоречить современным международно-правовым нормам и принципам.

Определенный научный интерес представляют материалы Комиссии международного права ООН, где отражена попытка совместить положения двух концепций: репарационной и международно-правовой уголовной ответственности государства-правонарушителя. По мнению спецдокладчика Комиссии В. Рифагена, охранительные международно-правовые отношения были сведены к следующим обстоятельствам: а) необходимо восстановить права, нарушенные противоправным деянием государства, с тем чтобы требуемая правомерная ситуация продолжила свое существование после прекращения действия противоправного состояния -*ex-nunc*; б) необходимо возместить ущерб, причиненный правонарушением, *ex-tunc*; в) необходимо гарантировать по-

терпевшую в результате нарушения сторону от аналогичных либо схожих правонарушений в будущем - ex-ante.

Как справедливо отмечает Ю.В. Манийчук, «эта конструкция не исключает возможности применения принудительных мер к государству-правонарушителю в случае отказа последнего от добровольного выполнения обязательств по возмещению и возложению на него бремени ответственности в объеме и формах, выходящих за рамки простого возмещения»⁹.

Что касается гарантий (ex-ante), то под ними понимаются и меры принудительного воздействия, и санкции как наказание, и непосредственные гарантии как таковые. В таком подходе к определению последствий международных правонарушений, как видно, отсутствуют ясность и определенность. Это может отрицательно повлиять на содержание международно-правовых актов по вопросам ответственности, так как государство-правонарушитель, толкуя эти положения, будет иметь возможность признавать себя обязанным только к возмещению причиненного ущерба путем предоставления обычных репараций и обосновывать отказ от каких-либо иных, кроме репараций, форм ответственности за международные правонарушения, независимо от того, совершило оно ординарное международное правонарушение или международное преступление.

Наряду с этим, современная идея уголовной ответственности государства утратила свою былую известность в классическом ее варианте. Но термин «уголовная ответственность государства» употребляется нередко и подчас теми, кто в какой-либо форме возражает против концепции международного преступления государства и соответственно не приемлет практическую возможность несения государством ответственности за международные преступления⁹³.

В современном международном праве общепризнано, что ответственность государства за его противоправные

деяния не может быть ни гражданской, ни уголовной⁹⁴ : это - ответственность международно-правовая.

Можно согласиться с известным английским юристом А. Морром, который отмечал, что ст. 19 Проекта статей об ответственности государств не имеет ничего общего с «криминализацией» ответственности государства: сама идея наказания государств совершенно чужда современному международному правопорядку, основанному на суверенитете государств. Термин «международные преступления» используется только для обозначения определенного вида международно-противоправных деяний особо серьезного характера .

Однако допускаемые при этом недоразумения в определенной степени связаны с механическим перенесением национально-правовой терминологии в международную правовую науку. Как известно, в международном праве отсутствует разделение правонарушений на гражданские и уголовные на основе критериев, существующих в национальном праве, и соответственно отсутствуют режимы гражданской и уголовной ответственности государств. Очевидно, что различие между «правонарушением» и «преступлением» в межгосударственных отношениях имеет вовсе не тот смысл, который придается ему в национальных правовых системах: оно, скорее, призвано подчеркнуть степень серьезности нарушения международного права и уровень его вредных последствий как для отдельных членов мирового сообщества, так и всего сообщества в целом.

В современном международном праве все большее признание получает идея о необходимости установления разнотипных режимов ответственности государства за международные преступления, а также лиц, совершивших преступления против мира и безопасности человечества. Об этом свидетельствуют различные документы ООН, материалы работы Комиссии международного права ООН за последние годы, в которой осуществлялась разработка уставов

международных уголовных трибуналов и Кодекса о преступлениях против мира и безопасности человечества. Данная идея, в частности, предполагает, что характер международно-правовой ответственности должен отличаться от режима ответственности субъекта, совершившего международное преступление.

Как известно, в доктрине международного права имеется положение, согласно которому, в отличие от международного правонарушения, международное преступление порождает международно-правовые отношения. В них, помимо непосредственно задетых вредными последствиями международного преступления субъектов международного права, могут выступать другие субъекты международного права (как государства, так и международные организации)⁹⁶.

Режимы международно-правовой ответственности за международные правонарушения и международные преступления - качественно разные по степени наказания, лишений, которым подвергаются государства-правонарушители. Если международное правонарушение влечет за собой установление 'отношений между государством-правонарушителем и потерпевшим от правонарушения государством в рамках традиционной репарационной концепции международно-правовой ответственности, предусматривающей простое возмещение причиненного ущерба, то международное преступление ведет к охранительным правоотношениям, далеко выходящим за рамки простого возмещения, ибо помимо него могут иметь место разнообразные ограничения его суверенитета и международно-правовой субъектности⁹⁷.

Определенный теоретический и практический интерес представляют выводы Комиссии международного права ООН о том, что «существует, с одной стороны, первый особый режим ответственности за более серьезные международно-противоправные деяния и, с другой стороны, второй особый режим ответственности за остальные международно-противоправные деяния. Реальность международных право-

нарушений отличается многообразием форм, и последствия, которые эти формы должны влечь за собой в смысле международной ответственности, разумеется, не могут быть помещены в рамки одного или двух прогнозов» .

Суть дела заключается в том, что «не все эти преступления (международные) равносильны, т. е. имеют одну и ту же степень серьезности и обязательно влекут за собой более серьезные последствия, такие, например, как основное международно-правовое преступление - агрессивная война» . Это, в частности, означает, что возможны те или иные разновидности режимов международной ответственности, обусловленные различием международных правонарушений, исходящих от различных субъектов, а также теми последствиями, которые они порождают.

Исследование объектов, видов и форм ответственности и их различных режимов существенно для положений, составляющих юридическую природу принципа ответственности субъектов за международные преступления и, в первую очередь, в части его применения и использования.

Данный принцип как юридически обобщенное правило поведения субъектов в связи с определенным видом отношений имеет также нормативный характер. Его появление вызвано к жизни возрастанием роли межгосударственных отношений, стремлением регулировать важные, глобальные проблемы современности, одной из которых является недопустимость преступлений против мира и безопасности человечества, включая международные военные преступления.

Наиболее авторитетное толкование принципа ответственности за международные преступления дают такие различные современные международно-правовые документы, как уставы международных военных трибуналов, Женевские конвенции о защите жертв войны и Дополнительные протоколы к ним, Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям

против человечества, положения и нормы Кодекса о преступлениях против мира и безопасности человечества и др.

Естественно, что исследуемый принцип, как и другие основополагающие начала современного международного права, не распространяется на события, происходящие внутри государства, поскольку, как общепризнано, международное право не регулирует внутригосударственные отношения, а они носят взаимосвязанный и взаимозависимый характер.

Содержание принципа ответственности за международные преступления неразрывно связано с содержанием других первостепенных принципов: сотрудничества государств, уважения прав человека, добросовестного выполнения международных обязательств и т. д.

Юридической предпосылкой взаимосвязи этих принципов являются положения Декларации ООН о принципах международного права 1970 г., которые, развивая уставные нормы, предусматривают обязанность государств сотрудничать друг с другом в различных областях международных отношений с целью поддержания международного мира и безопасности. В этом смысле сотрудничество заинтересованных государств в деле судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права¹⁰⁰, за преступления против мира и безопасности человечества и скрывающихся от правосудия и наказания на территориях третьих стран, является не только фактом осуществления их суверенитета, но и согласуется с другими основополагающими началами современного международного права. В случае, если государство не выполняет свои обязательства, вытекающие из этих международно-правовых принципов (включая принцип ответственности за международные преступления), то, тем самым, это государство подрывает основу сотрудничества.

Как видно, необходимость активного сотрудничества государств в деле предотвращения преступлений против ми-

ра и безопасности человечества и наказания за их совершение вытекает из самой юридической природы принципа ответственности за международные преступления.

2.3. Виды ответственности за нарушение законов и обычаев войны

В современном международном праве установлено, что лица, совершившие военные и иные преступления против человечества, несут индивидуальную международную ответственность и подлежат уголовному наказанию. Эти общепризнанные международно-правовые принципы и требования, как было отмечено, закреплены не только в уставах Нюрнбергского и Токийского военных трибуналов, но и в ряде специальных международных соглашений, касающихся ответственности военных преступников. Данная ответственность наступает как за преступления против мира (планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров и т.д.), так и за преступления против человечества (жестокости, совершенные в отношении гражданского населения, или преследования по различным мотивам и др.). Ответственность за такие преступления наступает и в том случае, если в конкретных действиях преступника не содержится нарушений внутреннего права страны, где совершены преступления.

Другая особенность заключается в том, что упомянутые международные военные трибуналы, рассматривавшие дела о военных преступлениях, не были связаны с определенным географическим местом, поскольку ответственность преступников войны во всех остальных случаях определяется законами стран, где были совершены эти преступления.

При этом в международных отношениях принято различать следующие два вида ответственности: а) политическую (нематериальную) и б) материальную (в зависимости

от характера и объема причиненного ущерба). Указанные виды ответственности государств, естественно, отличаются от видов ответственности за военные преступления. Однако в практике бывают прецеденты, когда причинение, например, материального ущерба может вызвать политическую ответственность и, наоборот, за причинение ущерба в политическом плане наступает также материальная ответственность. Следует также отметить, что деление ответственности на виды представляется практически оправданным, поскольку позволяет более точно определить как объем ответственности, так и ее формы.

Под формой ответственности понимается способ, посредством которого осуществляются неблагоприятные для правонарушителя последствия совершенного им международного правонарушения. В каждом конкретном случае, так же как и в ситуации с военными преступлениями, форма ответственности определяется обстоятельствами конкретного правонарушения. При этом выделяются их наиболее типичные формы, например, в рамках политической ответственности различаются санкции, ресторации, репарации и реституции.

Так, санкции применяются, прежде всего, при ответственности государства за агрессию, примером чего служат действия, предпринятые в отношении Германии после Второй мировой войны. Примечательно, что международные санкции могут быть применены и к государствам, представители которых совершили тяжкие международные преступления, в том числе и военные преступления, геноцид, апартеид и др. Санкциями являются также меры принудительного характера, которые применяются государством индивидуально в рамках самопомощи в ответ на совершение правонарушения, затрагивающие его законные интересы или права, без применения вооруженной силы другим государством, что принято называть репрессалиями. При этом следует учитывать, что государство не может прибегать к ре-

прессалиям с применением вооруженной силы, а должно ограничиться мерами невоенного характера (разрыв дипломатических, торговых и иных отношений, повышение таможенных пошлин и др.), соблюдая при этом принцип соразмерности.

Понятие ресторации предполагает восстановление государством-правонарушителем прежнего состояния и несение им всех связанных с этим неблагоприятных последствий (например, освобождение незаконно оккупированной территории и несение связанных с этим расходов). На практике с ресторацией нередко очень тесно связана сатисфакция, которая, как правило, имеет место в случае нематериального ущерба, причиненного чести и достоинству потерпевшего государства.

Репарация является главной формой материальной ответственности и представляет собой возмещение материального ущерба деньгами, товарами и услугами и т.д. К репарациям прибегают в тех случаях, когда восстановление прежнего положения невозможно.

Одной из форм международно-правовой ответственности государств является реституция, т.е. возвращение или восстановление в натуре изъятых или поврежденных материальных ценностей (например, художественных ценностей, транспортных средств и др.). От реституции отличают субституцию, которая представляет собой замену неправомерно уничтоженного или поврежденного имущества, зданий, произведений искусства и т. д. сходными и равноценными.

Особо следует отметить вопрос о санкциях как формы ответственности государств за агрессию, которые могут включать далеко идущие военные и политические ограничения в отношении такого государства. Например, после капитуляции гитлеровской Германии, согласно Декларации о ее поражении (1945 г.) и Потсдамской конференции, союзные державы временно взяли на себя верховную власть над побежденными. Другими словами, они применили вре-

менное ограничение суверенитета Германии с оговоркой, что указанную меру не следует рассматривать как аннексию. Одновременно были приняты меры по разоружению и демилитаризации Германии, уничтожению ее военного потенциала, преследованию и наказанию немецких военных преступников. В мирных договорах 1947 г. в отношении государств, воевавших на стороне Германии, были также установлены меры, ограничивающие их вооружения и вооруженные силы, предусмотрены обязательства этих государств преследовать и наказывать военных преступников.

Все эти меры преследовали цель обеспечить международный мир и безопасность, создать гарантии против возобновления в будущем агрессивной политики. Вместе с тем они являлись политическими мерами, вытекавшими из ответственности за агрессивную войну тех государств, к которым они применялись,

Как известно, наиболее серьезными международными деликтами являются агрессия и другие международные преступления (включая военные), составляющие посягательство на безопасность, права и свободы человека. Применяемые, главным образом, именно в связи с этими деликтами международные санкции занимают наиболее важное место среди форм рассматриваемой ответственности, которая должна служить целям охраны международной законности и правосудия.

2.4. Проблема международно-правовой ответственности государств за развязывание вооруженных конфликтов

Проблема международно-правовой ответственности государств за развязывание вооруженных конфликтов занимает особое место в современном международном праве. Хотя данная проблема является одним из старейших институтов международного права, сложившимся на базе обычно-правовых норм, однако Комиссия международного права

ООН, которая с 1956 г. занимается кодификацией норм этого института, до сих пор не завершила свою работу. И это не случайно, поскольку нормы, относящиеся к ответственности государств, независимо от того, из какого правонарушения она вытекает, охватывают не одну какую-нибудь отрасль международного права (например, международного гуманитарного права), а всю совокупность международно-правовых отношений.

Одна из особенностей заключается в том, что в современную эпоху международно-правовая ответственность государств, в том числе виновных в развязывании вооруженных конфликтов, и в теории и на практике рассматривается как один из важных принципов международного права. Поэтому вполне закономерно подходить к этому вопросу как к определенной юридической обязанности субъекта международного права, в первую очередь государства, ликвидировать вред, причиненный им другому тождественному субъекту (или субъектам) и возникший в результате серьезного международно-правового нарушения. Правомерно, на наш взгляд, также рассматривать международно-правовую ответственность как обязанность возместить материальный ущерб, который причинен в результате действий, не составляющих нарушения нормы международного права, в случае, когда такое возмещение предусмотрено соответствующим международным договором.

В общетеоретическом плане можно привести ряд международных договоров, в которых предусматривается международно-правовая ответственность государств в определенных областях их деятельности. К примеру, в Конвенции ООН по морскому праву (1982 г.), в Договоре о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства (1967 г.), в ряде конвенций об ответственности за ядерный ущерб и др.

Однако в ситуации, когда может возникнуть вопрос о международно-правовой ответственности государства, раз-

вязавшего вооруженный конфликт, важное значение имеют другие критерии, обстоятельства и правовые оценки, связанные с соответствующим противоправным действием (или бездействием) государств и обусловленные совокупностью международно-правовых отношений. В данном случае речь идет о том, что государство должно отвечать за нарушение международных законов, правил и стандартов, особенно за действия, которые угрожают миру и безопасности, дружественным отношениям и сотрудничеству, а также нарушают законные права других государств и их граждан. Такое государство обязано не только нести политическую ответственность, но и в соответствующей форме возместить причиненный материальный ущерб.

Другая особенность заключается в том, что независимо от ответственности государства, физические лица, совершившие действия, которые квалифицируются по международному праву как преступления против человечества, должны нести уголовную ответственность. Не случайно еще в 1966 г. в проекте Декларации, представленной в Специальный комитет ООН по принципам международного права, касающимся дружественных взаимоотношений и сотрудничества государств, отмечалось, что «планирование, подготовка, развязывание и ведение агрессивных войн являются международными преступлениями против мира, влекущими за собой политическую и материальную ответственность совершающих эти преступления лиц», о чем сказано в документе ООН - A/AC/125/ L. Rev. I.

Хотя разграничение ответственности государств и лиц, совершивших противоправные действия, обусловлено обязанностью возместить причиненный ущерб, однако такая ответственность имеет различную юридическую природу, определенную составом (содержанием) этих действий и их последствиями.

Наряду с этим, в процессе развития международного права серьезные международные правонарушения, к кото-

рым вполне обоснованно можно причислить развязывание вооруженного конфликта, агрессию или насильственный захват (оккупацию) чужой территории, всегда вызывали необходимость применения мер принуждения по отношению к государству-нарушителю. Поэтому закономерно, что в современном международном праве принцип ответственности выражается не только в обязанности возместить причиненный ущерб, но и в возможности применения к государству-правонарушителю международных санкций, вплоть до мер военного характера, которые могут быть применены, в частности, по отношению к государству-агрессору или оккупанту.

Не случайно и то, что подавляющее большинство государств мирового сообщества считают, что международно-правовая ответственность выражается в тех последствиях, которые могут наступить для потерпевшего государства в результате правонарушения, имеющего цель развязывания вооруженного конфликта.

Таким образом, наличие неопровержимого факта развязывания такого конфликта является основанием для постановки вопроса об ответственности государства в связи с тем, что имеет место само международное преступление. Важно и то, что такой вопрос может быть поставлен не только самим потерпевшим государством, но и любым другим членом мирового сообщества. К примеру и по аналогии, политика геноцида, проводимая определенным государством, развязавшим вооруженный конфликт, или вообще государством-правонарушителем, согласно современному международному праву, дает, тем не менее, право государству, чьи граждане от этого не страдают, поставить вопрос о международной ответственности другого государства, совершившего международный деликт: действие (или бездействие), вызвавшееся в несоблюдении международно-правовой нормы.

Развязывание одним государством вооруженного конфликта с другим тесно связано с императивной нормой Устава ООН о неприменении силы или угрозы силой, которая, с одной стороны, широко им толкуется и подразумевает, естественно, запрещение войны, а с другой - запрещение применения вооруженной силы. Так, п. 4 ст. 2 обязывает государства воздерживаться в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями ООН.

Нормативное содержание принципа неприменения силы и угрозы силой получило свою конкретизацию и закрепление в различных авторитетных международно-правовых актах современности: в Декларации ООН о принципах международного права (1970 г.), Определении агрессии (1974 г.), Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975 г.), Декларации об усилении эффективности принципа отказа от угрозы силой или ее применения в международных отношениях (1987 г.) и др.

Обладая универсальным и обязательным характером, данный принцип, по существу, распространяется на все государства. Продолжающаяся в ООН работа по кодификации норм об ответственности государств с учетом различных ее аспектов свидетельствует об актуальности этой проблемы и ее приоритетном характере для практики современных межгосударственных отношений.

В свою очередь, Декларация (1970 г.) запрещает все проявления силы или ее угрозы, делая особый акцент на обязанность государств воздерживаться от такой угрозы или ее применения с целью, например, нарушения существующих международных границ другого государства, или в качестве средства разрешения международных споров, в том числе территориальных, или вопросов, касающихся государственных границ. Другой целью, по смыслу данной Декла-

рации, является недопустимость военной оккупации территории государства или ее незаконный захват посредством угрозы силой или ее применения.

Как видно, ответственность государства за развязывание вооруженного конфликта тесно связана не только с применением или угрозой силы, но и с запретом военных действий, агрессии как таковой. Взаимосвязь и взаимозависимость этих принципиальных положений и нормативов требует раскрытия содержания статей Определения агрессии. Здесь, в частности, приводится перечень конкретных агрессивных актов, устанавливающих, что любое из перечисленных (семи) действий, независимо от объявления войны, будучи примененным первым, будет квалифицироваться в качестве акта агрессии. Например, вторжение или нападение вооруженных сил одного государства на территорию другого, или любая военная оккупация (какой бы временный характер она ни носила), являющаяся результатом такого вторжения или нападения, или любая аннексия с применением силы против территории другого государства или части ее, неправомерны. Из семи случаев первые пять относятся к актам прямой агрессии, последний, седьмой - к косвенной; а шестой случай касается соучастия в агрессии. Характерно, что данный перечень агрессивных актов не является исчерпывающим. Наряду с этим, документ устанавливает критерии противоправности применения вооруженной силы, не выделяя начальную, промежуточную или конечную фазу (период) конфликта. Наиболее важным критерием является фактор (или принцип) первичности (первенства), гласящий, что «применение вооруженной силы государством первым в нарушение Устава является *prima facie* свидетельством агрессии».

Как видно, наличие ответственности государства за развязывание вооруженного конфликта, переросшего в агрессию (военное нападение), является важной составной частью, чертой современного международного права. Это от-

личает его от так называемого «старого» (до возникновения ООН) международного права, и такая ответственность вытекает непосредственно из содержания международно-правового принципа ненападения.

Вместе с тем, по современному международному праву, государство-агрессор (оккупант), как очевидный правонарушитель, должно нести ответственность, например, и за подготовку и развязывание вооруженного конфликта, угрожающего миру и безопасности государства (региона, сообщества). Поэтому правовые последствия таких действий, самого вооруженного конфликта определяются не фактом достигнутой насилем победы (незаконного захвата), как в «старом» международном праве времен Первой мировой войны, а ответственностью за само его развязывание и агрессию, к которой может быть добавлена ответственность за нарушение законов и обычаев войны. Последние требования легли в основу международного гуманитарного права, и, как известно, широко использовались в отношении Германии и Японии, развязавших вооруженный конфликт и осуществивших агрессивные действия во Второй мировой войне.

Примечательно и то, что современное международное право не исключает установления ответственности в одностороннем порядке. Практика международных отношений настоящего времени свидетельствует о том, что во многих случаях потерпевшее государство может самостоятельно установить факт ответственности и принять необходимые меры к ее реализации, если с государством, совершившим развязывание вооруженного конфликта или агрессию, т.е. серьезное международное правонарушение или преступление, не достигнуто соглашение о порядке разрешения вопроса об ответственности. Однако эти меры не могут включать применение силы или угрозы силой.

Актуальность проблемы ответственности государства за разжигание вооруженного конфликта и агрессии стала

еще большей в свете событий международной жизни в конце XX - начале XXI вв.

2.5. Индивидуальная ответственность за нарушение законов и обычаев войны

Вопрос об индивидуальной ответственности, так же как и о коллективной, возникает в связи с нарушениями международного гуманитарного права, незаконными деяниями конкретных правонарушителей и может иметь различные формы.

Одна из особенностей заключается в том, что в международно-правовой доктрине идее индивидуальной ответственности за военные преступления, так же как и в случае коллективной ответственности, не всегда придавалось одинаковое значение. Что касается практической стороны, то эта идея осуществлялась, как известно, более всего после Второй мировой войны в форме массового, но явно одностороннего, судебного преследования и наказания военных преступников в ходе Нюрнбергского и Токийского процессов.

Действительно, еще в Гаагских конвенциях 1899 г. и 1907 г. о законах и обычаях войны ничего не было сказано по поводу индивидуальной уголовной ответственности за нарушение прилагаемого к ним Положения¹⁰¹. Однако это не означает, что такая индивидуальная ответственность противоречила бы воле и желанию договаривающихся сторон. Напротив, правомочность государств в отношении наказания собственных или принадлежащих стороне противника граждан за совершенные ими военные преступления давно уже превратилась в общепризнанное положение международного права, причем в такой мере, что даже не возникло потребности в специальном подтверждении ее международным договором.

Несомненно, что правомочность и обязанность судить и наказывать за определенные преступления - это со-

вершенно разные вопросы. Что касается преследования за военные преступления, то существующие в обычном (внутригосударственном) праве нормы и обязательства могут быть истолкованы применительно к собственным гражданам. Подтверждением этого обязательства является норма ст. 56 упомянутого Положения, где предусмотрено, что определенные действия, такие как разрушение исторических памятников или произведений искусства и предметов, представляющих научную ценность, на оккупированной территории воспрещаются и должны подлежать преследованию. Тем не менее, какого-либо общего обязательства (нормы) преследовать в судебном порядке конкретных лиц того или иного государства, кроме собственных граждан, не существовало, как не было оно предусмотрено и конвенциями 1899г. и 1907 г.

Несмотря на это обстоятельство, идея о таком обязательстве в то время уже возникала, о чем свидетельствуют конкретные факты. Так, особый долг государств принять законодательные меры по пресечению некоторых нарушений был впервые сформулирован в тексте Женевской конвенции 1906 г. об улучшении участи раненых и больных воинов во время сухопутной войны. В 1907 г. на II Гагской конференции мира аналогичное положение было включено в Гагскую конвенцию (X) о применении начал Женевской конвенции к морской войне. В 1929 г. эта идея получила дальнейшее развитие в Женевской конвенции об улучшении участи раненых и больных воинов во время сухопутной войны. Однако в Конвенции о военнопленных, принятой на той же конференции, по-прежнему ничего не говорилось об индивидуальной уголовной ответственности лиц, совершивших военные преступления.

Только в 1949 г. в текст всех четырех Женевских конвенций¹⁰² были внесены тщательно разработанные положения об обязанности государств обеспечивать уголовные санкции и преследование в отношении серьезных правона-

рушений этих Конвенций. В рассматриваемых положениях и статьях проводится различие между «серьезными» и прочими нарушениями. Более того, каждая из Женевских конвенций содержит точное определение (перечень) действий, входящих в состав «серьезных нарушений»,¹⁰³ как, например, преднамеренное убийство, пытки или бесчеловечное обращение с покровительствуемыми лицами, преднамеренное причинение им тяжелых страданий или серьезных увечий, нанесение ущерба их здоровью, незаконная депортация, захват заложников и др.

Важным является то обстоятельство, что каждое договаривающееся государство обязалось ввести в действие законодательство, которое обеспечивало бы наличие «эффективных уголовных наказаний для лиц, совершивших или приказавших совершить те или иные серьезные нарушения», предусмотренные Конвенциями. Кроме того, каждое такое государство также «обязуется разыскивать лиц, обвиняемых в том, что они совершили или приказали совершить то или иное из упомянутых серьезных нарушений». Оно будет, «каково бы ни было их гражданство, передавать их своему суду», если только не пожелает передать их для суда другому договаривающемуся государству, которое имеет веские доказательства, дающие основания для обвинения этих лиц (*prima facie*) по данному делу.

Статьи, содержащие эти обязательства¹⁰, также обязывают договаривающиеся государства принять меры, необходимые для пресечения всех иных нарушений Конвенций, хотя характер этих последних мер остался неопределенным, т.е. они могут, например, быть и мерами дисциплинарного порядка.

Время показало, что практический эффект этих положений оказался неудовлетворительным, поскольку только немногие государства ввели у себя законодательство, специально предусматривающее уголовные санкции против лиц, виновных в серьезных нарушениях и совершивших военные

преступления, в соответствии с требованиями Женевских конвенций.

Так, в Нидерландах законодательство предусматривает уголовное наказание лишь за действие, которое можно квалифицировать как нарушение законов и обычаев войны. И хотя закон ставит наказание в зависимости от тяжести преступления, степень тяжести никак не соотносена с определением серьезных нарушений, данным в Конвенциях. Кроме того, довольно много государств считает, что их уголовное законодательство вполне обеспечивает судебное преследование лиц, совершивших серьезные нарушения, в то время как другие государства даже не потрудились предоставить запрошенные у них об этом сведения.

Практический эффект выполнения государствами обязательств по расследованию нарушений и наказанию виновных, как свидетельствует время, оказался еще более неудовлетворительным, чем в вопросе об уголовных санкциях, во всяком случае до момента принятия решений по созданию международных уголовных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде, т.е. почти до последнего времени.

Однако со времени вступления в силу Женевских конвенций (в октябре 1950 г.) никакие действия такого рода в отношении подозреваемых, не являющихся гражданами данного государства, фактически не предпринимались. Правда, даже состоявшиеся судебные процессы в отношении граждан соответствующих государств и военных преступников оставались редким исключением. Для улучшения этого положения вещей, видимо, необходимо постоянное давление на власти государства, осознание ими необходимости неукоснительного соблюдения договорных (конвенционных) обязательств, общепризнанных норм и принципов международного права.

Рассматривая проблему индивидуальной ответственности, нельзя не отметить и Гагскую конвенцию 1954 г. о защите культурных ценностей в случае вооруженного кон-

фликта¹⁰⁵, которая также содержит намного более простое положение о санкциях. Так, ст. 28 обязывает договаривающиеся государства принимать в рамках своего уголовного законодательства все меры, необходимые для того, чтобы были выявлены и подвергнуты уголовным или дисциплинарным санкциям лица, независимо от их гражданства, нарушившие или приказавшие нарушить эту Конвенцию.

Определенное развитие современного международного права в вопросах ответственности за военные преступления представляют положения Протокола (I) о защите жертв международных вооруженных конфликтов (1977 г.)¹⁰⁶, углубляющие, конкретизирующие известные нормы Гаагских и Женевских конвенций в этой области. Так, в ст. 91 говорится о том, что «сторона, находящаяся в конфликте, которая нарушает положения Конвенции или настоящего Протокола, должна возместить причиненные убытки, если тому есть основание. Она несет ответственность за все действия, совершаемые лицами, входящими в состав ее вооруженных сил». Здесь также ясно подтверждается финансовая ответственность находящихся в конфликте сторон.

Развитие прежних норм, содержащихся в Гаагских и Женевских конвенциях о законах и обычаях войны, выражено в положении этой статьи, имеющей принципиальный характер. В ней говорится о том, что сторона, находящаяся в конфликте, несет ответственность за любые нарушения Конвенций или Протокола, в которых она окажется виновной. Новый момент, как представляется, заключается в том, что к ответственности виновная сторона может быть привлечена не только стороной, понесшей ущерб, но в равной мере и всеми другими сторонами-участницами Протокола или же под давлением общественного мнения. Такая ответственность может оказать существенное положительное влияние на соблюдение добровольно принятых правил.

Особый интерес представляют положения о роли ООН в вопросах ответственности сторон в конфликте и в уста-

новлении фактов нарушений Конвенций или Протокола. Этому посвящена ст. 89, где утверждается, что «в случае серьезных нарушений Конвенции или настоящего Протокола государства-участники обязуются принимать меры как совместно, так и индивидуально в сотрудничестве с ООН и в соответствии с ее Уставом». За последние десятилетия можно привести в доказательство большое количество примеров и фактов, когда и Генеральная Ассамблея, и Совет Безопасности ООН принимали резолюции, призывающие стороны, участвовавшие в том или ином вооруженном конфликте (Израиля с арабскими государствами, Ирана с Ираком, на территории бывшей Югославии, в Руанде, между Азербайджаном и Арменией и в других частях земного шара), соблюдать свои обязательства, вытекающие из важнейших международно-правовых актов о законах и обычаях войн.

С одной стороны, значение ответственности сторон в вооруженном конфликте за нарушения Конвенций или Протокола достаточно велико, а с другой - как бы подтверждается, что такие нарушения действительно имели место, т.е. факты таких нарушений должны быть установлены соответствующим образом.

Последующий анализ говорит о существенных дополнениях и улучшениях прежних конвенционных положений, которые содержатся в соответствующих пунктах ст. 85. Так, п. 1 этой статьи предусматривает, что система мер, направленных на пресечение грубых или иных нарушений Конвенций, должна быть применима и к пресечению нарушений Протокола (I). Речь идет о том, что эту систему легко было применить к тем положениям Протокола, которые предназначались, как и положения Конвенции, для защиты четко определенных категорий лиц и объектов, которые либо находятся во власти противной стороны, либо могут быть признаны находящимися под особой защитой. Кроме того, среди положений, нарушение которых можно считать «серьезным нарушением», п. 2 исследуемой статьи называет лишь

относящиеся к лицам, принимающим участие в военных действиях и попадающим во власть противника, не имея права на статус военнопленного. То же справедливо в отношении норм, которые касаются раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, принадлежащих противной стороне и находящихся под защитой Протокола.

В этом контексте возникает, можно сказать, новое «серьезное нарушение» (п. 4 ст. 11), которое представляет собой любое «преднамеренное действие или преднамеренное упущение», нарушающее одну из норм, перечисленных в статье, и «серьезно угрожает физическому или психическому состоянию или неприкосновенности любого лица, находящегося во власти противной стороны, к которой оно не принадлежит».

Особенно важным в вопросе ответственности за военные преступления и установлении серьезных фактов нарушения существующих норм представляется попытка применить данную систему к положениям частей II и IV Протокола, касающихся собственно военных действий, а также защиты гражданского населения от их последствий. Во-первых, положения этих частей, вообще то, не предназначены для защиты четко определенной и вполне ограниченной категории «покровительствуемых лиц». Во-вторых, как известно, на практике бывает очень трудно установить истинные факты, касающиеся «собственно военных действий» и их последствий. В-третьих, стороны, находящиеся в вооруженном конфликте, в целом склонны (тем более во время боевых действий) представлять факты в искаженном виде, трактуя их в свою пользу. В таком случае вряд ли можно ожидать, что они предоставят справедливый суд противнику, обвиненному, например, в бомбардировке жилого района или другого гражданского объекта.

Эти соображения нашли соответствующее отражение в п. 3 ст. 85. Возьмем также, например, нарушение запрета так называемого неизбирательного характера (п. 4 ст. 51). Чтобы

такое нападение рассматривалось как серьезное нарушение, оно должно не только совершаться «умышленно в нарушение соответствующих положений настоящего Протокола» и явиться «причиной смерти или серьезного телесного повреждения или ущерба здоровью», но и явиться причиной чрезмерных потерь жизней, ранений среди гражданских лиц или причинить ущерб гражданским объектам», как это определено в п. 2 ст. 57. Данные положения говорят о намерении совершить такие действия и знании их последствий, а также называют те условия, которые должны предотвратить слишком поспешные обвинения стороны в преступлении.

Другим примером является, в частности, нападение на противника, вышедшего из строя. В п. 1 ст. 41 запрещается совершать нападение на противника, который признан или которого «в данных обстоятельствах следует признать вышедшим из строя (*hors de combat*)». Однако такое нападение является серьезным нарушением протокола лишь в том случае, если, как это особо оговаривается в п. 3 ст. 85, подобное действие было совершено, когда уже известно о выводе жертвы из строя.

Вместе с тем под действием системы мер, направленных на серьезное нарушение Протокола (I), подпадали не все положения частей III и IV. Среди примеров положений, неохваченных этой системой, можно привести, в частности, основные нормы, которые запрещают применение оружия, способного причинить излишние повреждения или излишние страдания, а также применение методов и средств ведения военных действий, которые имеют целью причинить или, как можно ожидать, причинят обширный, долговременный и серьезный ущерб природной среде (п. 2 и 3 ст. 35); использование форменной одежды противника (п. 2 ст. 39); совершение нападений на объекты, необходимые для выживания гражданского населения, такие как запасы продуктов питания, посевы и скот (ст. 54) и др.

В п. 4 ст. 85 содержится еще один, совершенно новый перечень серьезных нарушений, куда включены «неоправданная задержка репатриации военнопленных или гражданских лиц», а также «применение практики апартеида и других негуманных и унижающих действий, оскорбляющих достоинство личности, основанных на расовой дискриминации», причем то и другое - в случаях, «когда они совершаются умышленно и в нарушение Конвенций или настоящего Протокола». Как видно, текст данной статьи составлен таким образом, чтобы предотвратить слишком свободное ее применение.

Особое значение имеет п. 5 ст. 85, где утверждается, что серьезные нарушения Конвенций и Протокола «рассматриваются как военные преступления». Особенность данного положения заключается в том, что это утверждение, кажущееся констатацией очевидного, представляет собой, в основном, исторический интерес, т.к. некоторые государства по причинам, связанным с процессами над военными преступниками (Нюрнберг, Токио), постоянно отказывались признать, что под общее понятие военных преступлений также подпадают и серьезные нарушения Конвенции.

Наряду с этим, в Женевских конвенциях 1949 г. не говорится подробно о том, что «непринятие мер, которые должны быть приняты», может само по себе составлять нарушение. Пункт 1 ст. 86 исправляет этот недостаток, а п. 2 содержит положение, которое касается важной проблемы, возникающей в связи с «неприятием мер», а именно - проблемы ответственности военачальников за поведение их подчиненных. В данной статье (п. 2) указывается, что «тот факт, что нарушение Конвенции или настоящего Протокола было совершено подчиненным лицом, не освобождает его начальников от уголовной или дисциплинарной ответственности в зависимости от случая, если они знали или имели в своем распоряжении информацию, которая должна была бы дать им возможность прийти к заключению в обстановке,

существовавшей в то время, что такое подчиненное лицо совершает или намеревается совершить подобное нарушение, и если они не приняли всех практических, возможных мер в пределах своих полномочий для предотвращения или пресечения этого нарушения».¹⁰⁷

Разумеется, что военачальник не всегда должен нести индивидуальную ответственность за преступное поведение своих подчиненных, он ответственен за него лишь тогда, когда заранее знал или, по крайней мере, обладал информацией, позволяющей предположить о подобной возможности, и не принял мер, которых можно было бы от него ожидать, в целях предотвращения или пресечения этого преступления.

В развитие этого положения в ст. 87 отмечается, что государства-участники и стороны, находящиеся в вооруженном конфликте, «должны требовать от военных командиров, поскольку это касается лиц, входящих в состав подчиненных им вооруженных сил и других лиц, находящихся в их подчинении, чтобы они не допускали нарушений Конвенций и настоящего Протокола и, в случае необходимости, пресекали их и уведомляли об этом компетентные власти».

Главный смысл заключается в том, что в такой ситуации крайне важно, чтобы военачальники (командиры) были бы в состоянии определить с достаточной степенью уверенности, какое поведение будет считаться «нарушением» положений, а какое - нет. Особое значение имеет вопрос о юридических советниках для правильного или хотя бы приемлемого истолкования этих положений, когда это необходимо, исходя из конкретной ситуации.

В то время как в Протоколе рассматривается вопрос об ответственности военачальников за действия их подчиненных, в нем ничего не говорится о противоположной ситуации, а именно: подлежит ли наказанию подчиненный, который либо поступил согласно приказу своего правительства или своего начальника и совершил тем самым серьезное нарушение Конвенций или Протокола, либо отка-

зался подчиниться подобному приказу именно потому, что его выполнение явилось бы таким серьезным нарушением.

Как известно, этот «вопрос подробно, на основе многочисленных письменных предложений обсуждался в ходе дипломатической Конференции (1974-1977 гг.), и по ее окончании ни одно из предложений не получило необходимого для принятия соответствующего положения количества голосов. Тем самым, в то время данный вопрос снова был оставлен, чтобы получить свое решение во внутреннем законодательстве государств и, возможно, в ходе дальнейшего развития межгосударственной практики и современного международного права.

Важное положение содержится также в ст. 88, которая, усиливая соответствующие нормы Женевских конвенций, налагает на государств-участников несколько конкретных обязательств по оказанию взаимного содействия «в связи с уголовным преследованием, возбуждаемым в случае серьезных нарушений Конвенций и настоящего Протокола». В частности, было предусмотрено более тесное сотрудничество государств-участников в вопросе выдачи государству лиц, серьезно нарушивших законы и обычаи войны и совершивших военные преступления (экстрадиция).

Положения, касающиеся сотрудничества с ООН, имеют важное значение в решении вопроса об ответственности за серьезные нарушения Конвенции или Протокола (II) - ст. 89 и особенно - о роли ООН в установлении факта совершения международного преступления и его последствий.

Вышеизложенное позволяет утверждать, что в современном международном праве был разработан и получил развитие принцип индивидуальной ответственности за различные преступления (против мира, человечества и военные). Но этот принцип рассматривается в качестве если не исключаящего постановку вопроса об ответственности государства за те же противоправные действия, то, по крайней мере, ограничивающего сферу такой ответственности.

Большой вклад в развитие принципа международно-правовой ответственности внесла Комиссия международного права ООН, которая еще почти 20 лет назад дала определение международно-правового нарушения как «международно-противоправного деяния, возникающего в результате нарушения государством международного обязательства, столь основополагающего для обеспечения жизненно важных интересов международного сообщества, что его нарушение рассматривается как преступление международным сообществом в целом».¹⁰⁸ К числу таких международных преступлений Комиссия отнесла агрессию, нарушение обязательств по обеспечению права народов на самоопределение и ликвидацию колониализма, рабство, геноцид, апартеид, а также тяжкое нарушение обязательств по охране окружающей среды.

Значение этого положения состоит, прежде всего, в том, что оно заложило международно-правовую основу для создания более весомого режима ответственности за международные правонарушения¹⁰, являющиеся преступлениями. Хотя это положение прямо не указывает на военные преступления в перечне противоправных действий, однако его распространение на эти преступления очевидно, поскольку данный вывод Комиссии непосредственно касается агрессии как тяжкого международного преступления.

Выделение из международных правонарушений особой группы - международных преступлений, включая военные, необходимость последовательной борьбы с ними всегда требовали решения вопросов, связанных с развитием международного уголовного права, понимаемого как совокупность соответствующих юридических норм по предупреждению, пресечению этих преступлений и наказанию за них.

На современном этапе развития международного права огромную роль в формировании международного уголовного права, в решении принципиальных вопросов международно-правовой ответственности играют документы

Генеральной Ассамблеи ООН. Это особенно касается резолюции Совета Безопасности ООН об учреждении международных трибуналов для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения, которые совершены на территории бывшей Югославии и в Руанде; уставов этих трибуналов; материалов Комиссии международного права за последние годы; положений Кодекса о преступлениях против мира и безопасности человечества. Еще в 1991 г., на своей 43-й сессии, Комиссия международного права ООН в первом чтении приняла проект этого кодекса, который был направлен через Генерального Секретаря ООН правительствам стран для его обсуждения¹¹⁰.

Как отмечалось, в частности, в годовом докладе Генерального Секретаря Кофи А. Аннана, «в 1997 г. в деятельности Международного трибунала по бывшей Югославии произошло важное событие - Трибунал вынес свой первый приговор и решение о наказании. Помимо этого, поворотным пунктом в его отношениях с международными силами и национальными властями стал арест и передача в Гаагу трех обвиняемых. Международный уголовный трибунал в Руанде вернулся на позиции, утраченные из-за проблем административно-управленческого характера, и в настоящее время по трем делам ведется судебное разбирательство, 21 обвиняемый ожидает суда».¹¹

Как видно, новейшая практика и опыт международных отношений начисто разрушают позиции сторонников концепции международного уголовного права, которые неоднократно высказывали по ее поводу свои возражения. Их смысл, как правило, сводился к тому, что в международном праве нет постоянного судебного органа с универсальной юрисдикцией и механизма имплементации его норм. Как считает, например, С. Плавский, «возрождение концепции международного права выразится либо в новых бесплодных попытках создания международного уголовного трибунала с обязательной юрисдикцией, для чего нет абсолютно никаких

оснований в современном международном праве, и оживления несостоятельных теорий уголовной ответственности государств, либо окажется на практике бесплодным и неспособным содействовать борьбе с международными преступлениями».¹¹²

Так или иначе, поскольку речь идет о принципе ответственности за международные преступления, содержание, характер и значение которых к настоящему времени достаточно прояснены, важное значение приобретает проблема действенности данного международно-правового принципа. В этой связи следует иметь в виду то обстоятельство, что нормы по предупреждению, пресечению преступлений и наказанию за них во внутригосударственном и международном праве имеют как сходства, так и различия. Основой их некоторого свойства является тот факт, что, хотя конвенции по борьбе с международными преступлениями как и всякие другие международно-правовые документы, и регулируют поведение государств в данной области (т.е. в области предупреждения и пресечения этих преступлений, наказания за них), тем не менее их правовое, информационное и ценностное воздействие, как и воздействие внутринациональных норм, касается такого же характера, физических лиц. При этом особое значение имеет вопрос о соотношении, с одной стороны, превентивного воздействия норм по борьбе с преступлениями как воздействия на будущее поведение этих лиц и, с другой - фактических последствий совершения преступления в этих системах права.

Таким образом, нормы международного права, направленные на предупреждение и пресечение международных преступлений и наказание за них, играют всевозрастающую роль в борьбе с этими правонарушениями.

В развитии общей концепции ответственности за международные преступления принципиальное значение имеют утвердившиеся точки зрения о том, что индивидуальная ответственность физических лиц не исключает международ-

но-правовой ответственности соответствующих государств и что эти два вида ответственности сопутствуют друг другу и существуют одновременно в отношении одних и тех же преступных актов. Превентивное значение этого положения трудно переоценить. Исключительно важно и то обстоятельство, что кодификация норм, которые запрещают какие-либо международные преступления, имеет превентивное значение также в связи с тем, что эти нормы носят императивный (властный) характер, а, как известно, в соответствии со ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров положения конвенций, противоречащие этим нормам, являются ничтожными.

Превентивное значение норм международного права в области борьбы с международными преступлениями, против мира и безопасности человечества зависит также от активных усилий государств и международных организаций в разработке эффективных мер по привлечению к уголовной ответственности физических лиц (индивидов), использующих государства в качестве орудия совершения таких преступлений.

2.6. Ответственность физических лиц за международные преступления

Вопрос об ответственности за международные преступления является одним из принципиальных и сложных вопросов в теории современного международного права. Как доктриной, так и практикой международного права признано, что в становлении и поддержании мирового правопорядка важную роль играет принцип международно-правовой ответственности субъекта, совершившего преступление. При этом, если в теории более или менее решен вопрос о международно-правовой ответственности государств, то в отношении физических лиц (индивидов) можно говорить об их международной уголовной ответственности как особой разно-

видности или форме ответственности первых. Этой точки зрения придерживаются, например, В. Давид и В.А. Василенко.¹¹⁴ Весьма близко к ней мнение Ю.М. Колосова, который считает, что «ответственность физических лиц за международные преступления чаще всего наступает при условии, что их преступные деяния связаны с преступной деятельностью государства»¹¹⁵.

Можно по-разному оценивать позицию упомянутых авторов, однако представляется, что она создает впечатление о как бы несамостоятельном, производном характере исследуемого международно-правового института, вроде существующего в рамках ответственности государства.

. Вместе с тем в современной международно-правовой науке и доктрине все более преобладающим становится мнение о том, что нормы, регулирующие международную уголовную ответственность физических лиц (индивидов), обладают высоким уровнем самостоятельности и обособленности, поскольку под ними есть достаточная прецедентно-правовая и аргументированная основа. Имеются и другие небезынересные рассуждения, базирующиеся на современных политических реалиях. Они заслуживают соответствующего внимания как с точки зрения характера, так и перспектив, в частности, международного судебного органа, который определяет уголовную ответственность лиц, совершивших международные преступления. По мнению М. Бас-сиони и К. Блейкли, «по очевидным политическим причинам, ныне неподходящее время в истории, чтобы поднимать вопрос о международной уголовной ответственности государств и подчинении их юрисдикции международного уголовного суда. Это время не пришло, но оно придет по мере того, как мир становится все более взаимозависимым»¹¹⁶.

Итак, все более преобладающим становится положение, согласно которому различие между международными преступлениями государств и физических лиц (индивидов) происходит по их субъекту. В первом случае в этом качестве

выступают государства как таковые, во втором — физические лица (индивиды), т.е. те, которые направляют и осуществляют государственную политику, выражающуюся в международном преступлении соответствующего государства, и ответственны за нее. Однако главным обстоятельством и определяющим фактором для состава такого преступления являются, на наш взгляд, преступления физических лиц (индивидов), которые получили современное наименование преступления против мира и безопасности человечества.

С точки зрения современного международного уголовного права нормы, регулирующие такие преступления, имеют свои определенные особенности, и уголовное законодательство многих стран справедливо ставит на первое место преступления против мира, т.е. планирование¹¹, подготовка, развязывание¹¹⁹ или ведение агрессивной войны.¹²⁰ Именно эти разновидности общественно опасных действий составляют объективную сторону данного преступления. Субъективная же сторона рассматриваемого преступления характеризуется прямым умыслом. Иными словами, виновные сознают, что осуществляют планирование, подготовку или развязывание агрессивной войны и желают совершения указанных действий.

Согласно нормам УК Азербайджанской Республики, вступившим в силу с 1 сентября 2000 г. и регулирующим преступления против мира и безопасности человечества (раздел VII, глава 16), планирование, подготовку или развязывание агрессивной войны также считается тяжким преступлением и наказывается лишением свободы на срок от 8-ми до 10-ти лет (п. 1 ст. 100). Еще более тяжким преступлением считается ведение агрессивной войны, за что виновное лицо или лица наказываются лишением свободы на срок от 10-ти до 15-ти лет, либо пожизненным лишением свободы (п.2ст. 100).

Не остаются безнаказанными по азербайджанскому уголовному законодательству и лица, совершающие пуб-

личные призывы к развязыванию агрессивной войны, которые, согласно п.1 ст. 101, наказываются ограничением либо лишением свободы на срок до 3 лет. За те же деяния, совершенные с использованием средств массовой информации либо должностным лицом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от 2 до 5 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового (п. 2 ст. 101).

Что касается внутригосударственного российского законодательства, то объектом преступления против мира и безопасности человечества является лицо, которое занимает высшую государственную должность как самой федерации, так и ее субъекта.

Интересно, что п. 2 ст. 345 УК РФ предусматривает квалифицированный состав данного преступления, объективная сторона которого характеризуется ведением агрессивной войны. Анализ и сопоставление понятия «ведение» с понятием «развязывание» позволяет заключить, что если развязывание агрессивной войны является ее началом, осуществлением акта агрессии, то ведение представляет собой продолжение агрессивной войны.

В ст. 346 говорится об уголовно-правовой ответственности за публичные призывы к агрессивной войне, поскольку, как учит опыт истории и практика международных отношений, планированию и подготовке агрессивных войн часто предшествует длительная идеологическая обработка населения, отравление его сознания милитаристским духом, пропаганда войны.¹²²

Кроме актов агрессии, одним из серьезных международных преступлений, за которое наступает уголовно-правовая ответственность виновных физических лиц, является геноцид, включенный наряду с военными и другими международными правонарушениями в проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества. Поэтому не

случайно на основе положений Конвенции о предупреждении преступлений геноцида и наказании за него последний российский Уголовный кодекс отразил ответственность за это преступление в ст. 349.

Как и в случае с другими аналогичными преступлениями, объективная сторона геноцида характеризуется определенными противоправными действиями, которые направлены на частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы людей, а также особым способом, в частности, путем причинения тяжкого вреда здоровью, насильственного воспрепятствования деторождению, принудительной передаче людей, насильственного переселения либо создания жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение членов этой группы, и т.д.

Особый интерес представляет и ст. 351, в которой предусмотрена ответственность за наемничество, которое как преступление прямо предусмотрено нормами современного международного права, содержащегося, в частности, в Конвенции ООН (1989 г.) о запрещении вербовки, использования финансирования и обучения наемников.

Содержание понятия «наемник» раскрыто в ст. 47 Дополнительного протокола I (1977 г.), определяющего его как лицо, специально завербованное на месте и за границей для того, чтобы сражаться в вооруженном конфликте, и фактически принимающее непосредственное участие в военных действиях, руководствуясь главным образом соображением получить личную выгоду, и которому в действительности обещано стороной или по поручению стороны, находящейся в конфликте, материальное вознаграждение, обещанное или выплачиваемое комбатантом такого же ранга и с такими же функциями из числа личного состава вооруженных сил данной стороны.¹²³

Следует отметить, что, в отличие от Дополнительного протокола (I), Конвенция 1989 г. к категории наемников относит не только лиц, непосредственно участвующих в воо-

руженных конфликтах, но и, что существенно важно, лиц, завербованных для участия в заранее запланированных актах насилия, направленных на свержение правительства какого-либо государства, подрыв его конституционного порядка или нарушение его территориальной целостности и неприкосновенности.

Каждое государство-участник Конвенции обязано установить его юрисдикцию над любым из предусмотренных преступлений, если обвиняемый в преступлении находится на его территории. Одновременно оно не обязано выдать его другому государству, обращающемуся с подобным требованием.

Как известно, наемничество было характерно еще во времена средневековья, однако значительное распространение оно получило в последние годы, главным образом в ходе так называемых «локальных, этнических» вооруженных конфликтов, в том числе на территории бывших союзных республик. Однако право установления факта отнесения наемничества к преступлениям против мира и безопасности человечества, а также уголовной ответственности за него предоставлено международному и внутринациональному правосудию с использованием соответствующих уголовно-правовых средств борьбы с данными преступлениями.

Поэтому во всех случаях, когда речь идет о любых преступлениях против мира и безопасности человечества, где бы они не происходили, должен действовать принцип международной и внутригосударственной юрисдикции реализация которого невозможна без усилий и сотрудничества государств на разных уровнях и в различных формах. Достижение договоренностей о выдаче физических лиц (индивидов), совершивших международные преступления, обмен опытом и оказание правовой помощи по уголовным делам за такие преступления, включая розыск преступников, вручение документов, допрос свидетелей, сбор вещественных доказательств и другие необходимые следственные действия,

осуществление уголовного преследования лиц, находящихся за пределами того государства, где ими совершены преступления, имеют существенное значение для эффективного сотрудничества в этой области.

Среди международно-правовых документов по данному вопросу определенный научный и практический интерес представляют положения, содержащиеся в различных конвенциях, принятых за последние десятилетия в Совете Европы (например, о выдаче преступников), а также Конвенции о передаче лиц, осужденных к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданами которого они являются (Берлин, 1978 г.) и др.

Развитие сотрудничества в этой области не может ограничиваться двусторонними или региональными соглашениями, поскольку некоторые виды преступлений, и в первую очередь против мира и безопасности, затрагивают интересы всего мирового сообщества. И, как следствие, это создало предпосылки для выхода сотрудничества государств в данной области на универсальный уровень, что объясняется также фактом резкого увеличения количества заключенных многосторонних договоров. Важной особенностью этих соглашений является то, что они предусматривают недопустимость, запрещение или же ограничения в противоправных действиях физических лиц (индивидов) под угрозой международной уголовной ответственности. В них также содержатся обязательства государств - принимать внутринациональные законодательные и иные меры для привлечения к ответственности и наказания лиц, виновных в совершении преступления против мира и безопасности человечества, нарушающих, тем самым, нормы и принципы международного права.

Как справедливо отмечает В.А. Карташкин, «объявляя то или иное действие индивида уголовно наказуемым либо влекущим за собой иные виды ответственности, международные соглашения обязывают государства подверг-

нуть лиц, виновных в их совершении, наказанию. Такие лица обычно непосредственно нарушают международное право государства, на территории которого они находятся».

От международной уголовной ответственности не освобождаются и иностранцы, даже если они находятся за пределами действия территориальной юрисдикции государства. Лица, виновные в ряде международных преступлений, в том числе против мира и безопасности человечества, несут уголовную ответственность независимо от места и времени совершения своих деяний. При этом не имеет значения, предусмотрено ли данное деяние в законодательстве государства и является ли данное лицо его гражданином или иностранцем. По мнению В.А. Карташкина, «такой индивид непосредственно нарушает международные принципы и нормы, и отсутствие соответствующих норм во внутригосударственном праве не освобождает его от ответственности. Каждое государство в силу международного права обязано рассматривать таких лиц как преступников» .

При исследовании данного вопроса обращают на себя внимание положения принятого еще в 1991 г. (при первом чтении)' проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества об исключительной уголовной ответственности индивидов. Так, согласно ст. 3 Проекта «1. Любое лицо, которое совершает преступление против мира и безопасности человечества, несет за это ответственность и подлежит наказанию. 2. Любое лицо, которое оказывает помощь, содействие или предоставляет средства для совершения такого преступления или участвует в заговоре с целью его совершения или прямо подстрекает к его совершению, несет за это ответственность и подлежит наказанию. 3. Любое лицо, которое совершает деяние, представляющее собой покушение на совершение одного из действий, определенных в настоящем кодексе, несет за это ответственность и подлежит наказанию». Примечательно то, что при обсуждении указанного проекта данной статьи особых разногласий и

возражений по поводу ее содержания в ходе деятельности Комиссии международного права ООН не наблюдалось¹²⁶. Более того, некоторые члены названной Комиссии настаивали в своих предложениях на том, что непредотвращение совершения какого-либо преступления может также рассматриваться как преступление¹²⁷.

Одна из особенностей заключается в том, что некоторые преступления, определенные в проекте Кодекса, а именно - агрессия, угроза агрессией, вмешательство, колониальное господство и апартеид, всегда совершаются лицами, которые занимают руководящие посты и должности в политических, военных и других структурах государства либо в его финансовой или экономической сферах. В отношении этих преступлений проект ограничивает круг возможных исполнителей руководителями и организаторами.

Вторая группа преступлений - вербовка, использование, финансирование и обучение наемников и международный терроризм - подпадает под действие Кодекса в тех случаях, когда в их совершение вовлечены агенты или представители государства.

Третья группа преступлений особо не выделяет какую-либо категорию виновных лиц (индивидов), которые совершили, в частности, геноцид, систематические и массовые нарушения прав человека, исключительно серьезные военные преступления, незаконный оборот наркотиков, нанесли преднамеренный и существенный ущерб окружающей среде (экоцид), что также наказуемо в соответствии с Кодексом.

При существующей в современной международной доктрине дифференциации в вопросе ответственности за преступления против мира и безопасности человечества в отношении государства и физических лиц (индивидов) важное значение имеет не только состав международного правонарушения, но и то, кем конкретно оно осуществляется. С этой точки зрения, проект Кодекса (1991 г.) признает, что то или иное лицо может совершить преступление против мира

и безопасности человечества не только в качестве индивида, но и как «агент государства», «от имени государства». Отсюда можно сделать вывод о том, что обязанность наказывать персонально индивидов не снимает с повестки дня вопрос об ответственности государств. А ст. 5 проекта гласит, что «судебное преследование какого-либо лица за преступление против мира и безопасности человечества не освобождает государство от ответственности по международному праву за действие или бездействие, вменяемое этому государству».

Международно-правовое значение проекта Кодекса, на наш взгляд, заключается хотя бы в том, что он как бы концентрирует внимание и усилия мирового сообщества, главным образом, на наиболее тяжких преступлениях, которые квалифицируются как преступления против мира и безопасности человечества. Однако отсутствие в Кодексе концептуального определения таких преступлений и различия между преступлениями против мира, военными преступлениями против человечества несколько ограничивает возможность его эффективного применения. Такое различие, например, было бы полезным при определении подхода к конкретным видам преступлений. Естественно, в данный момент не удалось избежать некоторых объективных и субъективных трудностей в сотрудничестве государств в этой области, и Комиссия международного права ООН признала целесообразным установить другие возможности, сделав акцент на особых признаках и критериях тяжести преступления.

Как видно по смыслу проекта Кодекса, под преступлениями против мира и безопасности человечества понимаются такие преступления, которые затрагивают сами основы существования человеческого общества. Тяжесть, как известно, может вытекать либо из характера инкриминируемого деяния (жестокость, чудовищность, варварство и др.), либо из масштаба его последствий (массовость, когда жертвами являются народы, население или этнические группы),

либо из мотива исполнителя (например, геноцид), либо в сочетании из нескольких таких элементов.

Что касается значения и важности ст. 5, то она устанавливает эффективный принцип, в соответствии с которым международная уголовная ответственность физического лица (индивида) не может исключать международную ответственность государства в связи с совершением преступления против мира и безопасности человечества. Кстати, этот же принцип закреплен в ряде международно-правовых документов современности, например, в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г. (ст. 9).

Вместе с тем в ходе обсуждения ст. 5 не было каких-либо возражений и замечаний со стороны правительств; имело место общее согласие о том, что государство должно нести международную ответственность за ущерб, причиненный его агентами (представителями) при совершении ими уголовного деяния¹²⁸. Кроме того, было изложено мнение о том, что одно и то же преступление зачастую имеет двойное последствие: уголовно-правового характера, заключающееся в необходимости наказания его исполнителя, и гражданско-правового характера, заключающееся в обязанности возместить причиненный материальный ущерб.

Как свидетельствуют факты и судебная практика, часто преступления против мира и безопасности человечества совершаются лицами, которые являются агентами (представителями) государства и которые действуют во исполнение своих функций. В этом случае, скорее всего, речь должна идти об определении ответственности государства, особенно с учетом того, что причиненный ущерб, с точки зрения его значения и масштабов, намного превышает средства, которыми располагают агенты (представители) государства, совершившие эти преступления, с целью его возмещения. В материалах деятельности Комиссии международного права ООН в ходе рассмотрения положений, относящихся к со-

держанию упомянутой статьи (5), были также изложены мнения в увязке с некоторыми проектами статей об ответственности государств, конкретно со ст. 5 и 8 части I¹³⁰ и п. 2 ст. 10 части II. Так, по мнению некоторых членов названной Комиссии, нынешняя формулировка проекта статьи исключает наличие какой-либо связи между уголовной ответственностью физического лица (индивида) и ответственностью государства. Несмотря на то, что между этими понятиями существуют определенные различия, важно учитывать их конкретную взаимосвязь и некоторые элементы их общности. Так, согласно п. 2 ст. 10 части II проекта одним из элементов сатисфакции является уголовное преследование лиц, действие которых явилось началом международно-правового деяния государства.

Естественно, что такая сатисфакция не может освободить государство от других обязательств, обусловленных возможными последствиями данного преступления, в частности, от обязательства по возмещению ущерба. Поэтому выглядит вполне закономерным включение в проект данной статьи положения о том, что «судебное преследование какого-либо лица за преступление против мира и безопасности человечества не исключает ответственности государства по международному праву».¹³¹

Очевидным является и то, что всякий раз, когда совершается преступление против мира и безопасности человечества, за ним стоит соответствующее государство, которое по причине преднамеренного или случайного характера или даже по халатности допускает такое правонарушение. Например, отдельные лица (индивиды) или группы террористов могут совершать серьезные международные, в том числе и военные, преступления, не имея при этом никакой видимой или явной связи с государством. Несмотря на это, на государство должна быть возложена определенная ответственность, поскольку речь идет о действиях конкретных террористов, которые могут осуществляться в условиях и на

территории данного государства. Ясно, что группы террористов, находящиеся в одном государстве, могут совершать преступления в другом без какого-либо участия со стороны первого государства (донора).

Такой вопрос должен целиком находиться под контролем данного государства, поскольку в нем должна существовать эффективная система безопасности. В этом случае она не может не знать о наличии на его территории каких-либо террористов, совершающих преступления на территории другого, как правило, соседнего государства.

Подобный подход к проблеме вполне согласуется с положениями и требованиями, которые содержатся в отдельных международно-правовых документах современности, например, в ст. 7 проекта Декларации о правах и обязанностях государств, принятого Комиссией международного права ООН еще в 1949 г. Согласно ей, каждое государство обязано следить за тем, чтобы условия, существующие на его территории, не угрожали ни миру, ни международному порядку. В последующем это положение было развито и закреплено в других важных документах международного права, в частности, в Декларации о принципах международного права 1970 г. В ней есть норма о том, что «каждое государство обязано воздерживаться от организации или поощрения организации иррегулярных сил или вооруженных банд, в том числе наемников для вторжения на территорию другого государства».¹³² Элементарная логика и здравый смысл дают основание считать, что последняя норма охватывает и деятельность любых террористов, находящихся на территории данного государства и осуществляющих свои преступные акции на территории другого государства.

Одним из последних важных международно-правовых документов в этой области является Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма (1994 г.), в ст. 4 которой говорится, что «государства... обязаны воздерживаться от организации террористических актов на террито-

риях других государств, подстрекательства к ним, пособничества им или участия в них, а также от попустительства или поощрения деятельности на своей территории, направленной на совершение таких актов» .

Определенный опыт в международных отношениях по рассмотрению вопроса об ответственности государства и о международной уголовной ответственности физических лиц (индивидов) касается деятельности Совета Безопасности ООН за последние годы. Например, данный вопрос имел и даже сейчас продолжает иметь значение в отношении Ирака, когда Совет Безопасности ООН в 1990-1991 гг. столкнулся с выбором между ответственностью государств и ответственностью физических лиц (индивидов), совершивших или приказавших совершить, по мнению Совета Безопасности, серьезные нарушения гуманитарного права и, в конечном счете, остановился на ответственности государства Ирак.

В последствии аналогичные вопросы об ответственности были поставлены Советом Безопасности ООН по фактам, имевшим место в бывшей Югославии и в некоторых африканских странах. Как известно, Совет Безопасности ООН призвал создать Международный уголовный трибунал по преследованию лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права на территории бывшей Югославии (резолюция 808 - 1993 г.), хотя в своих ранних резолюциях (753, 757 - 1991 г.) ставил также вопрос о противоправных действиях Югославской народной армии. Кроме того, наряду с ответственностью государства, вопрос об индивидуальной уголовной ответственности ставился в резолюции 873 (1993 г.) по Сомали в связи с вооруженными нападениями на контингент ООН по поддержанию мира.

Современная международно-правовая доктрина, как известно, признает в качестве правонарушения деяния, совершаемые государственными органами. Они могут инкриминироваться только самому государству, что, вроде бы, исключает индивидуальную ответственность лиц, являю-

щихся исполнителями этих деяний. Такой подход к проблеме имел место еще во времена Нюрнбергского военного трибунала, который в своих приговорах специально отмечал, что «международное право налагает долг и обязанности на отдельных лиц так же, как и на государства»¹³⁵. Тогда же было установлено, что «должностное положение подсудимых, их положение в качестве глав государства или ответственных чиновников различных правительственных ведомств не должно рассматриваться как основание к освобождению от ответственности или смягчению наказания»¹³⁶.

Вместе с тем в послевоенной международно-правовой доктрине существовала и такая точка зрения, согласно которой главы государств ни в коем случае не могут предаваться суду и, по крайней мере, не несут ответственности за действия своих подчиненных¹³⁷.

Принцип, согласно которому положение лица в качестве главы государства или ответственного должностного лица правительства не освобождает его от ответственности за международные преступления, вошел не только в принципы Нюрнбергского военного трибунала, его Устава, но и в некоторые последующие важные международно-правовые акты, многосторонние конвенции, проекты кодексов о преступлениях, разработанные Комиссией международного права ООН. Так, согласно ст. IV Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него «лица, совершающие геноцид... подлежат наказанию, независимо от того, являются ли они ответственными по конституции правителями, должностными или частными лицами»¹³⁸.

С точки зрения позитивного развития доктрины, примечательно то обстоятельство, что данный принцип нашел свое авторитетное закрепление в проекте Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества в разделе «Официальный статус и ответственность». Ст. 13 установила, что «официальный статус лица, совершившего преступление против мира и безопасности человечества, и в частно-

сти, тот факт, что оно является главой государства или правительства, не освобождает его от уголовной ответственности». Такая редакция статьи была сохранена в предложении специального докладчика на Комиссии международного права ООН и в таком виде была принята ее членами¹³⁹.

Важными и интересными как в научном, так и в практическом плане представляются утверждения о том, что в случае невыполнения преступного приказа подчиненные не несут ответственности за международные преступления, явившиеся следствием выполнения такого приказа, поскольку эти действия представляют собой действия государства¹⁴⁰. Еще Устав Нюрнбергского военного трибунала содержал по этому поводу четкое правовое предписание в ст. 8: «Тот факт, что подсудимый действовал по распоряжению правительства или по приказу начальника, не освобождает его от ответственности, но может рассматриваться как довод для смягчения наказания, если трибунал признает, что этого требуют интересы правосудия».

Как известно, Комиссия международного права ООН, формулируя Нюрнбергские принципы, не включила упоминание о возможности рассматривать наличие приказа в качестве смягчающего вину обстоятельства. Вместо этого Комиссия, используя мнение Трибунала о том, что критерием смягчающего обстоятельства является сам факт наличия приказа, а не практическая возможность морального выбора¹⁴¹, указала, что исполнение приказа правительства или начальника не освобождает от ответственности по международному праву, если фактически был возможен сознательный выбор.

Вопрос об ответственности за исполнение преступного приказа отражен в соответствующей формулировке в проекте Кодекса о преступлениях против мира и безопасности человечества. В его ст. 11 говорится о том, что «то обстоятельство, что какое-либо лицо, обвиняемое в совершении преступления против мира и безопасности человечества, дейст-

вовало во исполнение приказа своего правительства или начальника, не освобождает это лицо от уголовной ответственности, если в условиях того времени оно могло не выполнить этого приказа». Кстати, во время обсуждения данной статьи на Комиссии международного права ООН было высказано мнение, что в таком виде статья может вызвать серьезные проблемы, поскольку нет никакой связи между приказом правительства или начальника и вопросом вины. «Предположить обратное - значит не признавать общие принципы права и практику. Необходимо вернуться к использованию выражения, предусмотренного в вышеуказанном Нюрнбергском принципе»¹⁴².

Интересной представляется и редакция статьи проекта Кодекса об ответственности начальника за совершение его подчиненным преступления по данной категории правонарушений. Так, ст. 12 не освобождает начальника от ответственности, если он был в курсе дела и располагал информацией, позволяющей сделать вывод о том, что этот подчиненный совершил и собирается совершить такое преступление, и если он не принял все возможные меры, которые мог принять в целях его предупреждения или пресечения¹⁴³.

Общеизвестно, что идея создания механизма международного уголовного правосудия возникла давно и, как справедливо считает В. Пустогаров, закономерно вытекала из предшествующего развития международного права, а также была подготовлена длительным развитием правосознания народов¹⁴⁴.

ГЛАВА III. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

3.1. Формирование института ответственности военных преступников в международном праве

Международно-правовые нормы и принципы, предусматривающие и регулирующие вопросы ответственности за военные преступления, сложились относительно недавно. В полном масштабе данный вопрос был предопределен появлением Гаагских конвенций 1899 г. и особенно 1907 г. о законах и обычаях войны,¹⁴⁵ которые стали применяться, как известно, после окончания Первой мировой войны в связи с тяжкими преступлениями ее зачинщиков.

Сложившееся в целом понятие военного преступления предусматривало такие противоправные международные деяния, которые нарушали законы и обычаи войны. И в современном международном праве это определение, в основном, сохранилось в прежнем виде, хотя его содержание расширилось за счет перечня квалифицирующих противоправных действий и признаков.

Военные преступления выражаются в следующих противоправных действиях¹⁴⁶:

- а) применении запрещенных международным правом средств и методов войны;
- б) бессмысленном разрушении городов и населенных пунктов;
- в) уничтожении культурных ценностей;
- г) жестоком обращении с военнопленными, ранеными и больными, а также с мирным населением;
- д) грабежах и захватах общественной или частной собственности;
- е) уgone в рабство;

ж) депортации и эксплуатации гражданского населения;

з) взятии заложников и др.

К настоящему времени, можно сказать, сложилась в своей основе соответствующая юридическая база, которая содержит квалифицирующие признаки и обстоятельства, составляющие понятие военных преступлений. Кроме упомянутых Гаагских конвенций, они отражены и зафиксированы также в положениях других авторитетных международно-правовых документах современности: уставов международных военных трибуналов, учрежденных после Второй мировой войны, и современных международных уголовных трибуналов (по бывшей Югославии, Руанде), Женевских конвенций 1949 г. о защите жертв войны, документах СБСЕ-ОБСЕ, Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества и других важнейших юридических актов, воплотивших идею международного судебного преследования, наказания и ответственности за преступления против мира и безопасности человечества, включая военные преступления¹⁴⁷.

Создание международно-правового института ответственности военных преступников связано с окончанием Второй мировой войны, хотя отдельные попытки формирования этого института были предприняты в документах, положивших конец Первой мировой войне. Так, еще в ст. 227

Версальского договора¹⁴⁸ союзные и объединившиеся государства предъявили бывшему германскому императору (Вильгельму II Гогенцоллерну) «публичное обвинение в высшем оскорблении международной морали и священной силы договоров». Однако в действительности союзные государства не решились тогда на проведение какого-либо процесса над этим императором по различным соображениям, опасаясь разоблачения собственной политики, виновности в развязывании Первой мировой войны. На таком процессе, если бы он состоялся, мог возникнуть определенный преце-

дент в международных отношениях, который мог обернуться нежелательными последствиями для его создателей. Поэтому само обвинение германского императора юридически было сформулировано довольно-таки расплывчато, что дало Голландии возможность отказать государствам-победителям в выдаче бежавшего туда императора. На этом усилия государств-победителей в Первой мировой войне организовать и провести международный судебный процесс над военными преступниками, а конкретно - над германским императором, были прекращены.

Только после окончания Второй мировой войны идея международного судебного наказания за военные и другие преступления против человечества получила свое реальное воплощение. Мировое сообщество усилиями великих держав добилось создания международных военных трибуналов, которые судили и привлекали к уголовной ответственности виновных лиц (германских, японских) в совершении преступлений в ходе войны. Об этом государства извещали мировую общественность, публикуя соответствующие дипломатические документы (ноты, заявления, декларации), в которых говорилось, например, о преступлениях на временно оккупированных территориях.

Важным документом в деле реализации идеи проведения такого международного судебного процесса является Декларация о наказании за преступления, совершенные во время войны, подписанная еще 13 января 1942 г. представителями правительства Бельгии, Греции, Голландии, Люксембурга, Норвегии, Польши, Чехословакии, Югославии и Французского Национального Комитета.¹⁴ Так, Декларация устанавливала, что одна из целей войны - это наказание путем организованного правосудия тех, кто виновен и ответственен за эти преступления, независимо от того, совершены ли они по их приказу или лично, или при их соучастии в любой форме (п. 3). В следующем пункте говорилось о необходимости проследить за тем, чтобы виновные и ответствен-

ные лица, какова бы ни была их национальность, были разысканы, переданы в руки правосудия и судимы, вынесенные приговоры - приведены в исполнение.

Таким образом, идея предания суду, создания специального Международного трибунала и наказания со всей строгостью за совершенные преступления в ходе Второй мировой войны приобретала реальное воплощение в конкретных делах.

До завершения Второй мировой войны появились и другие важные коллективные документы о необходимости сурового наказания военных преступников, к числу которых относится Декларация об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства (Москва, октябрь 1943 г.). В ней союзные державы, в частности, отмечали, что «в момент предоставления любого перемирия любому правительству, которое может быть создано в Германии, те германские офицеры и солдаты и члены нацистской партии, которые были ответственны за зверства, убийства и казни или добровольно принимали в них участие, будут отосланы в страны, где были совершены их отвратительные действия, для того, чтобы они могли быть судимы и наказаны в соответствии с законами этих освобожденных стран и правительств, которые будут там созданы».¹⁵⁰ В Декларации также отмечалось, что она не затрагивает вопроса о главных преступниках, преступления которых не связаны с определенным географическим местом и которые будут наказаны совместным решением правительств союзников.

Принципы ответственности и наказания военных преступников были впервые сформулированы и осуществлены на практике Советским Союзом, где еще в 1943 г. состоялись судебные процессы над военными преступниками.

Определенный теоретический и практический интерес представляет Соглашение между правительствами СССР, США, Великобритании и Франции о судебном преследовании и наказании главных военных преступников ев-

ропейских стран оси (Лондон, 8 августа 1945 г.), которое предусматривало, в частности, создание Международного военного трибунала для суда над военными преступниками, преступления которых не связаны с определенным географическим местом, независимо от того, будут ли они обвиняться индивидуально или в качестве членов организаций или групп, или в том и другом качестве.¹⁵¹

Соглашение включало, наряду с другими документами, Устав Международного военного трибунала, раздел II которого посвящался юрисдикции и общим принципам его деятельности, а также характеристику составов международных преступлений¹⁵². Одним из наиболее сложных вопросов при его разработке явился вопрос об индивидуальной ответственности за международные преступления. Известно, что как до Нюрнбергского процесса, так и в ходе рассмотрения дела о главных нацистских военных преступниках некоторые западные юристы-международники¹⁵³ отстаивали мнение о том, что субъектам ответственности за международные, в том числе военные преступления может быть только государство, а не отдельные физические лица, хотя бы и занимающие высокие должностные посты. Целью подобной позиции было их желание провозгласить фиктивную уголовную ответственность государств и установить безнаказанность конкретных лиц, виновных в совершении военных преступлений. Этим обстоятельством объясняется требование, которое содержится в ст. 7 Устава МВТ, о том, что должностное положение подсудимых, их положение в качестве глав государств или ответственных чиновников различных правительственных ведомств не должно рассматриваться как основание к освобождению от ответственности или смягчению наказания.

Таким образом, данная позиция (доктрина) была отвергнута Международным военным трибуналом, который не признал представленных защитой аргументов. В вынесенном им приговоре говорилось, в частности, что «принцип

международного права, который при определенных обстоятельствах защищает представителя государства, не может быть применен к действиям, которые осуждаются как преступные, согласно международному праву. Преступления против международного права совершаются людьми, а не абстрактными категориями, и только путем наказания отдельных лиц, совершивших такие преступления, могут быть соблюдены установления международного права».¹⁵⁴

Международный военный трибунал для Дальнего Востока¹⁵⁵ в приговоре главным японским военным преступникам целиком воспринял доводы Нюрнбергского военного трибунала.

Принцип наказания путем организованного правосудия тех, кто ответственен за военные преступления, независимо от того, совершены ли они по приказу или в другой форме, был подтвержден в Декларации о наказании за преступления, совершенные за время войны (от 13 января 1942г.)¹⁵⁶ и в предупреждении правительств СССР, США и Великобритании, сделанном от имени всех Объединенных Наций (от 23 апреля 1945 г.) . В ряде случаев и суды союзников по антигитлеровской коалиции отвергали ссылку на приказ как основание для освобождения от ответственности за военные преступления.¹⁵⁸

В этой связи заслуживает внимания и ст. 8 Устава МВТ, в которой говорится о том, что «тот факт, что подсудимый действовал по распоряжению правительства или приказу начальника, не освобождает его от ответственности, но может рассматриваться как довод для смягчения наказания, если трибунал признает, что этого требуют интересы правосудия».

Таким образом, проведенные на основе уставов международных военных трибуналов Нюрнбергский и Токийский процессы имели большое практическое и теоретическое значение для международного права (в т.ч. современного) и истории международных отношений. Так, принципы

Устава и приговора МВТ вскоре были подтверждены в 1946г. резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН и стали рассматриваться как общепризнанные принципы и нормы международного права, в соответствии с которыми и в других странах были проведены судебные процессы против лиц, совершивших военные преступления в ходе Второй мировой войны.

Положения уставов МВТ, учитывая особый характер подсудных им преступлений, не предусматривают сроков давности по ним. Незаконность применения срока давности к нацистским военным преступникам, как это неоднократно пытались применить в ФРГ и некоторых других государствах, противоречит международному праву хотя бы в том, что в данном случае речь идет не об обычных уголовных преступлениях, а о преступлениях международного масштаба, характер которых сам по себе исключает всякую возможность применения срока давности. Именно поэтому ни в одном из приведенных выше международно-правовых документов, которые регламентируют ответственность военных преступников, не предусматривается давность как основание для освобождения от наказания.

Итак, современное международное право признает военных преступников (индивидов) как субъектов международной уголовной ответственности за совершенные преступления против мира и безопасности человечества, судить которых могут как специально создаваемые международные военные трибуналы, так и национальные суды потерпевших государств. В основе же подсудности военных преступников лежит принцип территориального применения уголовного закона, согласно которому государство вправе преследовать лиц, совершивших преступление на его территории.

К другой группе относятся такие лица, которые исполняли преступные приказы, или совершали преступления по собственной инициативе, или являлись непосредственными соучастниками таких преступлений. Еще IV Гагская

конвенция 1907 г. установила, что «воюющая сторона будет ответственна за все действия, совершенные лицами, входящими в состав ее вооруженных сил».

Уставы и приговоры МВТ закрепили в международном праве принцип индивидуальной уголовной ответственности за совершение военных преступлений, агрессии, за нарушение законов и обычаев ведения войны, за преступления против человечества.

Нюрнбергский и Токийский процессы имели большое значение, поскольку впервые были привлечены и осуждены военные преступники, развязавшие агрессивную войну, а их наказание явилось правомерной акцией возмездия и справедливого правосудия. Поэтому принцип уголовной ответственности за преступления против мира и человечества является важным средством охраны международного правопорядка. А его закрепление в качестве нормы международного права можно рассматривать как юридическое последствие факта осуждения и запрещения агрессивной войны как тягчайшего международного преступления.

Не случайно Генеральная Ассамблея ООН, исходя из того, что вопрос о наказании военных преступников является важным элементом предупреждения и предотвращения таких преступлений, неоднократно подтверждала принцип уголовной ответственности физических лиц (индивидов) за военные преступления. Подобное убеждение основывается на необходимости защиты интересов мирового сообщества, охраны прав человека и его основных свобод, недопустимости каких бы то ни было преступлений против мира и безопасности человечества.

В известном документе от 3 декабря 1973 г. о «Принципах международного сотрудничества в отношении обнаружения, ареста, выдачи и наказания лиц, виновных в военных преступлениях и преступлениях против человечества» Генеральная Ассамблея ООН, наряду с прочим, обязывала государства принимать национальные законы, карающие за

такие преступления. Однако в Законе СССР об уголовной ответственности за воинские преступления еще 25 декабря 1958 г. предусматривается уголовная ответственность лиц, виновных в мародерстве, насилии над гражданским населением в районе военных действий, в дурном обращении с военнопленными, в незаконном ношении знаков Красного Креста и злоупотреблении ими.

В советском внутригосударственном праве принимались различные нормативно-правовые акты (например, в 1965 г.), согласно которым военные преступники, виновные в преступлениях против мира и безопасности человечества, а также советские граждане, которые в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. проводили активную карательную деятельность, принимали личное участие в убийствах и истязаниях людей, подлежат суду и наказанию независимо от времени, истекшего после совершения преступления. Эти же преступления преследуются и в соответствии с нормами современного уголовного законодательства во многих государствах содержатся в их уголовных кодексах, которые отводят для них самостоятельную главу о преступлениях против мира и безопасности человечества.

Важным и конкретизирующим этапом в развитии и укреплении института ответственности военных преступников в международном праве явилась деятельность Комиссии международного права ООН, принявшей в 1991 г. (в первом чтении) проект Кодекса о преступлениях против мира и безопасности человечества.

Кстати, данное обстоятельство сыграло решающую роль в том, что новые суверенные государства, образовавшиеся на постсоветском пространстве, в том числе Российская Федерация и Азербайджанская Республика, ввели в свои уголовные кодексы разделы, посвященные ответственности за преступления против мира и безопасности человечества¹⁵⁹.

Что касается Кодекса о преступлениях против мира и безопасности человечества, то структурно он состоит из двух частей. Часть первая (своего рода Общая часть) включает нормы, которые формулируют общие вопросы уголовной ответственности за указанные преступления (общие принципы, судебные гарантии, обстоятельства, исключающие ответственность, и др.). Часть вторая формулирует двенадцать составов преступлений против мира и безопасности человечества: агрессия и угроза агрессией; вмешательство во внутренние и внешние дела другого государства; колониальное господство и другие формы иностранного господства; геноцид; апартеид; систематическое и массовое нарушение прав человека; исключительно серьезные военные преступления; вербовка; использование, финансирование и обучение наемников; международный терроризм; незаконный оборот наркотических средств; преднамеренный и серьезный ущерб окружающей среде.

Обращает на себя внимание тот факт, что перечень этих преступлений значительно расширен по сравнению с положениями уставов международных военных трибуналов (Нюрнбергского, Токийского), что представляется по меньшей мере спорным и вызвало возражения и замечания со стороны более 20-ти государств. Примечательно, что это не коснулось таких составов преступлений, как агрессия, угроза агрессией, геноцид и военные преступления.

Так или иначе, со многими доводами, несмотря на их спорный характер, которые были выдвинуты против включения указанных составов в Кодекс, можно согласиться. Например, вмешательство в дела государств как уголовно-правовой запрет является, на наш взгляд, слишком юридически общим, абстрактным и неконкретизированным, поскольку в международном праве, как известно, отсутствуют юридические основания установления такого уголовно-правового запрета.

Что касается колониального господства, то его понятие также не обладает четким юридическим содержанием и в настоящее время, видимо, представляет собой явление, фактически исчезнувшее из политической жизни, анахронизм в мировом сообществе, носящее скорее исторический, осколочный, а не современный характер.

Кроме того, по справедливому замечанию английских юристов, деяния, совершаемые во время колониального господства, могут войти в качестве составных частей других преступлений, например, того же геноцида. Те же соображения высказаны и против введения в Кодекс нормы за апартеид. Проблема возникла, как известно, в связи с положением в недавнем прошлом в ЮАР, ныне коренным образом изменившимся. Некоторые страны, например Австрия, высказались за замену понятия «апартеид» понятием «расовая дискриминация».

Систематическое и массовое нарушение прав человека при всей важности этой проблемы для мирового сообщества, с одной стороны, является слишком неопределенным в юридическом смысле понятием, а с другой - охватывается многими составами преступлений против личности, например, умышленных убийств, которые наказуемы по внутринациональному уголовному законодательству.

Содержащаяся в Кодексе формулировка о наемничестве вызвала возражения в связи с тем, что указанные действия «не получили еще статуса общепризнанных международных преступлений». Во время обсуждения упомянутого проекта представитель США указывал, что уголовная ответственность устанавливается не за действия самих наемников, а лишь за вербовку, использование, финансирование и обучение наемников агентами или представителями государства, что в целом также является очень неопределенным в юридическом отношении.

Что касается международного терроризма, то он фактически «растворяется» в составах специальных преступле-

ний во внутринациональном уголовном законодательстве большинства государств. Кроме того, недостатком определения этого преступления в Кодексе является то, что эта формулировка ограничивает сферу действия данного уголовно-правового запрета «государственным» терроризмом, тогда как в настоящее время особо распространенным видом международного терроризма является и «негосударственный» терроризм. Поэтому, как нам представляется, включение этой нормы в Кодекс мало что способно изменить в направлении совершенствования борьбы с этими преступлениями.

Как видно, проблема окончательного определения деяний, относимых к преступлениям против мира и безопасности человечества, остается пока нерешенной в современном международном праве, что, в свою очередь, затрудняет их определение и во внутринациональном уголовном законодательстве государств. Тем не менее, как обнаруживается из сопоставления содержания главы последнего Российского уголовного кодекса о преступлениях против мира и безопасности человечества и анализируемого Кодекса об этих преступлениях, результаты обсуждения последнего мировым сообществом нашли свое достаточно широкое отражение в Российском кодексе.

С другой стороны, имеет место тот факт, что традиционная проблема международно-правовой ответственности превратилась в проблему внутринационального уголовного законодательства государств. Видимо, по той причине, что работа над Кодексом о преступлениях против мира и безопасности человечества шла уже не один десяток лет.

Как видно, главная проблема - трудности разработки вопроса о механизме реализации этого Кодекса и, в первую очередь, вопроса о международном судебном органе, правомочном осуществлять непосредственную правоприменительную реализацию норм этого Кодекса.

В процессе обсуждения Кодекса большие споры вызвал вопрос о создании Международного уголовного суда и его юрисдикции. Ряд государств, например, Австрия, Англия, Бельгия, Нидерланды и Норвегия, категорически высказались за учреждение такого Суда. Несколько ранее французский юрист-международник Беннуа в статье, опубликованной во французском Ежегоднике международного права за 1990 г., затронул ряд проблем, вызывающих сомнения в целесообразности создания Международного уголовного суда¹⁶². При этом высказывались различные мнения, в том числе и о составе такого Суда, который должен быть, как предполагается, относительно небольшим и состоять из пяти-семи независимых судей, избираемых по той же процедуре, что и члены ныне действующего Международного суда ООН. Итак, сторонники и противники создания Международного уголовного суда вели полемику, но не могли убедить друг друга в своей правоте¹⁶³.

США выступали против принятия Кодекса именно потому, что в нем, по мнению американского представителя, отсутствовала процедура преследования за преступления против мира и безопасности человечества. Он считал, что принятие такого Кодекса не может решить проблему борьбы с этими преступлениями. В связи с этим наиболее эффективный выход американская сторона видела в укреплении сотрудничества правительств в области расследований соответствующих деяний и привлечения к ответственности их субъектов.

Несмотря на различные противоречия, позиции сторон и их подходы к ключевым вопросам, Комиссия международного права ООН разработала проект Статута Международного уголовного суда, который с замечаниями правительств некоторых государств был обсужден на 46-й сессии Комиссии (май - июль 1994 г.). В соответствии с этим проектом предполагалось учредить Международный уголовный трибунал путем заключения специального международного

договора, наподобие тех соглашений о сотрудничестве, которые обычно заключались между ООН и ее специализированными учреждениями.

Вместе с тем было принято решение о необходимости заключения договора между заинтересованными государствами и приложения к этому договору Устава Суда, в котором бы рассматривались такие вопросы, как порядок контроля над деятельностью Суда со стороны государств-участников, его финансирования и некоторые другие¹⁶⁴. Как справедливо отмечает в Годовом докладе о работе ООН за 1997 г. Генеральный Секретарь ООН Кофи А. Аннан, «учреждение такого Суда будет в значительной степени способствовать постконфликтному миростроительству, служить сдерживающим фактором против будущих актов насилия, направленных на геноцид, и станет важным шагом в эволюции принципа верховенства права на международном уровне».

Деятельность Международного уголовного суда в отношении лиц, совершивших военные преступления, имеет большое значение для дальнейшего развития и укрепления института ответственности и наказания за такие преступления в международном праве, способствует пресечению других преступлений против мира и безопасности человечества.

Как видно, демократизация современных международных отношений, достижение целей ООН, реализация закрепленных в ее Уставе принципов предусматривают и требуют наличия эффективных механизмов привлечения к ответственности за любые преступления, направленные против человечества. Окончательное создание такого механизма увязывалось с учреждением Международного уголовного суда за такие преступления на Международной конференции ООН 1998 г., что было весьма существенно на пороге нового тысячелетия. Огромная заслуга в решении этого вопроса принадлежит Комиссии международного права ООН, осу-

ществляющей работу в области прогрессивного развития международного права и его кодификацию. Как известно, на ее 48-й сессии была принята серия из 20 статей, которые легли в основу Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества.

3.2. Механизм установления фактов международного преступления

В создании режима международной ответственности за преступления против мира и безопасности человечества важное значение имеет вопрос о том, кто вправе или должен устанавливать факт совершения данного преступления.

За последние годы, по мере развития международно-правовой ответственности за такие преступления и активизации усилий мирового сообщества по их пресечению и недопустимости, вопрос об установлении фактов ООН в области поддержания мира и безопасности нашел свое достойное и глубокое освещение на самом высоком уровне этой организации, которая, как известно, приняла Декларацию по этому вопросу в 1991 г.¹⁶⁵ Принятию этого важного международно-правового документа современности предшествовали также соответствующие резолюции Генеральной Ассамблеи ООН,¹⁶⁶ которые легли в основу доклада Специального Комитета по Уставу ООН и усилению роли Организации¹⁶⁷.

В этой связи, кратко затрагивая историю вопроса, нельзя не сказать о значении и роли других важных документов современного международного права. В их числе - Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН (резолюция 2625 (XXV), приложение), Манильская декларация о мирном разрешении международных споров (резолюция 37/10, приложение), Декларация об усилении эффективности принципа

отказа от угрозы силой или ее применения в международных отношениях (резолюция 42/22, приложение), Декларация о предотвращении и установлении споров и ситуаций, которые могут угрожать международному миру и безопасности, и о роли ООН в этой области (резолюция 451, приложение) и др.

Не вдаваясь в подробности и углубленный анализ Декларации 1991 г., следует отметить некоторые принципиальные положения этого документа. Так, п. 11 указывает на то, что при выполнении своих функций, связанных с поддержанием международного мира и безопасности, компетентным органам ООН следует стремиться быть полностью осведомленными обо всех соответствующих фактах. С этой целью они должны рассматривать возможности осуществления мероприятий по установлению фактов. Согласно п. 2 Декларации, установление фактов означает любую деятельность, направленную на получение подробной информации о соответствующих фактах в отношении любого спора или ситуации, которая необходима компетентным органам ООН для эффективного осуществления своих функций в связи с поддержанием международного мира и безопасности.

Несмотря на то, что современная доктрина международного права находится в относительно поступательном прогрессивном развитии по затронутым проблемам, аспектам и вопросам, однако их решения, как правило, далеки от единства взглядов, мнений и, тем более, окончательных решений. Так, очередным подтверждением этому, в частности, по созданию режима международной ответственности за преступления, являются положения и материалы пятого и шестого докладов Специального докладчика Комиссии международного права ООН на ее 46-й сессии¹⁶⁸. Возможно, одной из главных причин этого факта является современный, многополярный или так называемый децентрализованный мировой порядок, включающий в себя равноправные (в

юридическом, а не в фактическом смысле) суверенные субъекты мирового сообщества.

В ходе работы данной Комиссии имели место отдельные, далекие от действительности и объективности мнения, в частности, о том, что якобы «нынешняя организация мирового сообщества ... не предусматривает другого пути, кроме как оставить вопрос об установлении факта совершения преступления на усмотрение каждого государства». Как видно, речь идет о субъективной позиции, predetermined современной уровнем или состоянием развития международного права, которая несостоятельна и неверна в свете его фундаментальных начал. Кроме того, имеется в виду важный принцип *ne iudex in causa sua* («никто не является судьей в собственном деле»), и, естественно, вряд ли верно, за исключением случаев самообороны, оставлять на усмотрение каждого государства, включая потерпевшее, установление факта совершения преступления.

Существенным для уяснения вопроса является тот факт, что в свое время Комиссия международного права ООН, работая над проектом статей об ответственности государств, провела принципиальные различия между нарушением международных обязательств, предусматривающих специально установленное поведение (ст. 20), и нарушением международных обязательств, предусматривающих обеспечение определенного результата (ст. 21). Можно согласиться с мнением докладчика комиссии Р. Аго, который в своем выступлении отмечал, что к последней категории международных обязательств относится большая часть международных обязательств, связанных с защитой прав человека, вследствие чего государство свободно принимать меры, которые оно считает наиболее подходящими для обеспечения этих прав.¹⁶⁹

Международные преступления, как известно, являются ситуациями, создающими угрозу миру и международной безопасности. Это было подтверждено и в ст. 19, где они оп-

ределялись как международно-противоправные деяния, возникающие в результате нарушения международных обязательств. Вместе с тем данная статья в качестве одной из необходимых характеристик международного преступления называет наличие *communis opinio*, т.е. необходимость того, чтобы какое-либо деяние рассматривалось как международное преступление международным сообществом в целом.

Разумеется, в данном случае речь идет об априорной характеристике, но не исключается, более того, допускается вывод о том, что международное сообщество должно быть (или могло бы быть) ответственным за идентификацию международного преступления. Об этом также говорил Р. Аго, отмечая, что «международное сообщество, стремясь к более структурированной организации, должно развиваться в направлении системы, основывающейся на исключительной ответственности международных институтов, а не государства; во-первых, за установление существования нарушения обязательства первостепенной важности для международного сообщества в целом, и, во-вторых, для решения того, какие меры должны быть предприняты в ответ на это нарушение и как они должны быть осуществлены»¹⁷⁰.

Несомненно, что в настоящее время именно ООН представляет собой «организованное международное сообщество» и нормальный инструмент реагирования на международные преступления, не являясь при этом каким-то над государственным органом, наделенным высшими полномочиями, сравнимыми с полномочиями высших государственных органов на национальном уровне.

Вместе с тем известные функции по установлению факта совершения и последствий международного преступления в соответствии с нормами гл. VII Устава ООН выполняет Совет Безопасности, хотя этот орган, в отличие от Генеральной Ассамблеи, не представляет мировое сообщество в целом. При этом следует разграничивать так называемые дискреционные полномочия Совета Безопасности по уста-

новлению факта агрессии, которые вытекают из ст. 39 Устава ООН, и прямо не предусмотренные Уставом полномочия, подразумеваемые по установлению иных категорий международных преступлений, которые перечислены в п. 3 ст. 19 («в», «с») проекта.

Примечательно и то, что Совет Безопасности редко «называл вещи своими именами», характеризовал тот или иной факт серьезного нарушения международных обязательств именно как международное преступление, употребляя при этом такие общие формулировки, как «нарушение мира и международной безопасности», «угроза миру» и др.

В силу различных обстоятельств, в первую очередь политического характера, многочисленные факты агрессии, прямого вооруженного нападения и другие преступления против мира и безопасности человечества не находили должной квалификации и осуждения со стороны Совета Безопасности ООН.

Одним из примеров в практике современных международных отношений являются агрессивные действия и военные преступления, совершенные Республикой Арменией против Азербайджанской Республики¹⁷¹. Как известно, вооруженный конфликт в Нагорно-Карабахском регионе Азербайджана, развязанный Арменией, представляет собой давний межэтнический спор между бывшими советскими республиками.

Несмотря на усилия, правда, не всегда последовательные, Минской группы ОБСЕ¹⁷², которая пытается играть миротворческую роль в этом конфликте, всеобъемлющего регулирования этого конфликта пока не удастся достичь. Меры по продвижению вперед мирного процесса не приносят желаемого результата вследствие упорного противостояния армянской стороны и ее отказа от выполнения фундаментальных норм и принципов современного международного права и, в первую очередь Устава ООН, игнорирования принятых в 1993 г. Советом Безопасности ООН резо-

люций (822, 853, 874 и 884), в которых содержатся рекомендации по конструктивному решению данного конфликта. Так, в резолюции 884 от 11 ноября 1993 г. (документ ООН — 8/26719) подтвержались суверенитет, территориальная целостность Азербайджанской Республики и всех других государств в регионе, а также нерушимость международных границ и недопустимость применения силы для приобретения территории; в п. 1 содержится осуждение имевших место нарушений установленного сторонами прекращения огня, которые повлекли за собой возобновление военных действий, и осуждение оккупации новых территорий Азербайджанской Республики, нападения на ее мирных жителей и обстрел азербайджанской территории.

Кроме немедленного прекращения военных действий и враждебных актов, Совет Безопасности потребовал (в п. 4) одностороннего вывода оккупационных сил не только с последних захваченных азербайджанских территорий (из Зангиланского района и города Горадиза), но и вывода оккупационных сил из других, ранее захваченных районов Азербайджанской Республики в соответствии с «Обновленным графиком неотложных мер по осуществлению резолюций 822 и 853».

Ситуация в Армении тех лет характеризовалась особым усилением пронационалистической оппозиции, что привело к отставке президента и еще большим осложнениям и без того зашедшей в тупик ситуации по переговорам в так называемых «рамках пакетного решения».¹⁷³

Позитивным фактором в этом вопросе, правда, является азербайджано-армянское соглашение о прекращении огня, достигнутое при посредничестве Российской Федерации и вступившее в силу 12 мая 1994 г., которое в целом соблюдается и не привело к оккупации новых территорий Азербайджанской Республики. Вместе с тем из-за отсутствия политического решения большие районы, 20% азербайджанской территории, по-прежнему оккупированы армян-

скими вооруженными силами, и почти миллион беженцев и перемещенных лиц не могут, естественно, вернуться в свои родные места.

Несмотря на усилия Совета Безопасности по оказанию миротворческой поддержки ОБСЕ, пока никак не удастся провести полноценные переговоры в целях заключения политического соглашения о прекращении вооруженного конфликта в Нагорно-Карабахском регионе, что позволило бы создать Минскую мирную конференцию и развернуть в данном регионе многонациональные силы ОБСЕ по поддержанию мира.

Известны и другие позитивные усилия международно-правового характера, предпринятые на уровне ООН. Так, в заявлении Председателя Совета Безопасности вновь была выражена готовность о поддержке усилий сопредседателя Минской конференции ОБСЕ. В частности, конфликтующие стороны настоятельно призывались к проведению конструктивных переговоров без предварительных условий или процедурных препятствий и воздержанию от любых действий, которые могут подорвать мирный процесс. Наряду с этим, Совет особо подчеркнул, что стороны в конфликте сами несут основную ответственность за достижение мирного урегулирования.

Данному заявлению, кстати, предшествовал другой интересный документ - записка Председателя Совета Безопасности ООН, положения которого во многом свидетельствуют об истинной ситуации в связи с этим конфликтом и во многом конкретизируют негативную позицию Республики Армения как государства-оккупанта, совершившего вооруженный захват части азербайджанской территории. Так, в ней Совет Безопасности прямо призывает правительство Республики Армения использовать свое влияние для обеспечения соблюдения армянами нагорно-карабахского района Азербайджанской Республики резолюций 822 и 854. Примечательно и то, что Совет Безопасности наметил и обозначил

ряд мер, связанных с урегулированием конфликта. В частности, осудил ранее вторжение в районы Азербайджанской Республики и захват этих районов; потребовал прекратить все нападения и немедленно положить конец военным действиям, бомбардировкам и артиллерийским обстрелам, которые создают угрозу миру и безопасности в регионе; немедленно полностью и безоговорочно вывести оккупационные силы из Физулинского, Кяльбаджарского и Агдамского районов и других недавно оккупированных районов Азербайджанской Республики; призвал правительство Республики Армении использовать с этой целью имеющиеся у него возможности по оказанию влияния на армянское население Нагорного Карабаха; вновь подтвердил суверенитет и территориальную целостность Азербайджанской Республики и всех других государств в регионе и нерушимость их границ; призвал конфликтующие стороны позитивно и в согласованные сроки откликнуться на разработанный Минской группой «график неотложных мер по выполнению резолюций 822 и 853 Совета Безопасности (1993 г.)» и воздержаться от любых действий, которые могли бы помешать мирному урегулированию; призвал воздерживаться от поставок любого оружия и военного снаряжения, которые могли бы привести к эскалации конфликта или продолжению оккупации территории Азербайджанской Республики и др.

Примечательна и инициатива бывшего Генерального Секретаря ООН, если это потребуется, оказать свои добрые услуги возглавляемому ОБСЕ политическому процессу, целью которого является достижение всеобъемлющего урегулирования конфликта.¹⁷⁵

Важность предприятия Советом Безопасности превентивных действий или содействия их осуществлению целиком согласуется с одной из первейших целей ООН - расширять масштабы осуществления мирных перемен, предоставляя средства, с помощью которых конфликты можно сдерживать, улаживать и урегулировать, устраняя их перво-

причины, с тем чтобы избежать угрозы международному миру и безопасности. Одной из таких первопричин выглядит фактическая агрессия армянского государства, посягнувшего на территориальную целостность и неприкосновенность Азербайджанской Республики, что всегда рассматривалось международным правом не только как нарушение одноименного принципа, но и как угроза миру и безопасности человечества, особенно, если это нарушение осуществляется вооруженным путем, посредством агрессивных действий, приведших к оккупации территории государства. Устав ООН, как известно, также запрещает любую угрозу силой или ее применение против территориальной целостности государства, его неприкосновенности .

Речь идет о грубом нарушении общепризнанной (кроме Армении) международно-правовой нормы, закрепленной в ряде авторитетных, универсальных документов современности, в которых содержится четкое предписание каждому государству воздерживаться от любых действий, направленных на нарушение национального единства и территориальной целостности любого другого государства. И, конечно, противоправна ситуация, когда территория государства становится объектом военной оккупации, явившейся результатом применения силы в нарушение положений Устава ООН.

Кроме того, не должны признаваться законными какие-либо территориальные приобретения, возникшие в результате угрозы силой или ее применения. Однако, как известно, закон не имеет обратной силы, поэтому, в частности, в Декларации ООН о принципах международного права (1970 г.) оговаривалось, что вышеприведенные положения не должны толковаться как нарушающие положения Устава или любые международные соглашения, заключенные до принятия Устава и имеющие юридическую силу в соответствии с международным правом.

В условиях реальной армянской оккупации азербайджанской территории, идущей вразрез с одной из главных целей ООН - поддерживать международный мир и безопасность, установление очевидного факта нарушения норм международного права является логически правильным и по смыслу справедливым, а главное, подпадающим под действие соответствующих требований юридического характера.

Противоправны любые (а не только военные) действия против территориальной целостности или неприкосновенности. Так, транзит любых транспортных средств через иностранную территорию без разрешения территориального суверена является нарушением неприкосновенности как границ, так и государственной территории, поскольку именно она используется для транзита. Или другой случай: все природные ресурсы являются, естественно, составными компонентами территории государства, и если неприкосновенна территория в целом, то неприкосновенны и ее компоненты, т.е. природные ресурсы в их естественном виде. В этой связи их разработка иностранными лицами или государствами без разрешения суверена считается нарушением принципа территориальной неприкосновенности.

Эти и другие нарушения Арменией положений Женевских конвенций 1949 г., Дополнительных протоколов о защите жертв вооруженных конфликтов 1977 г. и других документов современного международного права - реальные факты, которые должны быть установлены ООН в интересах поддержания международного мира и безопасности в регионе, и им должна быть дана соответствующая юридическая оценка и квалификация.

За последние десятилетия, однако, имели место единичные случаи, когда Совет Безопасности устанавливал факты агрессии, как это было в отношении ЮАР против Анголы и Лесото (в 1982 г. - резолюция 527) и Ирака против Кувейта (в 1992 г. - резолюция 687).

Правомочие Совета Безопасности ООН в установлении факта совершения агрессии, других серьезных международных преступлений было подтверждено в Проекте Статута Международного уголовного суда, разработанном Комиссией международного права. В нем, в частности, отмечается, что заявление об акте агрессии или заявление, непосредственно связанное с актом агрессии, не может быть подано в соответствии с настоящим Статутом, если только Совет Безопасности прежде не определит, что соответствующее государство совершило акт агрессии, который является предметом этого заявления (п. 2, ст. 23 Проекта) . В этой же статье (п. 3) говорится, что уголовное преследование не может быть возбуждено в соответствии с настоящим Статутом в связи с ситуацией, которой занимается Совет Безопасности. Она представляет собой угрозу миру, нарушение мира или акт агрессии в соответствии с гл. VII Устава ООН, если только Совет Безопасности не примет иного решения.

Как видно по Проекту, любая уголовная ответственность какого-либо лица за совершение преступления, агрессии необходимо предполагает, что определенное государство было признано виновным в совершении агрессии, и такое заключение должен выносить Совет Безопасности ООН, действуя согласно главе VII Устава. Другими словами, определение факта агрессии Советом Безопасности ООН признается необходимым предварительным условием для подачи заявления в отношении какого-либо акта агрессии.

Материалы доклада Комиссии международного права ООН (в ходе работы ее 46-й сессии) свидетельствуют об особом значении ст. 23 Проекта Статута Международного суда, где говорится о том, что Комиссия никоим образом не была намерена дополнять или расширять полномочия Совета Безопасности, определенные в Уставе, кроме предоставления в его распоряжение судебного механизма, созданного на основании Статута. Вопрос об установлении факта совершения агрессии или его отсутствие является уставным

полномочием Совета Безопасности ООН. Иными словами, даже в случае отсутствия в Проекте ст. 23, уголовное преследование виновных, минуя Совет Безопасности, было бы противоправным. В таких ситуациях преимущественное значение имеет ст. 103 Устава ООН, в соответствии с которой уставные обязательства наделены преимущественной силой по отношению к какому-либо другому международному соглашению.

Относительно иных международных преступлений против мира и безопасности человечества, других серьезных нарушений международного права Совет Безопасности обладает компетенцией констатировать совершение этих деяний, но только в случае, если они представляют угрозу мировому сообществу по смыслу ст. 39 Устава. Для установления факта международного преступления другие основания задействовать механизм Совета Безопасности ООН, нежели в рамках этой статьи, отсутствуют, о чем свидетельствует современная практика международных отношений.

Продолжая исследование деятельности Комиссии международного права ООН, можно отметить некоторые различия в изложенных в ней мнениях. Так, отдельные члены Комиссии высказывались в поддержку широкой интерпретации полномочий Совета на основании главы VII Устава или считали возможным распространение компетенции Совета Безопасности на все нарушения, которые могут быть предусмотрены в пересмотренном варианте ст. 19. Другие же члены Комиссии выражали обеспокоенность по поводу того, что попытки включить в категорию поддержания мира и безопасности любые другие преступления, кроме агрессии, способны вести к опасным прецедентам, которые могут сопровождаться произвольным размытием, стиранием граней различия, сомнительным и несостоятельным выводам и постановкой под вопрос полномочий Совета Безопасности ООН. В этом контексте отмечалось, что нынешняя тенденция к существенному расширению концепции

угрозы миру имеет свои пределы, и ее чрезмерное распространение, видимо, не совсем оправдано.

Общепризнано, что Совет Безопасности ООН как политический орган не может и не должен осуществлять юридические или судебные функции. В соответствии с Уставом Совет Безопасности ООН, как известно, обладает исключительно большими полномочиями в деле предотвращения войны и создания условий для мирного и плодотворного сотрудничества государств.

Практика показывает, что за последние десятилетия не было ни одного серьезного международного события, ставившего под угрозу мир и безопасность человечества или вызывавшего споры и разногласия между государствами, на которое не обращалось бы внимание Совета Безопасности, причем подавляющая их часть (около 160 за послевоенные годы) было предметом рассмотрения на его заседаниях.

Можно сказать, что Совет Безопасности неоднократно выявлял факты совершения того или иного международного преступления, хотя в большинстве случаев речь прямо не шла о наличии конкретного состава преступления. Например, в резолюции Совета Безопасности (№ 418-1977 г.) политика и действия правительства стран Южной Африки квалифицировались как апартеид по смыслу п. 1 ст. 1 Конвенции о пресечении преступления апартеида и наказания за него от 30 ноября 1973 г.¹⁷⁸ В данной статье апартеид признается «преступлением против человечества, и что бесчеловечные акты, являющиеся следствием политики и практики апартеида и сходной с ним политики и практики расовой сегрегации и дискриминации... являются преступлениями, нарушающими принципы международного права, в частности, цели и принципы Устава ООН, создающими серьезную угрозу для международного мира и безопасности».

В некоторых резолюциях¹⁷⁹, принятых в 1990 г., Совет Безопасности ООН прямо ставил вопрос об ответственности Ирака, о нарушениях им Женевской (IV) конвенции 1949 г. в

связи с жестоким обращением с гражданами третьих государств и Кувейта, имея в виду акты насилия, взятие заложников, незаконное разрушение и захват государственного и

частного имущества и иные нарушения прав человека¹⁸⁰. Что касается резолюции Совета Безопасности ООН № 689 (1991 г.), то она пока является единственным международно-правовым документом, прямо указывающим на ответственность государства за экологический ущерб, причиненный его военными действиями¹⁸¹.

В серии резолюций¹⁸², принятых по бывшей Югославии, Совет Безопасности квалифицировал факты массовых и систематических нарушений прав человека и его основных свобод, включая этнические меньшинства, и других серьезных нарушений современного международного гуманитарного права, в том числе практику так называемой «этнической чистки» и преднамеренного воспрепятствования доставки продовольствия и медикаментов гражданскому населению.

Обращает на себя внимание и резолюция (№ 748 -1992 г.), где говорится об ответственности Ливии за международный терроризм и делается ссылка на п. 4 ст. 2 Устава

ООН и Декларацию принципов международного права¹⁸³. Однако и решение Международного суда и резолюция Совета Безопасности ООН по указанному вопросу до сих пор испытывают отсутствие единства во мнениях, поскольку, как утверждают противники этих документов, имеет место широкая интерпретация полномочий Совета Безопасности при установлении в данном случае факта международного терроризма без достаточных на то оснований и при отсутствии соответствующей нормативной базы и неоспоримых доказательств.

Этот и некоторые другие факты не позволяют утверждать, что Совет Безопасности - такой орган ООН, который всегда объективно и юридически корректно устанавливает факты совершения международного преступления.

Важно, учитывая особый статус и ответственность Совета Безопасности, чтобы выполнялись предписания этому органу, содержащиеся в Декларации 1991 г. об установлении фактов ООН в области поддержания международного мира и безопасности, как это указано в п. 8 ст. 2. В нем, в частности, говорится о том, что Совету Безопасности следует рассматривать возможность осуществления деятельности по установлению фактов в целях эффективного выполнения им его главной обязанности по поддержанию международного мира и безопасности в соответствии с Уставом.¹⁸⁴

Несмотря на определенные противоречия, не всегда присущую в силу различных обстоятельств политического характера объективность и последовательность, результаты деятельности Совета Безопасности могут служить в определенной степени критерием в целом плодотворной работы ООН, равно как и показателем значительности, авторитета и влияния организации в мировом сообществе. И это не случайно, ибо от того, насколько эффективно и конструктивно протекает деятельность Совета Безопасности, зависело и зависит, в первую очередь, успешное выполнение ООН всех других возложенных на нее задач.

Новейшая теория и практика международного права характеризуются, наряду с прочим, ощутимым увеличением масштабов деятельности в области прав человека в рамках операций на местах, что является непосредственным отражением решений, принятых Советом Безопасности ООН. В зависимости от потребностей эта деятельность сочетает в себе и контроль за нарушениями прав и свобод человека, и консультационные услуги, и меры укрепления доверия в различных частях земного шара, и даже применение превентивных мер.

При всем этом Совет Безопасности не в состоянии, не действуя *ultra vires*, решать вопрос о судебной ответственности любого субъекта международного права. Кроме того, в данном контексте необходимо учитывать, что в Уставе

ООН не предусмотрен режим функционирования какого-либо механизма контроля для установления факта превышения Советом Безопасности своих полномочий или злоупотребления ими.

В этой связи представляет научный и практический интерес идея, которая была изложена в ходе работы Комиссии международного права ООН о внедрении некой системы сдерживания и противовесов, призванная свести к минимуму риск принятия Советом Безопасности откровенно противоправного решения. Некоторые члены Комиссии даже предлагали оставить возможность для опротестования любого определения Совета о существовании акта агрессии на основании нормы, которая должна позволять государству, признанному агрессором, передавать данный вопрос на рассмотрение судебного органа, например, Международного суда.¹⁸⁵

Одна из особенностей заключается, на наш взгляд, в том, что Совет Безопасности ООН, обладающий неординарной процедурой деятельности, не правомочен и не способен создать особый суд, эффективно признавать ответственность за преступления. В этом смысле можно отметить дискуссии на различных форумах о составе членов, в первую очередь постоянных, Совета Безопасности. Так, в ходе работы 46-й сессии Комиссии международного права ООН высказывалось мнение о необходимости более сбалансированного представительства различных региональных групп на основе более объективного распределения постоянных мест и о том, что это содействовало бы укреплению способности Совета Безопасности выявить серьезные международные преступления и санкционировать коллективные принудительные меры или меры самообороны от имени международного сообщества¹⁸⁶. Подобные предложения заслуживают внимания в плане учета специфики современных международных отношений. Однако статус Совета Безопасности не позволяет ему выступать международным арбитром для решения «чис-

то» юридических вопросов, например, вопроса о правовой квалификации, к которому относится и вопрос об установлении фактов и наличия в деяниях государства состава того или иного международного преступления.

Новые пути и возможности в решениях этих вопросов содержатся, на наш взгляд, в положениях упомянутой декларации об установлении фактов ООН в области поддержания международного мира и безопасности. Например, в п. 9 ст. 11 предписывается, что Совету Безопасности следует всякий раз, когда это уместно, рассматривать возможность включения в свои резолюции положения об использовании механизма установления фактов.

В п. 15 того же раздела Совету Безопасности и Генеральной Ассамблее при решении вопроса о возложении задачи проведения миссии по установлению фактов следует отдавать предпочтение Генеральному Секретарю, который может, в частности, назначить подотчетных ему специального представителя или группу экспертов. Может также рассматриваться возможность использования услуг какого-либо специального вспомогательного органа Совета Безопасности или Генеральной Ассамблеи.

И наконец, при рассмотрении возможности направления миссии по установлению фактов компетентному органу ООН следует принимать во внимание другую соответствующую деятельность по установлению фактов, в том числе усилия, предпринимаемые заинтересованными государствами, и деятельность в рамках региональных механизмов или учреждений (п. 16).

Относительно роли Международного суда ООН по поводу конечного установления факта совершения международного преступления не существуют какие-либо серьезные доводы и возражения о его компетентности при вынесении решений о наличии любых нарушений международного права (в том числе их квалификации как международных преступлений) или соответствующих заключений¹⁸⁷.

С целью углубленного понимания существа и особенностей рассматриваемой проблемы считаем целесообразным подробнее остановиться на некоторых принципиальных положениях упомянутого Проекта статей об ответственности государств (ст. 19).

Здесь, в частности, указывается, что любое государство-член ООН, являющееся участником настоящей Конвенции, которое утверждает о совершении международного преступления одним или несколькими государствами, согласно гл. VI Устава ООН доводит этот вопрос до сведения Генеральной Ассамблеи или Совета Безопасности.

В случае, когда Генеральная Ассамблея или Совет Безопасности устанавливает квалифицированным большинством присутствующих и участвующих в голосовании членов, что упомянутое утверждение является достаточно обоснованным, чтобы вызвать озабоченность международного сообщества, любое государство-член ООН, являющееся участником Конвенции, в том числе государство, в отношении которого выдвинуто такое утверждение, может передать этот вопрос в Международный суд в одностороннем порядке, с тем чтобы Суд вынес решение о том, совершено или совершается ли международное преступление государством, против которого выдвинуто обвинение (п. 2 ст. 19).

В любом деле, в котором Международный суд, исходя из юрисдикционного правосознания, осуществляет свою компетенцию в споре между двумя или несколькими государствами-членами ООН, являющимися участниками настоящей Конвенции, относительно наличия международного преступления, любое другое государство-член ООН, также являющееся участником настоящей Конвенции, имеет право принять участие в одностороннем порядке в разбирательстве Суда.

Решение Международного суда о том, что было совершено или совершается международное преступление, означает выполнение условия для целей осуществления лю-

бым государством-членом ООН, являющимся участником настоящей Конвенции, особых или дополнительных правовых последствий международных преступлений.

Представляется, что данные положения, определяющие двухэтапную процедуру, по которой Генеральная Ассамблея или Совет Безопасности делают предварительную политическую оценку, а Международный суд принимает решение о наличии международного преступления, имеют определенные преимущества, обладают позитивным смыслом и играют существенную роль для прогрессивно-демократического развития современного международного права.

Примечательно и то, что вмешательство сначала политического, а затем судебного органа предполагает высокий уровень гарантии на случай произвола; в этом контексте идея об обязательном участии третьей стороны не выглядит предпочтительной. Хотя предварительные условия о выражении «озабоченности» Генеральной Ассамблеи или Совета Безопасности и установление «вины» судебным органом действуют в отношении санкций, которые все государства могут затем принять в силу своих собственных властных полномочий, это не затрагивает полномочия Совета Безопасности, действующего на основании гл. VII.

В свое время Комиссией международного права ООН эти положения были сочтены как убедительные и существенные в той степени, в какой они, во-первых, не выходят за существующие институциональные рамки; во-вторых, в максимальной степени используют возможности, предлагаемые системой ООН; в-третьих, уважают компетенцию органов, которые имеют полномочия вмешиваться; в-четвертых, учитывают необходимость обеспечить быструю реакцию на преступление тем, что она дает государствам возможность прибегнуть к таким срочным временным мерам, которые требуются для защиты прав потерпевшего государства или для ограничения ущерба, причиненного международным преступлением, и др.

В целях ускорения процесса установления фактов и сбора доказательств целесообразно было бы Генеральной Ассамблее или Совету Безопасности назначить, в частности, специального прокурора, который был бы наделен функцией расследования и ускорил бы процедуру. Председатель Международного суда мог бы назначить специальный состав из пяти судей, которым было бы поручено разбирательство дел после того, как Суд получил его на основании решения политического органа.

На той же Комиссии международного права в период работы ее 46-й сессии было также обращено внимание на ограниченность Международного суда, обусловленную консенсусной основой его компетенции. Наделение же Суда обязательной юрисдикцией в отношении рассматриваемых дел было бы равнозначно кардинальным переменам в международном праве. В том, что Международный суд еще не готов и не обладает прямой компетенцией констатировать (а тем более устанавливать) факты имевших место международных преступлений, можно было убедиться в деле, представленном в Международный суд Боснией и Герцеговиной (в марте 1993 г.) о применении Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него 1948 г.

Наиболее реальной компетенцией по установлению фактов совершения серьезных нарушений и международных преступлений все же обладает Совет Безопасности ООН. Комиссия международного права в рамках разработки статей об ответственности не вправе была превысить свои функции, тем более произвести какое-либо перераспределение полномочий, определенных Уставом ООН, согласуя свою деятельность с его основополагающими нормами и принципами. Взаимосвязь рассмотренных положений в контексте установления противоправных фактов имеет большое значение для способности ООН поддерживать международный мир и безопасность, которая, в свою очередь, зависит от получения ею подробной информации о фактиче-

ских обстоятельствах любого спора, конфликта или ситуации. Их дальнейшее существование могло бы поставить под угрозу поддержание нормального существования и развитие мирного сообщества.

Как свидетельствует практика современных международных отношений, особое место среди всего разнообразия международных споров занимают территориальные споры о принадлежности определенного участка земли, которые сопровождаются опасными политическими кризисами, вооруженными конфликтами, межгосударственными трениями и осложнениями. Решение же вопроса о том, представляет ли данный спор или ситуация угрозу международному миру и безопасности, обусловлено их конкретными обстоятельствами, а также зависит от существа и характера внешнеполитической деятельности спорящих или вовлеченных в ситуацию государств.

Спорящие или конфликтующие стороны, исходя из требований современного международного права, обязаны их разрешать исключительно мирными средствами. Этого требует, в частности, «принцип I», согласно которому «...каждое государство обязано воздерживаться от угрозы силой или ее применения с целью нарушения существующих международных споров, в том числе территориальных споров и вопросов, касающихся государственных границ...», содержащийся в Декларации о принципах международного права 1970 г. и получивший развитие в последующих авторитетных международно-правовых документах современности.

Даже общепризнанное право на самоопределение не должно истолковываться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к частичному или полному расчленению государства или к нарушению территориальной целостности или политического единства современных суверенных государств.

3.3. Институт принудительных мер за международные военные преступления

Вопрос о режиме принудительных мер, которые могут приниматься в виде ответственности за международные преступления, является одним из сложных и малоразработанных вопросов в доктрине современного международного права. Эти сложности, как правило, возникают в связи с отсутствием достаточно определенной нормативно-правовой базы, что, в свою очередь, порождает различные проблемы как теоретического, так и практического характера.

Общепризнано, что первостепенная заслуга в вопросе о принудительных мерах принадлежит Уставу ООН, под которыми понимаются соответствующие правомерные действия, направленные на поддержание или восстановление международного мира и безопасности. По смыслу уставных положений они предпринимаются государствами в случае угрозы миру, нарушения мира или акта агрессии по решению Совета Безопасности ООН либо в рамках региональных соглашений под руководством этого органа или по его уполномочию. К таким мерам также прибегают в случаях, когда необходимо силой, естественно, военной, положить конец противоправному поведению сторон в вооруженном конфликте, создающем неотвратимую угрозу мировому сообществу.

Согласно Уставу ООН предусмотрены два вида принудительных мер как невоенного, так и военного характера: а) меры, не связанные с использованием вооруженных сил, которые могут включать полный или частичный разрыв экономических отношений, железнодорожных, морских, воздушных, почтовых, телеграфных, радио и других средств сообщения, а также разрыв дипломатических отношений (ст. 41); б) действия воздушными, морскими или сухопутными силами, включая демонстрации, блокаду и другие операции

воздушных, морских или сухопутных сил членов ООН (ст. 42).

Одна из особенностей заключается в том, что перечень конкретных принудительных мер, как военных, так и экономических, и других невоенных уставных санкций не является исчерпывающим, потому что Совет Безопасности может при необходимости применять и другие, не названные' в упомянутых статьях.

Следующая особенность заключается в том, что Совет Безопасности является единственным органом в системе ООН, который уполномочен принимать решения на основе принципа единогласия о назначении принудительных мер от самой Организации. Никакие принудительные меры не могут применяться в силу региональных соглашений или региональными органами без полномочий Совета Безопасности, за исключением случаев, предусмотренных в ст. 53 и ст. 107 Устава ООН. Как известно, эти случаи относятся к мерам, принятым или санкционированным в результате Второй мировой войны в отношении бывших вражеских государств, и к мерам, предусмотренным в региональных соглашениях, направленных против возобновления агрессивной политики со стороны любого такого государства.

Важно учитывать и то, что решения Совета Безопасности о применении принудительных мер являются обязательными для тех государств, на которые будет возложено осуществление тех мер, а также и для всех других членов ООН, поскольку на них возложена обязанность воздерживаться от оказания помощи любому государству, против которого предпринимаются принудительные меры.

В этом отношении Устав ООН существенно отличается от некоторых международно-правовых документов большого политического значения, например, от Пакта (Статута) Лиги наций, по которому, в частности, военные санкции имели факультативный характер. Так, Совет Лиги мог рекомендовать государствам их применение, но был не вправе

обязать членов Лиги прибегнуть к военным санкциям. Можно также отметить, что обязательства в отношении применения экономических санкций возлагались непосредственно на членов Лиги наций, а не на ее Совет, который вообще не обладал какими-либо правами принудительного характера.

Характерно и то, что осуществлением экономических санкций в практике деятельности Лиги (кстати, единственный случай в ее истории против Италии за ее нападение в 1935 г. на Эфиопию¹⁹) занимался не Совет Лиги, а возникший вне ее рамок Координационный комитет. Он действовал как конференция членов Лиги по применению санкций, и его решения имели силу лишь рекомендаций.

Если, наконец, учесть то, что вопрос о применении санкций должен был решаться согласно Пакту (Статуту) Лиги наций, по существу, в зависимости от усмотрения ее членов, то становится очевидным, что постановления Пакта Лиги о санкциях создавали широкие возможности для членов-государств Лиги уклоняться от применения санкций и вообще отказаться от них, что и произошло незадолго до Второй мировой войны.

Таким образом, сравнительный анализ положений Пакта (Статута) Лиги и Устава ООН позволяет утверждать, что последний международно-правовой документ, возлагающий, как известно, на Совет Безопасности главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности и наделяющий его широкими полномочиями в отношении применения принудительных мер, избежал указанных выше недостатков в области регламентации санкций. По Уставу ООН не отдельные государства, а Совет Безопасности решает вопрос о необходимости применения принудительных мер, определяет конкретно вид санкций и указывает, какие члены ООН должны их осуществлять.

Экономические и другие невоенные санкции должны осуществляться всеми членами ООН или, во всяком случае, всеми теми из них, которые поддерживают экономические и

другие указанные в ст. 41 Устава отношения с государством, против которого применяются принудительные меры. В противном случае разрыв, например, экономических отношений с агрессором не даст должного эффекта, поскольку он будет осуществлен не всеми членами ООН. Военные же санкции могут осуществляться как всеми членами ООН, так и некоторыми из них в зависимости от указания Совета Безопасности.

Особенность заключается также и в том, что все члены ООН в принципе несут обязанность предоставлять в распоряжение Совета Безопасности - по его требованию в соответствии с особыми соглашениями Совета с членами ООН - необходимые вооруженные силы, помощь и соответствующие средства обслуживания, включая право прохода (п. 1, ст. 43). Кроме того, в целях обеспечения для ООН возможности предпринимать срочные военные мероприятия члены ООН, согласно Уставу, должны держать в состоянии немедленной готовности контингента национальных военно-воздушных сил для совместных международных принудительных мер.

Процедура заключается в том, что планы применения вооруженных сил для осуществления принудительных мер должны составляться Советом Безопасности с помощью особого консультативного органа — Военно-штабного комитета (ст. 46), состоящего из военных представителей постоянных членов Совета Безопасности. Если возникает вопрос об использовании вооруженных сил, выделенных в распоряжение Совета государством, не представленном в Совете, этому государству Уставом дано право «принять участие» в соответствующем решении Совета.

Необходимо также отметить, что в послевоенной практике, деятельности ООН ряд важных уставных положений, которые относятся, в частности, к военным санкциям, почти не получил своего осуществления и развития. Так, в свое время Соглашения, предусмотренные ст. 43 Устава ООН, не

были заключены ввиду того, что великие державы-члены Совета Безопасности так и не смогли договориться об общих принципах организации вооруженных сил, которые должны были предоставляться в распоряжение Совета Безопасности. Рассматривавший этот вопрос, Военно-штабной комитет оказался фактически бездействующим. Длительное время, десятилетия, вместо активного сотрудничества в осуществлении предусмотренных уставных мероприятий, которые должны были проводиться для того, чтобы Совет Безопасности мог принять военные санкции, имели место фактические нарушения Устава.

Примечательным оказался 1950 г., когда на V сессии Генеральной Ассамблеи ООН была принята резолюция «Единство в пользу мира». Согласно ей Генеральная Ассамблея наделялась правом принимать постановление о применении принудительных мер, включая военные санкции, если Совет Безопасности в результате разногласия постоянных членов оказывается не в состоянии выполнить свои обязанности по поддержанию международного мира и безопасности, тогда как по Уставу ООН Генеральная Ассамблея не только не уполномочена предпринимать какие-либо принудительные меры, но прямо обязана передавать Совету любой вопрос, по которому требуется применение подобных мер (п.2 ст. 11).

При существовавшем тогда соотношении сил Генеральная Ассамблея ООН, основываясь на этой резолюции, незаконно и необоснованно объявила в 1951 г. агрессором Китайскую Народную Республику и вынесла решение о применении в отношении нее экономической блокады.

Как определенные нарушения уставных постановлений, относящихся к принудительным мерам, следует рассматривать и практику заключения промышленно развитыми государствами военно-политических договоров, в которых их участниками предусматривалось применение принудительных мер без санкции Совета Безопасности ООН.

Устав ООН, как отмечалось, допускает применение принудительных мер на основе региональных соглашений, но только под руководством Совета Безопасности или по его уполномочию (п.1 ст. 53). Однако подписанные соглашения и в 1948 г. Устав Организации американских государств, предусматривающие применение принудительных мер, как невоенных, так и военных, содержали положения о необходимости лишь информировать Совет Безопасности ООН о предпринятых или намечаемых мерах. Это означало, что на основе указанных актов принудительные меры следует осуществлять без полномочий Совета Безопасности и без руководства с его стороны, что, естественно, создавало односторонние преимущества для деятельности этой межамериканской Организации и ее органов. Однако в 1960 г., когда Консультативное совещание министров иностранных дел американских государств приняло решение о разрыве дипломатических отношений с Доминиканской Республикой, эта попытка полностью провалилась и, тем самым, был создан прецедент, чтобы эта принудительная мера, предпринятая ОАГ, не избежала контроля со стороны Совета.

Что касается экономических санкций, то они в практике деятельности ООН по решению Совета Безопасности оказывались на деле малоэффективными (например, против белого меньшинства в Южной Родезии в 1966 и 1968 гг.) из-за существовавшего баланса и расстановки сил в мировом сообществе.

Несмотря на эти и другие факты, в целом система принудительных мер и порядок их применения, установленные уставными нормами, соответствовала задачам и целям ООН, касающимся, в первую очередь, поддержания международного мира и безопасности, борьбы с международными преступлениями против человечества.

Определенный научный интерес представляет другой аспект проблемы применения принудительных мер. Поскольку международное право в принципе не регулирует во-

просы внутривполитического положения государств, то вмешательством должны считаться любые меры государств или международных организаций, с помощью которых последние пытаются препятствовать субъекту международного права решать дела, по существу входящие в его внутреннюю компетенцию.

Однако из этого общего правила есть одно исключение, которое касается применения принудительных мер на основании главы VII Устава ООН, т.е. действий, которые могут быть предприняты в случаях угрозы миру или акта агрессии. Отсюда следует вывод о том, что понятие «дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства» не относится к чисто территориальным. Это, в свою очередь, означает, что какие-то события, хотя они и происходили в пределах территории государства, могут рассматриваться как не относящиеся исключительно к внутренней компетенции последнего. Поэтому в случае, когда Совет Безопасности устанавливает факт того, что события, происходящие в пределах территории какого-либо государства, угрожают международному миру и безопасности. Такие события перестают быть внутренним делом данного государства, и действия, в том числе принудительные меры, со стороны ООН в отношении этих событий не могут рассматриваться как вмешательство во внутренние дела государства.

Так или иначе, при изучении вопроса об использовании принудительных мер в международных отношениях важное значение имеют какие-либо официально установленные средства и возможности правовой защиты, которые можно было бы применить в отношении государства-нарушителя, совершившего международное преступление.

Можно отметить и то, что мировое сообщество фактически еще не располагает эффективными и централизованными правовыми механизмами (системами) относительно нарушений международного мира и безопасности в силу, в частности, отсутствия гарантий принятия действен-

ных мер Советом Безопасности. Ввиду этого большинство международных преступлений, как правило, остаются за пределами прямой компетенции Совета. При таких обстоятельствах потерпевшему государству ничего не остается, как рассчитывать на собственные односторонние адекватные (или ответные) действия, но не обязательно при этом вопреки нормам общего международного права, по принципам так называемой взаимной виновности. В этом случае может возникнуть другой вопрос — о правомерности использования таких ответных мер, или создастся положение, при котором фактическое неравенство будет в пользу не потерпевшей стороны, а государства-нарушителя.

Как свидетельствует практика международных отношений, потерпевшие государства, которые произвольно и в одностороннем порядке принимают какие-либо меры, очень часто сами оказываются в положении государства-нарушителя, как бы меняясь местами с государствами. В этом смысле репрессалии или контрмеры становятся как бы прерогативой более «сильных» государств по отношению к «слабым» странам в ситуации, когда последние не способны обеспечить свои права в соответствии с международно-правовыми нормами и принципами.

Однако в некоторых международно-правовых документах современности содержатся конкретные положения, запрещающие использование репрессалий как с применением, так и без применения вооруженной силы. Например, п. «с» ст. II Декларации ООН о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств от 9 декабря 1981 г. указывает на обязанность государств воздерживаться от вооруженной интервенции, подрывной деятельности, военной оккупации или какой-либо иной формы интервенции и вмешательства, явной и скрытой, направленной против другого государства или группы государств, или от любого акта военного, политического или экономического

вмешательства во внутренние дела другого государства, включая акты репрессалий с использованием силы.

В ст. 19 Устава ОАГ¹⁹² предписано, что никакое государство не может применять или способствовать применению принудительных мер экономического или политического характера в целях оказания давления на суверенную волю другого государства, с тем чтобы извлечь из этого какие-либо выгоды.

Конечно, определенный уровень принуждения вполне допустим и оправдан для конкретной ситуации в международных отношениях, однако при условии, что оно не должно выходить за предусмотренные международными законами границы. В любом случае принудительные меры оказываются единственным действенным средством обеспечения соблюдения современных международно-правовых норм в случае их серьезного нарушения или нарушения государством своего международного обязательства или, тем более, совершения международного преступления.

Вместе с тем, и как это было отмечено в ходе деятельности Комиссии ООН международного права, международное право, допускающее в ряде случаев применение принудительных мер, должно воспрепятствовать таким действиям, как так называемая самопомощь, и свести к минимуму масштабы допустимых односторонних инициатив. Кроме того, эта Комиссия отмечала и необходимость отказа государства от концепции самопомощи, поскольку она не имеет никакого правового обоснования и служит лишь расширению спектра самообороны¹⁹³.

Целью регулирования принудительных мер должно быть устранение их так называемого карательного компонента, обеспечения прекращения противоправного действия, поведения, иными словами, принуждение государства-нарушителя вернуться к соблюдению правовых норм и, в конечном счете, подчиниться осуществлению третьей сторо-

ной процедур беспристрастного, объективного урегулирования изначального спора ¹⁹⁴.

Одна из особенностей развития современных международных отношений и международного права заключается в том, что пределы допустимых принудительных мер суживаются в связи с появлением новых возможностей более эффективного использования существующих механизмов и процедур мирного урегулирования межгосударственных конфликтов, споров и трений. Это, в общем-то, характерно для всего того, что сейчас называется Хельсинкским процессом и включает в себя всю совокупность мероприятий или инициатив в рамках ОБСЕ.

Все это и другое позволило в ходе деятельности этой Комиссии выступить с предложением о включении в Проект статей об ответственности государств отдельной статьи, которая определяла бы возможность потерпевшему государству, в случае нарушения своих прав, использовать не только односторонние меры, но также и весь спектр законных правовых средств от реторсии до вмешательства международных органов. Упоминалась также концепция так называемого функционального раздвоения, в соответствии с которой некоторые односторонние действия принимаются определенным государством от имени международного сообщества. В этой связи необходимо определить, в какой степени односторонние действия государств являются допустимыми по нормам международного права, в какой степени осуществление права на подобные действия должно ограничиваться и в какой степени оно должно прямо запрещаться.

Как указано в п. 1 ст. 30 Проекта статей об ответственности государств, противоправность их деяния исключается, если оно является законной мерой и вызвано международно-противоправным действием, совершенным другим государством. Другими словами, речь идет о том, что односторонняя мера, принятая тем или иным государством, будет

противоправной в том случае, если соответствующее государство не сможет указать обстоятельство, лишающее его действия противоправного содержания. Принципиальным вопросом в этом случае является определение того, кто должен нести бремя доказывания при конкретной ситуации. При этом данная статья предусматривает два случая применения ответных мер: а) принятие государством непосредственно и самостоятельно допустимых мер в отношении государства, совершившего против него международно-правовое деяние; б) применение государством мер в отношении государства-нарушителя по поручению или уполномочию компетентной международной организации (органа). В последнем случае говорится о более широком круге применяющих меры - санкции государств, а не только и столько о потерпевшей стороне. Исходя из этого положения рассматриваемого Проекта, применение (хотя бы ограниченной) силы, принуждения в качестве ответной меры является правомерной акцией.

Использование военной силы государства как осуществление его неотъемлемого права на самооборону (индивидуальную или коллективную), если на него совершено военное нападение, является общепризнанным правомерным действием потерпевшей стороны, ответной мерой на такое нападение. Это обусловлено тем, что оно квалифицируется международным правом как тягчайшее преступление против мира и безопасности человечества. Данное обстоятельство, в определенной мере, делает указанное действие очень схожим с санкцией как соответствующей ответной мерой. Хотя некоторые авторы, как, например, Э.И. Скакунов, В.А. Василенко, причисляют самооборону к категории международно-правовых санкций,¹⁹⁶ другие, в частности Г.И. Тункин, считают, что только в случае вооруженного нападения государство может использовать против нападающего государства вооруженную силу. Однако в этом случае речь идет уже не о санкциях, а об использовании права на само-

оборону . Разграничение между самообороной и ответными мерами также было проведено Комиссией международного права ООН.

Примечательно также мнение Н.А. Ушакова, который отмечает, что подтверждение в ст. 51 Устава ООН неотъемлемого права государства на индивидуальную или коллективную самооборону в случае вооруженного нападения на него другого государства преследует исключительно важную цель - указать тот единственный случай, когда государства могут самостоятельно, без решения Совета Безопасности, применять вооруженную силу в качестве меры пресечения такого тягчайшего международно-противоправного деяния, каким является вооруженное нападение на государство, составляющее преступление агрессии.¹⁹⁸

При определении правомерности принудительных мер особое значение имеет элемент соразмерности или пропорциональности: именно этот принцип выступает в качестве критерия их правомерности. Данный принцип содержится в ст. 13 (II части) Проекта статей об ответственности государств, в которой говорится о том, что любая мера, принимаемая потерпевшим государством согласно, ст. 11 и 12, не должна быть соразмерна тяжести международно-противоправного деяния и его последствиям.

В практике нередко имеют место опасные злоупотребления, которые можно объяснить фактическим неравенством государств. По этому поводу нельзя толковать критерий соразмерности столь расширительно, чтобы допускать применение абсолютно неравных средств или использовать его в качестве оправдания получения результатов, неравноценных последствиям противоправного деяния. На это, в частности, было указано в решении франко-американского арбитража по делу *Air Services Agreement*, где подчеркивалось, что цель принудительных мер состоит в том, чтобы «восстановить негативным образом симметрию первоначальной позиции».¹⁹⁹

Вероятно, что поведение потерпевшего государства должно быть соразмерным двум законным целям ответных мер, а именно: прекращению деяния и возмещению, поскольку использование принуждения в большем объеме, чем это необходимо для достижения этих целей, служит ясным указанием на соразмерность репрессалий. По этому поводу Комиссия международного права ООН справедливо отмечала, что до тех пор, пока оценка тяжести международного преступления и его последствий оставлена на субъективное усмотрение потерпевшего государства, будет трудно исключить *Lex talionis*. Подчеркивалось, что посредничество третьей стороны в этом вопросе представляло бы существенный шаг вперед²⁰⁰.

К проблеме соразмерности тесно примыкает вопрос о запрещенных ответных мерах, регламентации которого посвящена ст. 14 Проекта. В ней, в частности, говорится о том, что потерпевшее государство не прибегает в качестве контрмеры:

а) к угрозе силой или ее применению (в нарушение п. 4 ст. 2 Устава ООН);

б) к любому поведению, которое:

1) не соответствует нормам международного права о защите основных прав человека;

2) наносит серьезный ущерб нормальному функционированию двусторонней или многосторонней дипломатии;

3) противоречит императивной норме общего международного права;

4) представляет собой нарушение обязательства по отношению к любому государству, кроме государства, совершившего международно-противоправное деяние.

При этом запрещение, предусмотренное п. «а»-1, включает не только вооруженную силу, но и любые крайние меры политического или экономического принуждения, подвергающие угрозе территориальную целостность или политическую независимость государства, против которого они

принимаются. Следовательно, во всех указанных случаях использование принудительной меры является противоправным.

Заслуживает также внимания вопрос о том, должно ли правомочие реагировать на преступление распространяться и на другие государства, помимо потерпевшего. Этот вопрос интересен, на наш взгляд, тем, что международное преступление, как известно, по своему определению представляет собой нарушение обязательства *erga omnes*, которое ставит под угрозу основные интересы всего мирового сообщества. Поэтому, видимо, не обязательно уравнивать положение так называемых «косвенно потерпевших государств» с положением непосредственно жертвы преступления. Необходимо также отметить, что совершение международного преступления не наделяет другие государства, кроме государства-жертвы, статусом потерпевшего государства для целей использования принудительных мер.

Так называемые «индивидуальные государства», кроме потерпевшего, не обладают правом предпринять удар в ответ на преступление, если только не было коллективного реагирования. В противном случае, как отмечала Комиссия международного права ООН, «концепция преступления превратится в подтверждение существующих силовых отношений, а правомочием реагировать должно обладать в основ-

ном мировое сообщество».²⁰¹

Одна из трудностей заключается в том, что пока не существует международного органа, который был бы прямо уполномочен реагировать на все категории международных преступлений. По этой причине реагирование на преступление, по мнению Комиссии, остается вопросом, который необходимо решать индивидуально государством. Данное положение не является категорическим, поскольку такие императивные нормы современного международного права, как запрещение применения силы, принцип мирного урегулирования международных споров и конфликтов, а также

принцип соразмерности, представляют собой гарантии от различного рода злоупотреблений, нарушений и противоправных действий одних государств по отношению к другим.

Учитывая отсутствие институционного и процедурного механизма, который обладал бы компетенцией и правом реагировать на правонарушения от имени мирового сообщества, в качестве замены коллективного действия допустимо наделение полномочием в соответствующей форме третьих государств, прямо не затрагиваемых мерами по защите интересов мирового сообщества. Кроме права делать представления, которым они уже обладают, третьи страны были бы правомочны принимать принудительные меры, поскольку запрещение применения силы является своего рода гарантией того, что наказание не будет несоразмерно преступлению. Эта идея и ее реализация играют важную роль, в частности, в отношении вопроса об агрессии и геноциде. Так, в отношении агрессии из числа государств, не заинтересованных непосредственно, необходимо выделить те, которые связаны с потерпевшим государством посредством договора (о союзе, взаимопомощи и др.), по которому любое нападение на одну из сторон рассматривается как нападение на другую сторону.

Одна из особенностей заключается в том, что такого рода договор может поставить вопрос о коллективной самообороне, об условиях, форме и содержании соответствующих последствий, при которых он может быть задействован на основании Устава ООН. В то же время он может создать опасность того, что коллективная самооборона перейдет границы допустимого и останется за пределами контроля со стороны мирового сообщества или же превратится в нарушение императивных норм *jus cogens*.

Что касается других государств, не имеющих правовых связей с потерпевшим государством, то они, естественно, не имеют права ссылаться на самооборону и использовать воо-

руженные силы для того, чтобы прийти на помощь жертве. Использование вооруженных сил в такой ситуации должно происходить, по мнению Комиссии международного права, с санкции и под контролем компетентных международных органов и, в первую очередь, Совета Безопасности ООН.

Действия же государства вполне могут совпадать с международными мерами, принимаемыми на основании Ст. VII Устава. Такое совпадение вполне можно истолковать как указание на то, что действия ООН неизбежно затрагивают обязательства государства в отношении международных преступлений.

Относительно геноцида общепризнано, что все государства должны своевременно реагировать на такие преступления, даже если они непосредственно не затронуты этим преступлением. Обращает на себя внимание принцип *action popularis*, согласно которому все государства имеют законный интерес в защите затрагиваемых прав. Особенно характерным в этой связи является дело, представленное в Международный суд ООН Боснией и Герцеговиной (в марте 1993 г.), о применении норм Конвенции о предупреждении преступления апартеида и геноцида и наказании за него 1948 г. Поводом для разработки ее явилась резолюция 96 (I), принятая Генеральной Ассамблеей ООН еще в 1946 г., которая объявила геноцид преступлением, нарушающим международно-правовые нормы и принципы и противоречащим духу и целям ООН.

Учитывая опыт Второй мировой войны и в качестве реакции на военные преступления гитлеризма, выражающиеся в политике и практике преднамеренного уничтожения целых народов, Конвенция 1948 г. дает соответствующую квалификацию действий, составляющих геноцид,²⁰² который представляет собой разновидность международного преступления.

Однако следует делать принципиальное различие относительно фактов преступления по бывшей Югославии, т.е.

между случаем, когда государство применяет насилие против собственного населения, и случаем, когда геноцид совершается не только в отношении своего населения, но также и в отношении населения других государств. При ответе на этот вопрос и следует ли в первом случае другим государствам прибегать к принудительным мерам, не связанным с применением вооруженной силы, или полагаться на коллективные механизмы, можно ответить, что использование определенных принудительных мер (например, эмбарго на поставку оружия) является возможным при контроле со стороны коллективных механизмов на основе норм и принципов действующего современного международного права.

Существенное различие эти вопросы получили в процессе разработки положений проектов статей Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, который был принят на 43-й сессии Комиссией международного права ООН в 1991 г. и ограничивался исключительно уголовной ответственностью индивидов.

Некоторые из преступлений, определенные в Кодексе, а именно - геноцид, исключительно серьезные военные преступления и другие нарушения прав человека, составляющие третью группу, наказуемы, кем бы они ни совершались, и на которые, наряду с национальной юрисдикцией, предусматривается в качестве альтернативной юрисдикция международного уголовного суда в отношении преступлений, указанных, в частности, в Конвенции 1948 г. (для тех государств, которые признают такую юрисдикцию). Вынесение в течение 1997 г. первых приговоров и решений о наказании лиц, совершивших международные преступления, в ходе деятельности международных уголовных трибуналов (по бывшей Югославии и Руанде) свидетельствует об определенных позитивных результатах, достигнутых мировым сообществом в его усилиях по предотвращению актов насилия, геноцида, военных и иных преступлений против мира и безопасности человечества.

РАЗДЕЛ II
ПУТИ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ВОЕННЫХ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ
НА ЦЕНТРАЛЬНОМ КАВКАЗЕ

ГЛАВА IV. ВООРУЖЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ
НА ЦЕНТРАЛЬНОМ КАВКАЗЕ
В КОНЦЕ XX - НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

4.1. Особенности межэтнических вооруженных конфликтов
на Центральном Кавказе

Любой вооруженный конфликт - это зло, беда, которые создают страдания и обычно сопровождаются вооруженным насилием, это действия, выражающиеся в противостоянии сторон и грубо попирающие элементарные, общепризнанные права и свободы человека.

С современных позиций, когда агрессия определена в качестве тягчайшего международного преступления, детальная регламентация поведения сторон в вооруженном конфликте может показаться, на первый взгляд, неоправданной. Однако известно, что в период становления международного гуманитарного права война рассматривалась как одно из законных средств разрешения межгосударственных споров и конфликтов. При этом приоритетными считались идеи гуманизма, приносившие определенные результаты. Например, не вмешиваясь в политику государств-участников вооруженного конфликта, не вникая конкретно в причины их возникновения, данные идеи воплощались в правовых нормах, которые имели целью, в частности, смягчить последствия жестокого противоборства, облегчить страдания жертв таких конфликтов.

Следует учитывать и то обстоятельство, что так называемые отраслевые принципы международного гуманитарного права пока не закреплены в каком-то едином меж-

дународно-правовом акте, как, например, основные принципы современного международного права. Вместе с тем можно утверждать, что они вытекают из анализа всех имеющихся договорных источников, которые применяются в период вооруженных конфликтов.

Когда речь идет о сотрудничестве государств, следует акцентировать внимание не только на вопросы привлечения к ответственности и наказанию любых военных преступников, порождаемых межэтническими или иными вооруженными конфликтами, но и на их предотвращение, укрепление и рост потенциала членов мирового сообщества в этих направлениях.

Предотвращение любых конфликтов - это одна из главных обязанностей суверенных государств, закрепленная, в частности, в Уставе ООН, в других авторитетных международно-правовых документах. Поэтому их взаимодействие, усилия и партнерство должны соответствовать общепризнанным принципам и нормам современного международного права, быть видом целенаправленной деятельности, исключающей военные преступления. Причем для обеспечения наибольшей эффективности превентивные меры необходимо принимать на более ранней стадии межэтнического, конфликтного процесса. Одной из главных целей таких мер может стать, например, ликвидация имеющих глубокие корни социально-экономических, культурных и других структурных или иных причин, которые зачастую и определяют непосредственные политические симптомы межэтнических вооруженных конфликтов.

Как свидетельствует практика международных отношений, непосредственной причиной конфликта может быть не только возникновение общественных беспорядков или протест в связи с каким-либо конкретным инцидентом. Коренная (как правило, внутренняя) причина может заключаться в социально-экономическом неравенстве и неспра-

ведливости, в систематической этнической дискриминации или лишении (ущемлении) прав человека и др.

Определенное негативное значение имело бездействие, имитационная активность международных, региональных и иных организаций, центральных (советских) органов власти, что также можно рассматривать в качестве одной из причин, способствующих возникновению и разжиганию очагов межэтнических вооруженных конфликтов, в частности, на Центральном Кавказе.

Естественно, чем раньше будут выявлены и эффективно устранены первопричины этих конфликтов, тем выше может быть готовность противоборствующих сторон к началу конструктивного диалога, вероятность урегулирования существующих территориальных и иных претензий, лежащих в основе потенциального конфликта, воздержания от применения вооруженной силы для достижения своих целей, а главное - недопущения военных преступлений, которые не должны оставаться безнаказанными, поскольку, наряду с геноцидом и агрессией, являются серьезными преступлениями против человечества.

Обострение межэтнических противоречий (в основном, на социально-политической почве), принявшее в ряде мест постсоветского пространства крайнюю форму вооруженных противоборств различного масштаба и продолжительности было, главным образом, обусловлено распадом Советского Союза.

Следует отметить, что Российская Федерация и сейчас находится на пути поиска оптимальной модели стратегического развития и формирования национальной идеологии, причем одним из ключевых является вопрос о правопреемственности. Столь консервативная постановка вопроса обусловлена необходимостью определения геополитической ситуации современной России в долгосрочной исторической перспективе и, на наш взгляд, может рассматриваться как элемент чисто политтехнологической борьбы.

В ретроспективе реалии советского периода расценивались в качестве специфических черт цивилизации, как бы продолжившей историческую «миссию» Российской империи.

Так или иначе, вывод напрашивается сам по себе: любые вооруженные конфликты, а значит и производные от них военные преступления, легче предотвращать, чем регулировать. Людские издержки таких конфликтов, в том числе межэтнических, состоят не только из видимых и непосредственных фактов (смерть, увечья, разрушения, перемещения и др.), но также и из отдаленных и косвенных последствий как для семей, общин, местных и национальных институтов и экономики противоборствующих сторон, так и для соседних государств. При подсчете этих издержек, как известно, учитываются не только нанесенный ущерб, но и утраченные возможности государств, которые, в конечном счете, сами несут главную международно-правовую ответственность за любые вооруженные конфликты. Важное значение в деле устранения причин (условий) возникновения межэтнического вооруженного конфликта имеют эффективные своевременные меры, принятые на национальном уровне при поддержке или посредничестве соответствующих международных институтов, и способствующие укреплению суверенитета и безопасности государств.

4.2. Армяно-азербайджанский конфликт

Настоящий армяно-азербайджанский вооруженный конфликт - второй в XX веке - берет свое начало с февраля 1988 г., когда на сессии областного Совета НКАО было принято решение о выходе из состава Азербайджанской ССР и присоединении к Армении. Важно подчеркнуть, что в основе противоборства, масштабы которого переросли границы локального противостояния и трансформировались в один из затяжных и кровопролитных вооруженных конфликтов, ле-

жали не конфессиональные и этнические факторы. Его истоки, как представляется, связаны с политикой экспансионизма и территориальной оккупации со стороны Армении, цель которой - банальное расширение своей территории путем вооруженного отторжения и насильственного захвата части территории другой союзной республики - Азербайджана, что сопровождалось фактически попустительством бывшего руководства СССР. Именно благодаря его деструктивной позиции и поддержке были предприняты антиконституционные действия административных структур НКАО, ставшие прологом и причиной широкомасштабных вооруженных акций Армении против Азербайджана.

31 августа 1991 г. Верховный Совет Азербайджана принял Декларацию о восстановлении независимой Республики Азербайджан, существовавшей в 1918-1920 гг. 2 сентября 1991 г. на совместном заседании областного Совета НКАО и районного Совета населенного армянами Шаумя-новского района было провозглашено создание Нагорно-Карабахской Республики. Несколько позже на основании результатов референдума она объявила о своей независимости и выходе из состава Азербайджана²⁰⁵.

С этого момента на территорию Азербайджана стали активно засылаться военные формирования Армении, направлялось большое количество оружия, боеприпасов для создания военного плацдарма и осуществления оккупации территорий Азербайджана. Одновременно совершались террористические акции против азербайджанского населения, поджоги их домов и убийства, подвергались нападению и обстрелу с территории Армении приграничные села и районы Азербайджана.

Разжиганию вооруженного армяно-азербайджанского конфликта способствовали методы имперской политики советского государства: в ночь с 19 на 20 января 1990 г. его войска фактически совершили в Баку массовые военные преступления, когда в результате ввода «горбачевских» воо-

руженных сил было убито и задавлено танками более ста невинных людей разных национальностей и вероисповеданий²⁰⁶. Официально кровавая расправа над мирными жителями Азербайджана была объявлена как борьба с «исламскими фундаменталистами», которые желали захватить власть в республике. Так, в своем обращении к советскому народу М. Горбачев указывал, что в Азербайджане была предпринята попытка установить исламский строй, и лично санкционировал вооруженную акцию войск в Баку, которая привела к кровавой развязке с большим числом человеческих жертв²⁰⁷.

Лозунг присоединения Нагорного Карабаха к Армении пользовался широкой поддержкой населения страны, хотя руководство самой Армении в разгар вооруженного конфликта отказалось (по-видимому, из тактических соображений) от планов присоединения Карабаха и выступило за предоставление его народу права самостоятельно решать свою судьбу.

Факты свидетельствуют о том, что полномасштабные военные действия в зоне армяно-азербайджанского конфликта начали разворачиваться с конца 1991 г., когда вооруженные формирования Армении осуществляли боевые действия по всей границе между Республикой Арменией и Азербайджанской Республикой и в нагорно-карабахском регионе с использованием самых современных систем оружия. Решающую военную поддержку вооруженным силам Армении оказывал 366-й мотострелковый полк российской армии, с помощью которого была проведена оккупация ряда азербайджанских населенных пунктов. В феврале 1992 г. был захвачен г. Ходжалы, в котором зверски было уничтожено большое количество мирного населения. В мае того же года вооруженные силы Республики Армения оккупировали Шушинский район, в результате чего десятки тысяч азербайджанцев были изгнаны из своих мест постоянного проживания. Тем самым, этническая чистка в Нагорном Караба-

хе была завершена. В период с мая 1992 г. по октябрь 1993 г. были оккупированы еще семь районов Азербайджана - Ла-чинский, Кяльбаджарский, Агдамский, Физулинский, Гу-батлинский, Джебраильский и Зангеланский, из которых было изгнано все азербайджанское население.

Таким образом, налицо грубое нарушение со стороны Армении общепризнанных международно-правовых норм и принципов, закрепленных в ряде авторитетных, универсальных документов современности, в которых содержатся четкие предписания и требования каждому государству воздерживаться от любых действий, направленных на раскол национального единства и территориальной целостности другого государства. И, естественно, противоправна сама по себе ситуация, когда территория становится объектом военной оккупации, явившейся результатом применения силы в нарушение положений Устава ООН.

В соответствии с этими же положениями одним из важнейших вопросов для обсуждения всеми членами ООН является вопрос о путях и способах укрепления роли Генеральной Ассамблеи в предотвращении вооруженных конфликтов при одновременной активизации Советом Безопасности своей деятельности в этой области. Поэтому Уставом ООН предписано, чтобы Совет Безопасности, главным образом, занимался потенциальными конфликтными ситуациями в странах, не являющихся членами этого Совета. Тем не менее, государства-члены Генеральной Ассамблеи должны иметь возможность чаще высказывать в Совете Безопасности свои мнения по вопросам предотвращения вооруженных конфликтов.

Несмотря на повышение уровня транспарентности Совета Безопасности ООН и совершенствование методов его работы за последние годы, реалии современных межгосударственных отношений (в т.ч. и в регионе Центрального Кавказа) свидетельствуют о том, что он обычно вмешивается в кризисные и чрезвычайные ситуации лишь в тех случа-

ях, когда насилие приобретает массовый характер. В этой связи, на наш взгляд, достаточно правомерными выглядят усилия мирового сообщества по нахождению путей и способов облегчения использования Советом Безопасности возможностей для превентивных мер. К таким путям и способам можно отнести, например, предоставление Генеральному секретарю ООН докладов по спорам, угрожающим международному миру и безопасности, включая раннее предупреждение и предложения по превентивным мерам. В большинстве случаев такие доклады касались бы региональных аспектов конфликтов или трансграничных вопросов (потоки незаконного оружия, проблемы беженцев, наемников и др.), представляющих потенциальную угрозу миру и безопасности того или иного региона.

Другим важным путем или способом являются миссии Совета Безопасности ООН по установлению фактов, касающихся вооруженных конфликтов, которые могут привести к существенным превентивным результатам. Такая практика берет свое начало с момента осуществления резолюции Совета Безопасности 1244 (1999 г.) по Косово. Это позволяло в рамках его миссий по установлению названных фактов рассмотреть также вопрос об использовании и отправке в потенциально конфликтные районы экспертов с тем, чтобы включить в процесс разработки всесторонней превентивной стратегии все необходимые положения.

Таким образом, речь идет о возможности создания новых механизмов для обсуждения вопросов предотвращения вооруженных конфликтов в виде неофициальной рабочей группы или вспомогательного органа или иного неофициального технического механизма на более постоянной основе, что способствовало бы расследованию любого спора или любой ситуации, способной привести к серьезным международным трениям или вызвать вооруженный конфликт.

Мирное урегулирование армяно-азербайджанского конфликта играет одну из ключевых ролей в межгосударст-

венных отношениях на Центральном Кавказе. Однако нельзя не учитывать то обстоятельство, что «в иерархии исторических ценностей и национальных святынь азербайджанского народа Карабаху - не отдельной его части, нагорной или равнинной, а Карабаху в целом как единому историко-культурному, геоэкономическому, природно-хозяйственному региону всегда принадлежало и принадлежит поныне приоритетное место. Ибо Карабах - один из важнейших исторических очагов этногенеза азербайджанского народа, политической истории Азербайджана; с Карабахом, наряду с другими пластами истории связывались исторические корни национальной государственности, сбережения, упрочения этнической идентичности азербайджанцев» .

Поэтому неслучайным является мнение о необходимости решения неотложных задач, составляющих основные положения национальной политики современного Азербайджана, таких как создание правовой базы для урегулирования национальных и межэтнических отношений; достижение национального и межэтнического согласия и мира; утверждение принципа равноправия всех граждан страны; выработка государственных мер раннего предупреждения межэтнических конфликтов и др.

Реальность, однако, такова, что сегодняшний Карабах - это ничем неспровоцированная агрессия, это - война, невинные жертвы по обе стороны конфликта, инициированного соседней Арменией, это - страдания почти миллиона беженцев, лишенных крова, своих очагов, их растоптанные гражданские и другие общепризнанные права и свободы, это - оккупация огромных территорий, цинично предназначенных для политического торга. «Очевидно и то, что солидарный отпор подобным конфликтам продиктован интересами международной безопасности, как и национальными интересами соответствующих народов и государств».²¹¹

На наш взгляд, очевидно и другое: эти проблемы являются общими не только для центральнокавказских госу-

дарств, но в целом для стран СНГ. В нашем взаимозависимом мире именно совместные усилия и солидарные действия всех заинтересованных сил и сторон способны избавить народы нашего региона от бесконечной неопределенности решения этого конфликта. И, кстати, роль России весьма высока не только в данном процессе, но и в том, что она призвана, прежде всего в собственных интересах, мирными средствами содействовать избавлению всех народов кавказского региона от бедствий вооруженных конфликтов. Конечно, многое зависит и от последовательного проведения Россией в жизнь курса на обеспечение как собственной территориальной целостности, так и территориальной целостности всех постсоветских стран, в сочетании с уважением прав и свобод национальных меньшинств, где бы они ни проживали.²¹²

Безусловно, позитивным фактором в решении этих судьбоносных проблем является достигнутое при активном посредничестве Российской Федерации азербайджано-армянское соглашение о прекращении огня. Оно вступило в силу 12 мая 1994 г., в целом соблюдается и остановило (пока!) оккупацию новых территорий Азербайджанской Республики.

Что касается солидарных действий и совместных усилий, то они в виде международного посредничества по урегулированию нагорно-карабахского конфликта, берут свое начало еще с февраля 1992 г. в рамках так называемого Минского процесса ОБСЕ, который является почти единственным форумом по выработке всеобъемлющей модели его урегулирования.

Несмотря на усилия Совета Безопасности ООН по оказанию миротворческой поддержки ОБСЕ, пока не удастся провести полноценные, широкоформатные переговоры в целях заключения политического соглашения о прекращении вооруженного нагорно-карабахского конфликта, или созвать Минскую мирную конференцию или развернуть в данном

регионе многонациональные силы ОБСЕ по поддержанию мира и др. Реальное осуществление этих мероприятий возможно только при соблюдении таких фундаментальных начал современного международного права, как уважение государственного суверенитета, территориальная целостность конфликтующих сторон, а также поддержка разработанного еще Минской группой графика неотложных мер по выполнению упомянутых резолюций Совета Безопасности ООН. В этой связи нельзя не отметить широко известную резолюцию ПАСЕ (№ 1416 от 25 января 2005 г.) «Конфликт в Нагорно-Карабахском регионе, урегулированием которого занимается Минская конференция ОБСЕ».

Примечательна и инициатива бывшего Генерального секретаря ООН Бутроса Гали, оказать в случае необходимости содействие возглавляемому ОБСЕ политическому процессу, целью которого является достижение всеобъемлющего урегулирования конфликта²¹⁴.

Основными вехами в переговорном процессе стали: Хельсинкская дополнительная встреча Совета ОБСЕ (24 марта 1992 г.), Будапештский, Лиссабонский и другие саммиты. Так, в соответствии с решением Будапештского саммита (1994 г.) был создан институт Сопредседателей Минской конференции, на который, в частности, была возложена обязанность оперативно провести переговоры в целях заключения политического Соглашения о прекращении вооруженного конфликта (Большое политическое соглашение), реализация которого должна была устранить основные последствия вооруженного конфликта для *всех* сторон и позволила бы созвать Минскую конференцию.²¹⁵

На Лиссабонском саммите (1996 г.) в заявлении действующего Председателя ОБСЕ были сформулированы три принципа урегулирования армяно-азербайджанского вооруженного конфликта: 1) территориальная целостность Республики Армения и Азербайджанской Республики; 2) правовой статус Нагорного Карабаха, определенный в соглаше-

нии и основанный на самоопределении, предоставляющем Нагорному Карабаху наивысшую степень самоуправления в составе Азербайджана, 3) гарантированная безопасность Нагорного Карабаха и всего его населения, включая взаимные обязательства по обеспечению соблюдения всеми сторонами положений об урегулировании.²¹⁶

4.3. Конфликт в Абхазии

По всем признакам складывающаяся ныне ситуация в Грузии такова, что абхазская проблема должна рассматриваться как самая главная, ключевая, имеющая исключительно важное значение для территориальной целостности и государственности Грузии. Как представляется, форма решения этой проблемы может оказаться определяющей и при урегулировании, к примеру, конфликта в Южной Осетии, а также потому, что последняя, согласно неоднократным заявлениям ее руководителей, рассчитывает иметь правовой статус не ниже, чем статус Абхазии.

По мнению Т.В. Надареишвили, «война в Абхазии -заранее спланированный заговор против Грузии, ... военно-политический конфликт между Россией и Грузией, вызванный только лишь новым перераспределением сфер влияния. В этом процессе четко определились национальные интересы России, Америки и Турции в отношении Грузии»²¹⁷.

Противостояние в Абхазии по праву считается одним из наиболее кровопролитных вооруженных конфликтов на территории постсоветского Кавказа. Процесс урегулирования грузино-абхазских отношений до сегодняшнего времени не претерпел серьезных позитивных изменений. И это несмотря на то, что с момента действия режима прекращения огня самими конфликтующими сторонами, а также представителями ООН, ОБСЕ и Российской Федерации, принимавших участие в переговорах в качестве посредников, был предпринят ряд усилий в данном направлении.

Справедливости ради, следует подчеркнуть, что упомянутые высокие стороны достаточно активно пытаются воздействовать на процесс урегулирования конфликта в Абхазии, о чем свидетельствует ряд принятых за последнее десятилетие международно-правовых документов, в том числе резолюции Совета Безопасности ООН, Соглашение о прекращении огня в Абхазии и механизме контроля за его соблюдением, многочисленные коммюнике, заявления, декларации, протоколы и др. Так, по Соглашению (1993 г.) предусматривались соответствующие эффективные меры, которые были связаны с прекращением огня в Абхазии, неприменением силы друг против друга в зоне конфликта, запрещением боевого применения авиации, артиллерии, плавучих средств, любой военной техники и оружия и др.²¹⁸

Согласно п. 2 резолюции Совета Безопасности ООН (№ 858, 1993 г.), в которой подчеркивались недопустимость продолжения абхазо-грузинского вооруженного конфликта, создание им угрозы миру и стабильности в регионе, а также обязательства по выводу вооруженных сил из Абхазии, было принято решение об учреждении миссии ООН по наблюдению (МООННГ), мандат которой постоянно продлевается. Такие меры были направлены на установление существенного прогресса в осуществлении действий, способствующих укреплению и нормализации грузино-абхазских отношений.

Среди других резолюций Совета Безопасности ООН последних лет, касающихся возможностей международно-правового урегулирования конфликта в Абхазии, следует выделить резолюцию № 1364 (2001 г.)²¹⁹. Примечательно, что в ней содержится соответствующая ссылка и на другие важные международно-правовые акты современности, такие как выводы Лиссабонской встречи (S/1997, приложение), Стамбульское заявление грузинской и абхазской сторон по выработке мер доверия (1998)²²⁰, а также положения Декларации о соблюдении суверенитета, территориальной целост-

ности и неприкосновенности границ государств-участников Содружества Независимых Государств (1993)²²¹.

В этой резолюции не только выражалось сожаление по поводу ухудшения ситуации в зоне конфликта из-за продолжающегося здесь насилия, роста преступности и деятельности незаконных вооруженных групп, представляющих угрозу мирному процессу (п. 2), но и содержался призыв к сторонам (в частности, к абхазской), в рамках осуществляемого под эгидой ООН мирного процесса (п. 7) незамедлительно предпринять усилия для выхода из тупика и начать переговоры по ключевым политическим вопросам конфликта и всем другим нерешенным вопросам.

На достижение указанных целей было направлено и известное постановление парламента Грузии от 17 апреля 1996 г., в котором была дана объективная оценка сложившейся ситуации. В нем указано, что «Абхазия превратилась в территорию неконтролируемого произвола и насилия террористов, торговцев оружием и наркотиками, прочих организованных преступников; в территорию, грозящую распространением бедствий не только на всю Грузию, но и сопредельные с нею регионы».

В ст. 1 было зафиксировано: «Разделяя решения Верховного Совета Абхазской автономной Республики от 19 июля и 22 ноября 1995 г., 8 марта 1996 г., на основании материалов, представленных Прокуратурой Грузии и Верховным Советом Абхазской АР, расценить развивающиеся и происходящие ныне события в Абхазии как агрессивные действия сепаратистов при помощи и соучастии антидемократических, реакционных сил России и иных сил извне, направленные против государственности и территориальной целостности Грузии, результатом чего явились нарушения страны, оккупация неотъемлемой части Грузии - Абхазии, формирование преступного режима, этническая чистка и геноцид грузин, изгнание из Абхазии представителей других народов, в том числе большей части абхазов».

Вполне актуальным выглядит и указание, содержащееся в п. 3 постановления: «Министерству иностранных дел Грузии представить Организации Объединённых Наций документы в подтверждение совершённых в Абхазии сепаратистами преступлений против человечности, геноцида, этнической чистки, военных преступлений и терроризма...».

Анализ этих и других аналогичных международно-правовых документов современного периода, которые касаются предотвращения как вооруженных конфликтов, так и военных преступлений, где бы они не происходили, свидетельствует об активности ООН, об ее основном предназначении - «избавить грядущие поколения от бедствий войны», а также напоминает государствам-членам ООН, как это изложено в п.1 ст.1 ее Устава, «обязанность принимать эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру». Эти и другие императивные положения и нормы, без преувеличения, предоставляют ООН безусловный мандат для предотвращения любых международных (а тем более вооруженных) конфликтов, военных и других серьезных преступлений против человечества.

Наряду с этим такой мандат, на наш взгляд, определяет некоторые элементы так называемой международно-правовой философии, которые, возможно, лежат в основе системы всеобщей, коллективной (или региональной) безопасности. Во-первых, предотвращение вооруженных конфликтов, военных и других серьезных преступлений должно рассматриваться как более целесообразная и эффективная - в первую очередь в финансово-экономическом отношении - стратегия обеспечения прочного мира и безопасности, чем, к примеру, попытки остановить их или частично снять их симптомы (мотивы, причины). Во-вторых, по-прежнему остается актуальным один из международно-правовых постулатов - аксиома, что международные вооруженные конфликты легче предотвратить, не допустить, используя, как это зафиксировано в п. 3 ст. 2 Устава ООН, «мирные средст-

ва таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир и безопасность и справедливость». Значительно сложнее и опаснее, если ситуация выходит из-под контроля или наступают трагические последствия с огромным количеством человеческих жертв.

Иными словами, как представляется, проблема предотвращения и недопустимости любых международных вооруженных конфликтов, военных преступлений не может иметь сиюминутный, конъюнктурный или иной характер, а должна рассматриваться как возможность их эффективного устранения на постоянной и долговременной основе, что вытекает из нового понимания концепции мира и безопасности в современных исторических условиях.

Следует особо отметить, что большое значение для природы устойчивого мира и развития имеют такие определяющие элементы, как социально-экономические аспекты, демократизация общества, соблюдение законности, уважение основных прав и свобод человека и другие важные составляющие, которые могут дополнять традиционную концепцию всеобщей и региональной безопасности. А это, в свою очередь, означает, что в наступившем XXI веке такая безопасность должна подразумевать, в частности, что все государства-члены мирового сообщества обязаны эффективно, в духе требований и стандартов современного международного права соблюдать принятые на себя обязательства и нести международно-правовую ответственность, в том числе за развязывание вооруженных конфликтов, совершение военных и иных серьезных преступлений против человечества, на которые, кстати, не распространяются какие-либо сроки давности. Важно также осуществлять соответствующие предупреждающие действия, включая коллективные, на их наиболее раннем этапе, до того как возникает угроза конфликта и насилия.

Можно также отметить, что подобный подход согласуется и с другими нормами и требованиями Устава ООН,

содержащимися, например, в его ст.55, в которой, как известно, указано, что решение международных проблем, международное сотрудничество, всеобщее уважение прав человека являются важными элементами для «создания условий стабильности и благополучия, необходимых для мирных и дружеских отношений между нациями». Это лишний раз доказывает наличие другой международно-правовой аксиомы: Устав ООН изначально заложил здравую и необходимую основу как для всестороннего, так и долгосрочного подхода к предотвращению любых международных вооруженных конфликтов, военных и других преступлений против человечества, исходя из более широкой концепции международного мира и безопасности²²².

Несмотря на то, что в современный период агрессивная война запрещена международным правом, национальные и социальные причины войн, преступлений против мира, безопасности и человечества продолжают существовать. Свидетельством тому - различного рода вооруженные конфликты, возникшие после принятия Устава ООН. Факты подобных нарушений были вскрыты еще на Нюрнбергском и Токийском процессах, на которых были установлены чудовищные факты глумления над человеческой личностью, грубейшие нарушения прав гражданского населения, раненых, больных и военнопленных .

Прискорбно, что эти права неоднократно нарушались (и продолжают нарушаться) в локальных конфликтах и войнах и после Второй мировой войны. В данной связи уже давно поставлен вопрос о возможности посредством норм и принципов международного права уменьшить причиняемые войной бедствия и страдания людей, на который должен быть дан положительный ответ. Основным мотивом для такого ответа является то обстоятельство, что в современный период в международном праве сложилась группа норм и стандартов, объектом регулирования которых, в первую очередь, являются отношения между воюющим государст-

вом и гражданами другого воюющего государства. Подобная специфика объекта правового регулирования позволяет выделить в качестве отрасли современного международного права группу норм и принципов, составляющих международное гуманитарное право, объективной основой которого, наряду с прочим, является вооруженный межгосударственный конфликт и взаимные обязательства относительно регулирования положения определенных лиц в этом конфликте. В качестве одной из фундаментальных основ современного международного гуманитарного права следует рассматривать положения, касающиеся международно-правового принципа уважения основных прав и свобод человека, защиты его чести и достоинства.

Каким бы ни был вооруженный конфликт, он должен протекать в рамках норм и предписаний международного права, а не произвольных действий воюющих сторон. Развитие международного права и формирование международного гуманитарного права привело к закреплению в нем ряда принципиальных положений и стандартов. Например, в случаях, не предусмотренных международными конвенциями, население и участвующие в конфликте государства пользуются общепризнанными нормами международного права в виде международно-правовых обычаев, а также требований человечности и общественного сознания. Или: применение норм гуманитарного права не затрагивает правового статуса сторон, находящихся в конфликте, а это означает, что эти нормы применяются в вооруженном конфликте сторон независимо от того, находятся они юридически в состоянии войны или нет.

Таким образом, прослеживается основная задача международного гуманитарного права - реализация принципов и положений, касающихся гуманности и ограничения последствий вооруженных конфликтов.

Среди различных международно-правовых актов современности, касающихся проблем урегулирования воору-

женных конфликтов в пределах СНГ, в том числе в Абхазии, обращают на себя внимание положения упомянутой выше Декларации (1993 г.), в преамбуле которой специально зафиксирована важность укрепления мира и безопасности на территориях государств-участников Содружества в контексте общеевропейской и международной безопасности, соблюдения суверенитета, территориальной целостности государств-членов СНГ, а также закреплено положение об отказе от противоправных территориальных приобретений и любых действий, направленных на расчленение чужой территории, осуждено применение силы или угрозы силой. В ней заявлено, что государства-члены СНГ «обеспечивают выполнение в своих взаимоотношениях принципов суверенитета, территориальной целостности и нерушимости государственных границ» (ст. 1) и, строя свои отношения как дружественные, будут воздерживаться от военной, политической, экономической и любой другой формы давления для поддержки и использования сепаратизма против территориальной целостности и неприкосновенности, а также политической независимости какого-либо из государств-участников Содружества.

Что касается конфликта в Абхазии, то, по мнению грузинского руководства, речь идет о серьезных фактах политики этнической чистки - геноцида, проводившегося на территории Абхазии сепаратистскими силами против грузинского населения Абхазии. Как отмечалось ранее, на международных конференциях, проводимых под эгидой ОБСЕ (в Будапеште в 1994 г. и Лиссабоне в 1996 г.), эти факты были признаны и осуждены, результатом чего стало массовое уничтожение и изгнание коренного населения Абхазии. Данные события, а также нарушение территориальной целостности Грузии были признаны и на встрече глав государств СНГ (например, в 1998 г.). Примечательно и то, что насильственное изменение в результате вооруженного конфликта демографического баланса на территории Абхазии было за-

фиксировано на заседаниях Европейского парламента и Совета Безопасности ООН и отражено во многих принятых ими резолюциях.

Объективности ради, следует отметить, что грузинское руководство постоянно прилагает усилия к тому, чтобы мирными средствами решить этот конфликт, предлагая Абхазии оптимальную форму государственного устройства, которая может быть совместима с международно-правовыми нормами. Очевидно, что путь мирного урегулирования и решения данной проблемы пройден не до конца и требует, как и в других прецедентах, последовательной настойчивости и терпения.

Определенное позитивное значение в урегулировании международных вооруженных конфликтов имеет деятельность различных видных специалистов или представителей крупных международных организаций, в первую очередь ООН, или групп так называемых друзей Генерального Секретаря ООН. Небезынтересен в этом отношении «проект Д. Бодена» (бывшего специального представителя Генерального Секретаря ООН в Грузии) - «Основные принципы разграничения полномочий между Грузией и Абхазией». В нем, в частности, отмечается, что Грузия является суверенным государством, основанным на нормах права. Границы государства Грузия, утвержденные 21 декабря 1991 г., не могут быть изменены, кроме как в соответствии с Конституцией Грузии. Абхазия же является суверенным образованием внутри государства Грузия, основанным также на нормах права. Абхазия обладает особым статусом внутри государства Грузия, который базируется на Федеральном соглашении, реально обеспечивает широкие полномочия, определяет пределы общих компетенций и делегированных полномочий а также гарантирует права и интересы многонационального населения Абхазии. И далее: «Распределение компетенций между Грузией и Абхазией должно осуществляться на основе Декларации по мерам политического урегулирования

конфликта в Абхазии (от 4 апреля 1994 г.); права и компетенция Абхазии должны быть признаны в большем объеме, чем те, которыми она пользовалась до 1992 г.».

При всей привлекательности и незыблемости положений данного плана на поверхность урегулирования конфликта в Абхазии периодически всплывали различные дипломатические интриги и так называемые «международно-правовые метаморфозы», которые делали ситуацию, мягко говоря, малопонятной и двигали процесс урегулирования в обратном направлении. Здесь в немалой степени проблема связана как с внутренними, так и с внешними факторами²²⁶, к примеру, происшедшими за последний год изменениями в руководстве конфликтующих сторон, изменениями дипломатической ориентации внутри страны, а также сил, пытающихся воздействовать на решение проблемы, естественно, через призму своих интересов²²⁷ и т.д.

Так, после поражения Грузии и бегства из Абхазии местных грузин политические позиции абхазского руководства стали весьма определенными, поскольку подавляющее большинство всего полиэтнического населения последовательно поддерживало его курс на независимость²²⁸ от Грузии и четкую ориентацию на Россию. Официальная же позиция последней по отношению к этому конфликту неоднократно была выражена в виде категорического признания территориальной целостности Грузии (в границах бывшей союзной республики), внутри которой Абхазии должны быть предоставлены широкие политические права. Кстати, именно на этой основе базировалось посредничество России, в том числе при участии ее миротворческих вооруженных сил.

За последнее десятилетие российское руководство, которое фактически уже не рассматривало Грузию в качестве своего стратегического партнера на Кавказе, выстраивало систему обеспечения своих геополитических целей в соответствии с собственными национальными интересами, т.е. на основе узкогосударственных приоритетов.

Неудивительно, что оправданию такой позиции и подходов за последние годы посвящены отдельные псевдонаучные исследования некоторых российских авторов, например Пряхина В.Ф. , в которых якобы прослеживается специфика и общие черты в генезисе межэтнических противоречий после распада СССР, включая конфликты в Абхазии, Нагорном Карабахе и некоторые другие. Особенно «впечатляют» манипуляции историческими фактами, юридическими понятиями и аргументами, содержащиеся в труде некоего Вианора Тужба, кстати, опубликовавшего под эгидой Российской академии государственной службы при Президенте РФ статью под вполне научным названием - «Правовые аспекты грузино-абхазского конфликта»²³⁰. Основательно перевернув содержание исторических данных и документов, автор приводит, по-существу, взаимно неприемлемые и несовместимые положения: с одной стороны, подчёркивается важность соблюдения территориальной целостности государства, т.е. Грузии, с другой - возможность реализации права Абхазии на самоопределение.

Спекулятивные рассуждения по поводу фундаментальных основ современного международного права и, тем паче относительно реализации Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам (от 20 декабря 1965 г.), мягко говоря, несостоятельны и не уместны, поскольку ни абхазский, ни армянский, ни осетинский, ни какой-либо другой народ или национальность бывшего Советского Союза, при даже больших натяжках, не обладали и не могли обладать статусом колониального.

Получается, что речь идет о саморазоблачении не существовавшей в недалеком прошлом российской имперской политики на советском пространстве. Такой политико-правовой «бумеранг» вряд ли кому понравится... Ведь никому в голову не приходит мысль о том, что, по логике упомянутого автора, пусть теперь российский народ тоже реализует свое право на самоопределение. Чистейший абсурд,

международно-правовой нонсенс. Конечно, удобно прикрыться и лозунгом о том, что Российская Федерация - правопреемница Советского Союза, т.е. как бы «своя рубашка -ближе к телу», «после нас - хоть потоп», и т.д.

Здесь, для любителей словесной эквилибристики, образно говоря, «собака зарыта» в другом. С одной стороны - тревога за неразрешённость конфликта в Абхазии, наносящего ущерб его народам, действительно отрицательно сказывающаяся на стабильности всего Кавказа, с другой, - и это очень понятно, озабоченность Российской Федерации за спокойствие на своих южных рубежах. Это, скорее всего -самое важное обстоятельство - интересы собственного благополучия, тем более, что к любым конфликтам на постсоветском пространстве, тем более к центрально-кавказского региона, всё более растущий интерес проявляют вездесущие янки...

Примечательно, что, наряду с Арменией и Ираном, в эту российскую систему постепенно стали втягиваться и такие псевдо (или квази) субъекты, которые не имеют международно-правового статуса признанных, независимых государств (Абхазия, Южная Осетия и Нагорный Карабах).

Как видно, отчетливо просматривается существенная попытка превратить эти псевдогосударственные образования в «звенья стабильности» и элементы политического равновесия в угоду стратегическим интересам Российской Федерации. Однако, по мнению некоторых западных специалистов-политологов, «проблемы современных кавказских государств, в первую очередь Грузии, связаны с российской политикой, которая все еще страдает «фантомными болями» и не в силах забыть, что когда-то контролировала эти земли»²³¹. Такие оценки не случайны, поскольку подавляющее большинство современных государств мирового сообщества закономерно поддерживают Грузию в вопросах ее территориальной целостности и однозначно стоят на грузинской стороне по поводу конфликта в Абхазии.

Грузия как независимый, суверенный субъект современного международного права, без какого-либо вмешательства извне, сама решает и выбирает не только пути собственного развития, но и определяет эффективные и наиболее целесообразные основы своих внутрисударственных отношений, в том числе с Абхазией, даже в ситуации, когда интересы противостоящих сторон далеки от совпадения.

Один из последних фактов обострения российско-грузинских противоречий связан с принятием Президентом Грузии в августе 2004 г. решения отдать приказ военно-морским силам о недопущении в территориальные воды страны у берегов Абхазии любых судов, кроме выполняющих гуманитарную миссию, согласованную с грузинскими властями, которые считают, что запрещение судоходства в закрытой зоне у абхазских берегов не противоречит соглашениям об урегулировании конфликта в Абхазии²³².

Следует отметить, что российская дипломатия достаточно резко отреагировала на данное решение: «Угрозы -негодный метод. Он свидетельствует о том, что в Грузии демонстрируют неспособность к решению стоящих перед страной проблем, в том числе связанных с этническими конфликтами, и, видимо, не хотят и не готовы к мирному диалогу с целью их урегулирования».

Однако в самой Грузии высказываются иные точки зрения как по поводу необъективных оценок российской стороны о возможностях урегулирования локальных конфликтов, так и о необходимости сотрудничать с международными органами правосудия. Небезынтересны в этом плане высказывания председателя грузинского движения «Мы -сами» П. Давитая, считающего важным и принципиальным вопрос о сотрудничестве с Гаагским международным уголовным судом, для которого оформлены факты военных преступлений и геноцида в отношении грузинского населения в Абхазии²³⁴. Другим важным вопросом, по его мнению, справедливо считается борьба против армянского сепара-

тизма: «...необходимо объединение сил на международной арене против этого явления... Если бы Азербайджан и Грузия выступали вместе с одних позиций против сепаратизма, очень многие вопросы были бы решены. И Армения не чувствовала бы себя так вольно ни в Карабахе, ни в Самцхе Джвахети»²³⁵.

Что же касается военных преступлений и геноцида, материалы и документы о которых представлены грузинской стороной в Гаагский МУС²³⁶, то, судя по данным упомянутых источников, квалифицирующие признаки и составы этих деяний достаточно убедительны, а также свидетельствуют об их безусловной противоправности. Вместе с тем, приведённые факты, по своему жестокому характеру и бесчеловечному содержанию, идут вразрез с положениями широко-признанных Женевских конвенций, лежащих в основе международного гуманитарного права, и Римского Статута МУС, юрисдикция которого охватывает данные разновидности международных преступлений, и на которые не распространяются сроки давности в отношении лиц, в них виновных.

Реальные факты насилия, пыток, оскорблений и унижений человеческого достоинства, убийств мирного грузинского населения Абхазии, другие незаконные и террористические действия, а также оккупация территории ряда районов (Гульрипшского, Очамчирского и Гальского) требуют единственного возмездия - чтобы виновные за это были бы привлечены к ответственности и понесли суровое наказание, как это предусмотрено нормами современного международного права, вообще, и нормами международного уголовного права, в частности.

К сожалению, сбываются опасения и о неспадающем накале геополитического противостояния России с Западом на Центральном Кавказе и, в частности, по вопросу о роли Грузии как транзитной страны в транспортировке энергетических ресурсов²³⁷, что, в свою очередь, оказывает сдержи-

вающее воздействие на урегулирование локальных конфликтов в регионе (в Нагорном Карабахе, Абхазии и Южной Осетии). В сложившейся ситуации представляется целесообразным поддержание Россией курса на восстановление и сохранение территориальной целостности Грузии как дружественной страны.

4.4. Конфликт в Южной Осетии

Пик современного противостояния в Южной Осетии, как и в других аналогичных ситуациях, совпал с моментом распада СССР, обнажив неразрешенность многих проблем национально-территориального размежевания, высветив питательную почву для местного национализма. Тем самым, вновь подтвердилась репутация Центрального Кавказа как региона вооруженных конфликтов, которые способны перерасти из региональных в глобальные.

Южно-Осетинская республика, входящая в состав Грузии и расположенная на юге Кавказского хребта, хотя и самовольно отделилась, однако до сих пор, что вполне закономерно, не получила международно-правового признания со стороны государств мирового сообщества.

Осетины, традиционно проживающие по обе стороны Кавказского хребта (вдоль Дарьяльского перевала), живут, в основном, в Северной Осетии (более 300 тыс.), входящей, как известно, в состав Российской Федерации, и в Южной Осетии, где их насчитывается более 65 тыс. человек. Это, главным образом, связано с событиями политического и экономического характера советского периода развития, которые способствовали изменению демографической ситуации в обеих Осетиях.

Политическая судьба Южной Осетии после 1917 г. оказалась достаточно драматической, а в современный период - даже трагической, однако это не связано с тем, что на территории Центрального Кавказа осетины всегда жили в

окружении грузинского большинства. Факт провозглашения советской власти в Южной Осетии (июнь 1920 г.) практически и совершенно отчетливо определил ее пророссийскую общественно-политическую ориентацию. Естественно, что такой расклад (ни в те годы, ни в последующие периоды) не устраивал Грузию, всегда стремившуюся к государственной независимости. Для ликвидации угрозы отторжения Южной Осетии Грузия предприняла в июне 1920 г. действенные меры по недопущению какого-либо государственного образования южных осетин²³⁹. Советская власть в Южной Осетии была установлена в марте 1921 г., а в апреле 1922 г. в составе Советской Грузии была образована Юго-Осетинская автономная область. Следует также акцентировать внимание на характерном для того периода факте расселения осетин не только на территории собственно Южной Осетии - в исторической Двалетии, но также и далеко за ее пределами.

Таким образом, история развития Южной Осетии показала, что она не стала такой экономически развитой автономией, как Северная. Это объясняется, главным образом, тем, что обе эти автономии, как известно, входили в состав различных союзных республик - соответственно Грузии и России.

Классифицируя современные конфликты на постсоветском пространстве на «вялотекущие» и «быстротекущие» и относя, в частности, этнический конфликт в Южной Осетии к последней категории, некоторые авторы считают, что в настоящее время для этого конфликта наступил период мирного разрешения проблемы²⁴⁰.

Не вдаваясь в исторические подробности, от себя отметим, что, как и для рассмотренных конфликтов в Нагорном Карабахе, Абхазии и других, важным и принципиальным является не только наличие доброй воли, предложения убедительных и компромиссных условий окончательного перемирия, но и реальная недопустимость противоправных по отношению друг к другу действий, идущих в

разрез с общепризнанными нормами и стандартами современного международного права.

Важным вкладом международно-правового значения в дело мирного разрешения данного конфликта следует рассматривать российско-грузинское Соглашение о принципах урегулирования конфликта в Южной Осетии (июнь 1992г.)²⁴¹. В преамбуле этого Соглашения была выражена твердая решимость сторон немедленно прекратить кровопролитие и желание всесторонне урегулировать конфликт на основе принципов и норм Устава ООН, Хельсинкского Заключительного акта и других документов современного международного права.

На этой основе, согласно ст. 1 Соглашения, противоборствующие стороны обязались принять все меры к прекращению вооруженных столкновений и полномасштабному прекращению огня. Позднее были также подписаны российско-грузинское межправительственное соглашение, Протоколы об экономическом восстановлении районов в зоне конфликта, о принятии Положения о смешанной контрольной комиссии и другие документы.

На скорейшее урегулирование конфликтов на пространстве СНГ направлены и положения Меморандума Совета глав государств-участников СНГ о поддержании мира и стабильности в Содружестве (от 10 февраля 1995 г., Алма-ты) в соответствии с принципами, положенными в основу его существования²⁴². Данный международно-правовой акт был подписан главами государств-участников СНГ, хотя Армения подписала его с примечанием - с учетом своего особого мнения и за исключением пунктов 7 и 8. В этих пунктах, в частности, закреплено, что государства-участники Содружества на своих территориях в соответствии с национальным законодательством и международными нормами будут предпринимать меры для пресечения любых проявлений сепаратизма, национализма, шовинизма и фашизма. Они будут содействовать объективному освещению

общественно-политических процессов в других государствах-участниках Содружества (п. 7). Вместе с тем государства обязуются не поддерживать сепаратистские движения и режимы на территории других государств-участников, если таковые возникнут; не устанавливать с ними политических, экономических и других связей; не допускать использования ими территорий и коммуникаций государств-участников Содружества; не навязывать им экономической, финансовой, военной и другой помощи (п. 8)²⁴³.

На наш взгляд, подобный шаг армянского руководства лишний раз продемонстрировал, с одной стороны, вызывающую и агрессивную сущность и репутацию этого государства, а с другой - очевидное нежелание мирного урегулирования нагорно-карабахского конфликта и освобождения оккупированных азербайджанских территорий вопреки нескольким известным резолюциям Совета Безопасности ООН.

Специальные меры и гарантии безопасности, а также по восстановлению и укреплению доверия между сторонами были предусмотрены другими документами международно-правового характера - Протоколом встречи грузинской, южно-осетинской, российской и северо-осетинской сторон при участии ОБСЕ по полномасштабному урегулированию конфликта в Южной Осетии (октябрь 1995 г., Владикавказ).

Среди других международно-правовых актов, играющих определенную роль в урегулировании данного конфликта, следует отметить документ, подписанный грузинской и южно-осетинской сторонами при посредничестве представителей Российской Федерации и с участием представителей Северной Осетин-Алания и ОБСЕ. Имеется в виду Меморандум о мерах по обеспечению безопасности и укреплению взаимного доверия между сторонами конфликта в Южной Осетии (май 1996 г.)²⁴⁴, целью которого является дальнейшее продвижение к полномасштабному политическому урегулированию данного конфликта.

Примечательно, что в этом документе четко была обозначена приверженность положениям Устава ООН, основополагающим принципам и решениям ОБСЕ, общепризнанным международно-правовым нормам и стандартам. В нем особо подтверждалась необходимость руководствоваться принципом территориальной целостности государств и правом народов на самоопределение, решать проблему не только в духе взаимного уважения, но и исключительно политическими методами. Важно и то, что стороны согласились осуществить ряд необходимых мер, и главное - отказались от применения или угрозы применения силы, оказания политического, экономического и иных форм давления друг на друга (п. 1). Подчеркивалась и договоренность сторон о том, что лица, принимавшие участие в вооруженном конфликте, но не совершившие военные преступления, а также преступления против гражданского населения, не подлежат уголовному преследованию (п. 4).

Тем самым, сохранена судебная юрисдикция в отношении военных преступлений, в частности, когда они совершены в рамках определенного плана, политики и действий, запрещенных нормами и принципами, как международного гуманитарного права, так и международного уголовного права, а также рассматриваемых в качестве одной из особо опасных разновидностей преступлений против мира и безопасности человечества. В практическом плане речь, очевидно, идет об уголовном преследовании лиц, виновных в совершении военных преступлений в ходе любого вооруженного конфликта как основании уголовной ответственности за эти преступления. То есть в ситуации, когда совершены деяния, которые являются нарушением общепризнанных законов и обычаев войны, выражающихся в убийствах, истязаниях или уводе в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории, в убийствах или истязаниях военнопленных, бессмысленном разрушении

городов, деревень, сел, разорении, не оправданном военной необходимостью, и др.²

Как и в преступлениях против мира и человечества, мы сталкиваемся со сложными и разнообразными по своему характеру деяниями. Их формирование является результатом обобщения, прежде всего, преступной деятельности определенных кругов (лиц), осуществленной особыми субъектами - военнослужащими, от верховного командования до рядовых солдат действующей армии. К сожалению, современность продолжает давать массу примеров преступлений этого рода в период вооруженных конфликтов: от событий в Югославии, Афганистане до военных действий на Центральном Кавказе, других «горячих точках» как на постсоветском пространстве, так и самых последних военных преступлений США в Ираке. В этих случаях в качестве родового объекта выступают правила и обычаи войны, составляющие содержание военных преступлений, и другие акции, которые были санкционированы и рассматривались в качестве нормы поведения военнослужащих, совершавших противоправные действия.

Впоследствии высокие стороны конфликта в Южной Осетии неоднократно подчеркивали важное значение этого Меморандума, выражая необходимость не только устранения его последствий, но и восстановления дружеских отношений, взаимного уважения посредством практического претворения в жизнь содержащихся в них положений соответствующих международно-правовых актов²⁴⁶ и обязательств, которые способствовали бы установлению мира и согласия на Центральном Кавказе в целом.

В этих актах грузинская и южно-осетинская стороны выражали убежденность руководствоваться принципом территориальной целостности государств и правом народов на самоопределение, что настоящее и будущее грузинского и осетинского народов неразрывно связано с сохранением и

упрочением мира в регионе, отношений доверия и взаимопонимания²⁴⁷.

На наш взгляд, подобные подходы и намерения должны иметь место везде, как бы ни были сложны нерешенные проблемы в Нагорном Карабахе, Абхазии или других регионах, а их урегулирование должно быть достигнуто исключительно мирными средствами, путем политического диалога и без какого-либо давления.

Факт неурегулированности рассмотренных конфликтов ставит под сомнение возможности полноценного, разностороннего и эффективного сотрудничества и партнерства между государствами Центрального Кавказа, препятствует реализации проектов, затрагивающих жизненные интересы не только Азербайджана, Армении и Грузии²⁴⁸, тормозит их развитие, препятствует стабильности в регионе, затрудняет интеграционные процессы, сближение с Европейским союзом²⁴.

Что касается развития ситуации вокруг конфликта в Южной Осетии, то из событий последнего времени обращают на себя внимание предложения грузинской стороны, представленные Смешанной контрольной комиссии по его урегулированию. В их числе - демилитаризация территории Южной Осетии, совместный контроль границы и грузов российской и грузинской сторонами, вывод 2 тыс. наемников, прибывших в Южную Осетию²⁵⁰. Наряду с этим в качестве механизмов урегулирования рассматривалась не только возможность недоведения ситуации до военных действий, но и вопросы о согласии Южной Осетии на признание парламентом Грузии нового, расширенного ее статуса в составе Грузии, а также о создании в Южной Осетии зоны свободной торговли.

Проблема определения правового статуса Южной Осетии продолжает оставаться актуальной, поскольку Грузия никогда не откажется от этой территории, а Россия не пойдет на открытое противостояние с Грузией. При этом и Гру-

зия, и Россия признают, что Южная Осетия с ее осетинским населением является исторической областью, а на территории РФ находятся южноосетинские беженцы и беженцы из внутренних грузинских районов, и эту серьезную проблему нужно также как-то устранить.

Одним из вариантов решения данной проблемы может стать, например, признание Россией и Грузией (при участии представителей обеих Осетий) границ, существовавших между этими странами до 1989 г., и соответствующего административно-территориального деления. С другой стороны, представляется правомерным, логичным и предпочтительным, чтобы Южная Осетия осталась в составе Грузии как самостоятельная территориальная единица (республика или автономия). В качестве компромисса считали бы возможным согласованную разработку заинтересованными сторонами международно-правового механизма, позволяющего обеспечить прозрачность государственной границы между Россией и Северной Осетией для свободного перемещения осетинского населения, а также согласованное развитие культуры, языка, экономики и т.п. Северной и Южной Осетией.

Подобная схема решения территориальных конфликтов между расколотыми государствами и народами имеет соответствующие прецеденты, в частности, на европейском континенте. Однако в случае конфликта в Южной Осетии вполне предсказуемо возникновение непредвиденных осложнений, которые потребуют пролонгации миссии миротворческих сил в Южной Осетии, а это, по всей вероятности, будет сопряжено с отсрочкой на неопределенное время процесса установления ее статуса.

Завершая обобщенное рассмотрение причин, обстоятельств и перспектив урегулирования вооруженных конфликтов на Центральном Кавказе, сопровождаемых военными преступлениями, хотелось бы, тем не менее, отметить, что мировому сообществу, попросту говоря, надоело воевать, и количество таких конфликтов в мире, к счастью,

имеет тенденцию к сокращению. Об этом свидетельствуют данные некоторых авторитетных международных организаций (прежде всего, ООН ²⁵¹) и исследовательских институтов (например, Стокгольмского международного института проблем мира - SIPRI). Кстати, по утверждению последнего, за последние 12 лет (1991-2003 гг.) количество войн в мире сократилось почти вдвое - с 33 до 19. По данным канадского Центра безопасности человека (Human Security Center), если в 1990-е годы в войнах ежегодно убивали не меньше 40 тыс. человек, то в 2003 г. погибло только 20 тыс. Согласно данным другой канадской организации, войны пошли на убыль после «пика» в середине 1990-х годов: в 1995 г. их было зарегистрировано 44, а в 2003 г. - 36²⁵².

На наш взгляд, констатация относительного сокращения вооруженных конфликтов (в т.ч. «затухающих», «вялотекущих» или «потенциально возможных») на Центральном Кавказе или в каком-либо ином регионе не вызывает сомнений. Это можно рассматривать как результат радикальных изменений сил в мировом сообществе на рубеже 80-90-х годов прошлого столетия в связи с разрушением в преддверии XXI века биполярной системы мира, вызванного распадом Советского Союза.

Несмотря на это обстоятельство, мировое сообщество, включая новые независимые страны постсоветского пространства, в своем развитии и взаимоотношениях должны реально и эффективно соблюдать не только принципы политической независимости, но и уважение суверенного равенства, территориальной целостности и другие основополагающие начала современного международного права.

4.5. Предотвращение вооруженных конфликтов и военных преступлений - необходимое условие безопасности Кавказа

На пороге XXI века в условиях, когда в результате навязываемой международным терроризмом силовой политики мир становится более хрупким и уязвимым, особую актуальность приобретает необходимость укрепления и расширения платформы международного правопорядка, а также формирования как региональной, так и всеобъемлющей безопасности. Наряду с этим, актуальна тесная взаимосвязь и взаимозависимость национальной безопасности каждого из центральнокавказских государств с соответствующей структурой и динамикой отношений на региональном уровне. Все это имеет принципиальное значение для развития современного международного права.

Во-первых, неукоснительное уважение международной законности было и остается пока единственно возможным образом действий для каждого государства мирового сообщества. На наш взгляд, любой подход с иных, неконструктивных позиций неизбежно генерирует напряженность, вооруженные конфликты, которые, как правило, не обходятся без военных преступлений. Как свидетельствуют события последнего десятилетия, если этот образ действий нарушает государство, наделенное мощью глобального уничтожения, то это уже чревато катастрофой для всего мирового сообщества.

Это, в свою очередь, означает, что реальности наших дней требуют не только категорического и неукоснительного соблюдения всеми государствами действующих принципов, норм и стандартов международного права, но и одновременно ставят задачу дальнейшего качественного и эффективного развития его комплексных отраслей (таких, как международное гуманитарное право, международное уголовное право и др.) в интересах создания достойных, под-

лично человеческих материальных и иных условия жизни для всех государств. Другая судьбоносная задача - на пороге XXI века поднять международное право на более высокую ступень развития, создать такую систему всеобъемлющей безопасности и коллективной ответственности государств ²⁵⁴, которая в международно-правовом плане и реально избавляла бы личность, общество и государство от угрозы любых форм и проявлений опасности.

Решение этих задач с учетом внешних и внутренних условий действительности и жизнедеятельности, основанных на представлениях о необходимости обеспечения приоритетных общенациональных ценностей и интересов, - далеко не простое дело и не скоротечный процесс. Смена парадигмы безопасности базируется, как представляется, на постулате тождественности правовых институтов всеобщей и национальной безопасности, в концепцию которой входят проблемы как личной, общественной, государственной, так и международной, всеобъемлющей безопасности, принявшие статус сверхценности. При этом обе разновидности безопасности (и международная, и национальная) обладают всеобъемлющим характером. Объяснение этому -заключается, во-первых, в том, что ее содержание определяют не только военные, но и правовые, социально-экономические и другие достижения человечества. Во-вторых, основное содержание международной безопасности в начале XXI века определяется активизацией интеграционных процессов, переменами в основных положениях и функциях военных союзов и международных организаций, увеличивающих свой правовой статус и полномочия. В-третьих, государства определяют свои национальные интересы, исходя из внутренних потребностей прогрессивно-демократического развития и потребностей мирового сообщества, обусловленных усиливающейся зависимостью и взаимосвязанностью международной и национальной безопасности.

Как известно, усилия ООН направлены на обеспечение такой организации международных отношений, которая способствовала бы установлению устойчивого, безопасного и ненасильственного мира. Сама по себе международная безопасность имеет всеобъемлющий характер и включает в себя различные аспекты (правовые, экономические, дипломатические и иные), которые тесно связаны друг с другом и требуют объединения усилий государств. Вместе с тем международная безопасность неделима, а это значит, что нельзя строить безопасность одного государства (группы государств) за счет безопасности другого (группы государств), хотя международному сообществу пока не удастся исключить или предотвращать вооруженные конфликты.

Хотя в течение прошлого века, в эпоху биполярного мироустройства, некоторые государства «продавливали» свои интересы, главным образом, военно-политической силой, а международное право содержало в себе баланс определенных интересов, в современном международном праве сложились соответствующие и разнообразные правовые средства обеспечения международной безопасности. К ним, в первую очередь, относятся мирные средства разрешения международных споров и конфликтов²⁵⁶, механизмы безопасности на универсальном и региональном уровнях, меры доверия и др. Содержащиеся в Уставе ООН правовые основы рассматриваются лишь в качестве отправной точки для достижения соглашений на пути к всеобъемлющей безопасности.

Другая особенность заключается в том, что вопросы применения военно-политической силы в современных межгосударственных отношениях взяты под контроль различных международных, в том числе многосторонних, механизмов. В частности, сложившаяся система международных экономических отношений отражает, в первую очередь, лишь интересы ведущих промышленно развитых государств, и с помощью, например, международных организа-

ций управление этой системой продолжает переводиться на универсальный уровень. В праве же этих организаций, естественно, заложены интересы данных государств, а сами организации находятся под их контролем. Кроме того, очевидно, что в данной системе развивающиеся страны и страны с переходной экономикой превращены или превращаются (например, с помощью «долговой петли»), в сырьевые придатки национальных экономик ведущих государств²⁵⁷.

При этом нельзя исключать и того обстоятельства, что каждое интеграционное объединение является, по существу, одним из полюсов силы многополюсных политико-экономических пространств, вокруг которых формируются и вращаются блоковые, региональные, национальные и иные интересы. Поэтому не случайно, что ведущие промышленно развитые государства стремятся закрепить в международном праве так называемые накопленные и неучтенные интересы, смещая акценты с политической силы на экономическую, организованные в блоки (группы) - в интеграционные объединения государств. Это означает, что сила, в принципе, не исчезла из межгосударственных отношений, а изменила лишь свою форму. Иными словами, не только формирующиеся ныне новый миропорядок и всеобъемлющая международная безопасность (со всеми ее аспектами и направлениями) все в большей мере стали зависеть от экономической силы, которая может применяться, например, как контрмера в случае правонарушения или в отношении государства, виновного в развязывании международного вооруженного конфликта.

Применительно к безопасности в центральнокавказском регионе важное значение имеет политика государств, от которых во многом зависит успех в урегулировании данных конфликтов (например, России, США). На наш взгляд, им необходимо проводить политику активного нейтралитета и сбалансированного подхода к процессам, происходящим, в частности, в Азербайджане, Армении, Грузии, что, в конеч-

ном счете, должно способствовать формированию их безопасности.

В настоящее время «кавказская безопасность», к сожалению, ассоциируется с понятием «вялотекущих» или «незатухающих» вооруженных конфликтов. Некоторые авторы справедливо отмечают, что за последнее десятилетие в кавказском регионе произошел коллапс безопасности как в частном, так и в общественном понимании²⁵⁹. Мировое сообщество в целом всерьез обеспокоено тем фактом, что данный регион трансформировался в источник опасности, стал одним из самых нестабильных регионов на постсоветском пространстве. Эти страны вынуждены все более тщательно анализировать протекающие здесь процессы, рассматривая их не как внешние, а как собственные (т.е., по существу, внутренние) тревожные факторы. Для американских национальных интересов вопрос о состоянии безопасности в данном регионе также актуален, хотя бы потому, что он закономерно рассматривается как обладающий определенным потенциалом для организации террористических акций.²⁶⁰

При наличии различных подходов к урегулированию вооруженных конфликтов для создания устойчивой системы безопасности в этом регионе, как для самих конфликтующих сторон, так и для упомянутых государств, необходим консенсус. Достижение такого единства мнений имеет принципиальное значение и является жизненно важным, т.к. устойчивое экономическое развитие и масштабные инвестиции в Азербайджане, Армении и Грузии, их взаимовыгодное сотрудничество и партнерство, полноценная интеграция в международное сообщество непосредственно зависят от разрешения и урегулирования межэтнических вооруженных конфликтов, в которых они участвуют.

Развитие событий на Центральном Кавказе отчетливо продемонстрировало «хрупкость» системы безопасности в этом регионе, что приобретает для расположенных здесь

стран эффект «мины замедленного действия». Разумеется, этнически понимаемый принцип или одиозно воспринимаемая формула «одна нация - одно государство» не может рассматриваться в качестве оптимального варианта (модели) при урегулировании любых вооруженных конфликтов, а тем более, при формировании любых устойчивых систем коллективной и международной безопасности (включая централь-нокавказскую).

Зоны конфликтов на Центральном Кавказе, уже второе десятилетие «раздирающих» регион, оказывают серьезное дестабилизирующее воздействие на региональную безопасность, а сохранение здесь очагов напряженности не позволяет говорить об успехе в выработке каких-либо согласованных проектов и договоренностей, которые могли бы ее обеспечивать. В свою очередь, во всех конфликтующих странах региона этот фактор связан с внутривнутриполитической ситуацией, которое не везде стабильно, и социально-экономическим положением, далеко не соответствующим современным требованиям как по динамике, так и по чисто количественным параметрам²⁶¹.

Сознавая значимость проблемы укрепления центральнокавказской безопасности, конфликтующие стороны вместе со многими государствами и международными организациями активизировались и стали уделять ей больше внимания. В этой связи, как нам представляется, было бы правильным при выборе средств и возможностей говорить о том, что при формировании и укреплении региональной безопасности акцент должен быть сделан, скорее всего, на выработку мировоззрения объединительного, мирного характера. Достижение в каждом государстве региона такого общественного мнения свидетельствовало бы о твердом желании не допускать блокового (группового) мышления или политики с позиции силы, о намерении использовать все имеющиеся международно-правовые средства и механизмы урегулирования вооруженных конфликтов.

Создание стабильной системы региональной безопасности, в свою очередь, имеет первостепенное значение и для решения других острых, кризисных ситуаций (например, объединенного противостояния террористическим угрозам), достижения более высокого уровня взаимопонимания, взаимовыгодного сотрудничества и партнерства, преодоления геополитического противоборства, обеспечения устойчивой всеобъемлющей безопасности.

Важно подчеркнуть, что на пороге XXI века представления мирового сообщества о глобальной безопасности существенно расширились и обогатились. Это дает полное основание утверждать об их принципиально новом содержании. В частности, если несколько десятилетий назад на первый план обычно выдвигались преимущественно военно-политические аспекты международной безопасности или сочетание условий, обеспечивающих лишь способность государств на всемирном или региональном уровне эффективно противостоять нарушениям мира (или угрозам его нарушения), то сейчас основное внимание акцентируется на сведении к минимуму самой возможности их возникновения. Такой подход к формированию всеобъемлющей безопасности сохраняет свой смысл и значение и в настоящее время, однако она уже немыслима без региональной безопасности, которая рассматривается как ее составная часть. А это, в свою очередь, означает, что на глобальном уровне всеобъемлющая безопасность может быть сформулирована, существовать и функционировать только при условии ее обеспечения в различных регионах, включая, естественно, центральнокавказский. Еще лучше и эффективнее - предотвращать конфликтные ситуации, тем более вооруженные конфликты²⁶², с помощью любой системы безопасности.

Как отмечалось ранее, сотрудничество и партнерство, основанное на общечеловеческих ценностях, ставит мощные барьеры для возникновения каких-либо конфликтов. Во-первых, закономерность и обоснованность такого подхода

обуславливается, прежде всего, тем, что мировое сообщество все больше осознает свое единство и целостность. Во-вторых, благодаря этому активно инициируется поиск путей и способов достижения глобальной безопасности, которая, безусловно, имеет свою специфику и по своему содержанию значительно объемнее, чем международная безопасность. В-третьих, если последняя относится к области межгосударственных отношений, то глобальная безопасность базируется на этих отношениях и должна учитывать такие факторы, как целостность мирового сообщества, необходимость его адаптации к неординарным условиям современной эпохи.

На наш взгляд, одна из целей всеобъемлющей безопасности - это такое воздействие на состояние отношений (в первую очередь, межгосударственных) в обществе, которое способно не только гарантировать минимизацию возникновения конфликтной ситуации, но и способствовать гармоничному и эффективному формированию нового миропорядка.

Можно утверждать и то, что такая безопасность - это, по существу, общечеловеческая безопасность, которая, в свою очередь, состоит из соответствующих компонентов. Среди них особо выделяется гуманитарный аспект как наиболее существенный элемент международного сотрудничества и партнерства, который реализуется в русле формирования всеобъемлющей безопасности. Речь идет о том, что невозможно рассчитывать на установление какой-либо безопасности в ситуации, когда определенное государство (или группа государств), соблюдая свои обязательства в отношении членов международного сообщества (например, в военно-политической сфере) будет в пределах своих границ нарушать элементарные права и свободы своих граждан.

Таким образом, в концепции национальной безопасности приоритетным должно быть обеспечение не личной, общественной или государственной безопасности, а именно

международной (даже всеобъемлющей) безопасности, приобретающей значение ценности высшего уровня.

Существуют и определенные признаки, свидетельствующие о возрастающей тенденции использования в процессе формирования всеобъемлющей безопасности современного международного права, в рамках которого характер некоторых угроз безопасности способствует принятию ответных мер. Так, в отличие от военных решений с помощью норм и принципов международного гуманитарного права всегда можно найти правовое решение, например, проблемы беженцев, пограничных споров и некоторых других межгосударственных конфликтов. Но такое возможно при следовании определенному правилу: и внешняя политика, и какие-либо дипломатические меры должны соответствовать нормам и стандартам действующего международного права, поскольку оно, наряду с прочим, предлагает целый комплекс решений современных проблем безопасности. Это особенно важно для государств, которые искренне стремятся к сотрудничеству и партнерству, в том числе в области безопасности, а также не обладают значительным потенциалом (военным, экономическим и др.), как, например, постсоветские страны. Так, при урегулировании конфликтных ситуаций (сепаратистских претензий, территориальных споров и т.д.) любое государство может потребовать, например, от соседнего государства (или стран) неукоснительного соблюдения основополагающих международно-правовых норм и принципов. Такой подход к безопасности способствует предотвращению, избеганию вооруженных конфликтов, сохранению человеческих жизней, реализации интересов личности, государства и мирового сообщества, созданию нового мирового правопорядка, однако важно перевести это из теоретической плоскости в практическую.

Международное сообщество не может безразлично относиться к вооруженным конфликтам, актам агрессии и оккупации чужих территорий, которые сопровождаются воен-

ными преступлениями, ставящими под угрозу первейшее право человека - право каждого на жизнь в условиях мира и безопасности.

В современном глобализирующемся мире, когда любая безопасность может быть поставлена под угрозу односторонними силовыми действиями государств, применение силы не должно быть направлено на изменение государственных границ или территориальной целостности или социально-экономического строя какого-либо государства. Разумеется, реализация права жить в условиях безопасности, а также поиски, выбор путей и подходов, видение способов формирования всеобъемлющей безопасности у государств, включая конфликтующие в центральнокавказском регионе, различаются. Это осложняется развитием новых угроз обусловленных реалиями глобального развития.

Так, в свете транснационального и трансграничного характера такого явления, как международный терроризм, и крупномасштабных трагических событий в Северной Осетии (в Беслане), отдельные высказывания о связи между событиями в Южной Осетии и участием чеченских боевиков и иностранных наемников, с одной стороны, видимо, не лишены определенных оснований, а с другой - создали в российско-грузинских отношениях новый виток напряженности и конфронтации. Об этом свидетельствуют, к примеру, слова Н. Бурджанадзе о том, что «в России нагнетается антигрузинская истерия. Мы можем считать Россию враждебной, потому что она помогает абхазским и южно-осетинским сепаратистам»²⁶³.

Естественно, такое развитие событий отдаляет регион от урегулирования накопившихся проблем, не способствует их позитивному решению и достижению международной безопасности. Вместе с тем в аспекте взаимозависимых явлений, характерных для мирового сообщества, трансформирование измерения и содержание угроз безопасности оказывают воздействие и ослабляют не только сами государ-

ства, но и создают дополнительные трудности в деятельности авторитетных организаций и структур, которые призваны регулировать различные сферы международных отношений.

К сожалению, за последние годы ООН, ОБСЕ, НАТО демонстрируют, мягко говоря, свою определенную слабость и недостаточную эффективность в проблемах урегулирования вооруженных конфликтов, неспособность позитивно воздействовать на разрешение кризисных ситуаций, активно участвовать в процессе формирования международной безопасности, что, вероятно, является результатом недооценки как кардинально изменившихся условий и реалий, так и необходимости адаптации к ним. В лучшем случае для формирования всеобъемлющей безопасности подобное развитие событий и обстоятельств означает сохранение на неопределенный срок ее так называемого «переходного состояния». Как справедливо отмечают некоторые авторы, в настоящее время, при формально признаваемом единстве точек зрения по основным мировым проблемам, разнообразие позиций и подходов к их разрешению все более увеличивается²⁶⁴.

В условиях глобализации многие международно-правовые проблемы обуславливаются факторами, связанными, в частности, с научно-техническим прогрессом, экономическими и социальными реформами. Среди них весомое значение, причем в довольно-таки короткий исторический отрезок времени, приобрела проблема транснациональной организованной преступности, представляющая реальную угрозу для общества и посягающая на суверенитет и безопасность государств, в том числе центральнокавказского региона. Выходу этой разновидности преступности (наряду с тотальной коррумпированностью) на лидирующие позиции способствовал, в частности, процесс образования новых независимых стран, сопровождавшийся переходом этих стран на свободные рыночные отношения, реформированием внутреннего валютного рынка, признанием примата норм

международного права и т.д. Подобная трансформация, как это не парадоксально, привела к возникновению ряда негативных тенденций и явлений, в частности, к росту преступлений международного характера.

Среди наиболее опасных разновидностей преступлений международного характера начала XXI века следует назвать и незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, особенно широко культивируемый в последнее десятилетие в недрах транснациональных преступных организаций. Данная проблема имеет четко выраженный международный аспект, однако ее корни носят, в основном, социальный характер. Возможные последствия весьма многогранны и имеют непосредственное отношение к криминологии, так как наркомания - это особое явление, которое сопутствует преступности, обладающей в данном случае международным характером.

У этой разновидности (формы) таких преступлений есть серьезный аспект - незаконная деятельность наркобизнеса, которая подпитывает, спонсирует международные вооруженные конфликты, в том числе на центральнокавказском регионе. В данной связи необходимо выделить важность деятельности существующего в рамках ООН Управления по контролю над наркотиками и предупреждению преступности. Оно «призвано способствовать предотвращению таких конфликтов благодаря своей деятельности в двух главных направлениях: во-первых, благодаря борьбе с транснациональной преступностью, в частности, с незаконным оборотом наркотиков и отмыванием денег, и ослаблению способности потенциальных мятежников/агрессоров осуществлять сбор средств; б) благодаря деятельности по пресечению незаконного оборота оружия, ведущей к ослаблению готовности противоборствующих сторон начать вооруженный конфликт»²⁶⁵.

В практическом плане это свидетельствует о необходимости предпринимать на различных уровнях в интересах

предотвращения и прекращения вооруженных конфликтов (где бы они не происходили) соответствующие усилия и уделять больше внимания предупреждению преступности, не допускать особо опасного сращивания и взаимодействия незаконного оборота наркотиков и незаконной торговли оружием.

Борьба с терроризмом не сводится исключительно к выявлению и пресечению отдельных террористических преступлений. Задача ставится гораздо шире - пресечь саму террористическую деятельность, решающую роль в осуществлении которой играет ее финансовая основа, дающая возможность терроризму, его людским и материальным ресурсам воспроизводиться и наращивать силу.

В октябре 2000 г. на встрече в Бишкеке было принято Заявление Глав государств-участников Договора о коллективной безопасности в связи с угрозами безопасности в регионе Центральной Азии. В нем еще раз было выражено твердое намерение участников Договора объединить усилия в борьбе с религиозным экстремизмом и международным терроризмом. Здесь же был рассмотрен и утвержден План основных мероприятий по формированию системы коллективной безопасности на период 2001-2005 годов, определяющий практические меры по созданию региональных и субрегиональных компонентов общей архитектуры системы коллективной безопасности. Юридической основой для создания коалиционной группировки войск (сил), выделяемых для ведения совместных действий, стало Соглашение о статусе формирования сил и средств системы коллективной безопасности.²⁶

В условиях активизации международного терроризма мировое сообщество все больше сталкивается с неотложной необходимостью принятия более эффективных мер, в том числе и в предусмотренном ст. 51 Устава ООН порядке реализации права государств на самооборону. Это нашло свое подтверждение, в частности, в ходе политиче-

ской дискуссии на последней сессии Генеральной Ассамблеи ООН в конце 2004 г. при выработке соответствующих правовых основ и получило отражение в принятой на ней резолюции.

Разноуровневое сотрудничество современных государств по проблемам борьбы с различными видами (формами) преступлений международного характера осуществляется на основе общепризнанных международно-правовых норм и принципов, в том числе норм и стандартов европейского права²⁶⁷. Все большее количество юридических и физических лиц, других субъектов, в первую очередь, стран-членов Совета Европы, европейских сообществ, ЕС и других международных организаций вовлечены в соответствующие правоотношения в интересах их эффективной реализации.

Таким образом, на пороге нового тысячелетия в мировом сообществе сложилась своеобразная ситуация, определяемая характером международных отношений и условиями одно- или биполярного мира. Это происходило под воздействием глобализационных процессов, активизации ЕС и ряда других факторов, связанных с поиском оптимальной модели международной безопасности. В качестве примера можно продемонстрировать политику ЕС в странах СНГ, которая все больше превращается в позитивный и стабилизирующий фактор: с одной стороны, ослабляет российско-американские геополитические устремления (в частности, в центральнокавказском регионе); а с другой - вызывает позитивные вызовы у расположенных в этом регионе стран.

Подобная оценка роли и значения Евросоюза исторически связана с присоединением (вхождением) постсоветских стран в общепризнанные международные и региональные структуры безопасности, заинтересованностью в активном сотрудничестве с ними. Примечательно, что такая заинтересованность является обоюдной, поскольку, например, и ООН, и ОБСЕ, в конечном счете, исходили из потребностей

такой интеграции в целях предотвращения неконтролируемых конфликтов, массового насилия на постсоветском пространстве, совершения военных и иных преступлений против человечества. Ряд новых суверенных стран последовательно проводят политику, направленную на сотрудничество с отдельными институтами ЕС, НАТО, ОБСЕ, например, в рамках программы «Партнерство ради мира», Совета евро-атлантического партнерства. Это, естественно, способствовало активному приобщению данной группы государств, в частности, в создание общеевропейского пространства безопасности.

Большое значение и важную роль в вопросах как региональной, так и международной безопасности играет и такая структура, как ГУАМ (с 1997 г.), предназначенная способствовать формированию системы безопасности в регионе черноморско-каспийского бассейна. Данная региональная структура должна внести свой позитивный вклад во всеобъемлющую систему безопасности на качественно новых основах взаимоотношений, сотрудничества и партнерства, например, посредством многосторонних переговоров и консультаций и др. В числе присущих ей особенностей, имеющих значение для формирования международной организации, следует выделить большой уровень (объем) тождественности интересов ее государств-членов в их внешнеполитической деятельности, в интеграционных процессах, в борьбе с сепаратизмом, международным терроризмом и др. Деятельность этой международной структуры имеет позитивное значение и для формирования баланса сил на региональном уровне, и для так называемого «геополитического плюрализма на постсоветском пространстве»

Существенен в решении проблем становления региональной безопасности и вопрос о преобразовании этой региональной группы в региональную военно-политическую организацию с соответствующей функциональностью, организованной структурой²⁶⁹ и др., что в большой степени со-

гласуется с внешнеполитическими приоритетами государств-участников, в частности, Азербайджана и Грузии. Такое* преобразование должно содействовать активизации выработки путей создания более эффективных механизмов безопасности, усиления взаимодействия и сотрудничества между государствами-членами этой региональной группы, в том числе по устранению сохраняющихся угроз их внутреннего сепаратизма, территориальных притязаний и т.д.

4.6. О проблеме возмещения ущерба в результате вооруженных конфликтов на Центральном Кавказе

Проблема возмещения ущерба в результате вооруженных конфликтов неразрывно связана с международно-правовой ответственностью субъектов и продолжает оставаться актуальной в настоящее время. Ее основным содержанием, где бы ни происходили эти конфликты, является юридическая обязанность государства-нарушителя устранить нанесенный (и по возможности иной) вред, который был причинен в результате противоправных действий (бездействия), составляющих существенные нарушения международно-правовой нормы.

Современное международное право предусматривает два вида материальной ответственности за причиненный государством-нарушителем ущерб, которая может применяться как в отдельности, так и в сочетании с политической ответственностью. Во-первых, когда правонарушение, т.е. разжигание вооруженного конфликта или агрессия, привело к значительному (по масштабам и во времени) ущербу, и, во-вторых, когда ущерб возник без нарушения нормы права, но его возмещение предусмотрено, тем не менее, специальным международным договором, регулирующим деятельность государств в определенных сферах (космосе, морских пространствах, ядерной энергетике и т.д.).

Одна из особенностей требований и положений современного международного права заключается в том, что

материальная ответственность государства-нарушителя, поджигателя вооруженного конфликта или агрессора, может возникнуть одновременно с политической ответственностью как результат одного и того же нарушения международно-правовой нормы. В этом случае предусмотрены различные международно-правовые формы реализации материальной ответственности: а) реституция, б) репарация и в) субституция.

Как свидетельствует практика межгосударственных отношений последних десятилетий, в условиях разжигания вооруженных конфликтов, особенно в период осуществления агрессивных действий государством-нарушителем, принципиальное значение приобретает вопрос о защите гражданских объектов и культурных ценностей, который рано или поздно перерастает в вопрос о возмещении причиненного ущерба и, естественно, материальной ответственности. Это обстоятельство требует дальнейшего укрепления и развития правового режима защиты указанных объектов и ценностей, совершенствования регулирующих, их норм международного гуманитарного права.

В свою очередь, названные нормы, применяемые в период вооруженных конфликтов, в целом и в интересах обеспечения безопасности и нормальных условий жизни гражданского населения регламентируют защиту данных объектов и ценностей, устанавливают специальные меры предосторожности и особую защиту отдельных гражданских объектов. К примеру, ст.ст. 52-56 Дополнительного протокола I (1977 г.) к Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны (1949 г.) требуют от сторон вооруженного конфликта при проведении военных операций постоянно проявлять заботу о том, чтобы щадить гражданские объекты (ст. 51 -а).²⁷⁰

Другое требование заключается в том, что агрессор или оккупант (т.е. нападающая сторона) должен принимать меры предосторожности при выборе средств и методов во-

енных действий в конфликте в целях избежания нанесения случайного ущерба гражданским объектам, свести их к минимальному размеру (масштабу). Конфликтующие стороны обязаны также воздерживаться от любого нападения, которое может повлечь за собой случайные, неоправданные потери среди гражданского населения, или нанесение случайного ущерба гражданским объектам, или и то и другое вместе, если они будут чрезмерными по отношению к конкретному и прямому военному преимуществу, которое предполагается получить.

Соответствующим образом должен решаться и вопрос о материальной ответственности и возмещении ущерба, причиненного в период вооруженного конфликта, в связи с уничтожением таких гражданских объектов, как электростанции (естественно, включая атомные), плотины, дамбы и некоторые другие, которые также пользуются защитой международного гуманитарного права. Эти объекты, как известно, объединены понятием «установки и сооружения, содержащие опасные силы», и они не должны подвергаться нападению даже в тех случаях, когда являются военными объектами, поскольку нападение на них, и тем более уничтожение, может вызвать высвобождение весьма опасных, неуправляемых сил и энергии, а значит, и последующие тяжелые последствия и потери среди гражданского населения.

Особой разновидностью объектов, которые также подпадают под международно-правовую защиту, являются культурные ценности, в отношении которых действуют нормы ряда Конвенций, в первую очередь, «О защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта» (1954 г.), Протокола к ней, Дополнительного протокола I к Женевской конвенции (1977 г.) и другие документы. В них содержатся нормы, составляющие международно-правовую основу защиты культурных ценностей, которые, в свою очередь, включают в себя их соответствующую охрану и уважение. Итак, под защитой культурных ценностей понима-

ется совокупность определенных мероприятий, которые должны быть осуществлены государствами на собственной территории еще в мирное время по сохранению ценностей от возможных последствий вооруженного конфликта.

Несмотря на то, что подавляющее большинство современных государств приняли соответствующие международно-правовые обязательства по защите гражданских объектов и культурных ценностей (посредством введения в военные уставы и инструкции положений, например, воспитывающих личный состав своих вооруженных сил в духе уважения культуры всех государств и т.д.), однако факты, касающиеся современных вооруженных конфликтов, свидетельствуют о серьезных и крупномасштабных нарушениях этих обязательств.

В урегулировании проблемы возмещения ущерба в результате любого вооруженного конфликта существенное значение имеют и положения Римского Статута МУС, юрисдикция которого распространяется также на военные преступления и преступления агрессии.

В этой связи примечательно, что решение проблемы возмещения ущерба потерпевшим ныне становится более реальным, чем ранее. Это связано с тем, что набирает силу тенденция к признанию международной уголовной юрисдикции как в отношении физических лиц государства, граждане которых совершили международные преступления, так и в отношении лиц, которые совершают преступления международного характера в своем личном качестве, т.е. не действуя от имени того или иного государства. Поэтому не случайно, что в ст. 75 данного Статута закреплена норма, согласно которой «Суд устанавливает принципы, касающиеся возмещения ущерба потерпевшим или в отношении потерпевших, включая реституцию, компенсацию и реабилитацию. На этой основе Суд может в ответ на поступившую жалобу, или в исключительных случаях, по своей собственной инициативе определить в своем решении мас-

штабы и размер любого ущерба, убытков и вреда, причиненных потерпевшим или в их отношении, и заявляет о принципах, на основании которых он действует» (п. 1).

П. 4 данной статьи гласит, что «осуществляя свои полномочия, Суд после вынесения решения о признании лица виновным в совершении преступления, подпадающего под юрисдикцию Суда, может определить, существует ли необходимость в том, чтобы в целях исполнения любого постановления, которое он может вынести согласно настоящей статье, были приняты меры в соответствии с п. 1 ст. 93». Последний пункт гласит, что «государства-участники в соответствии с процедурами, предусмотренными их национальным законодательством, выполняют просьбы Суда об оказании помощи в связи с осуществлением расследований или уголовного преследования соответствующим процессуальным нормам образом».

Рассмотренные в свете положений Римского Статута некоторые аспекты возмещения ущерба в результате вооруженных конфликтов касаются, прежде всего, случаев совершения государствами серьезных преступлений против мира, безопасности и человечества, которые посягают не только на важнейшие интересы отдельных, главным образом потерпевших в вооруженном конфликте государств, но и всего мирового сообщества в целом. Во-вторых, закрепление в Статуте норм, которые касаются возмещения ущерба потерпевшим, возникшего в связи с серьезными правонарушениями и ответственностью за них, следует рассматривать в качестве осязаемого шага в прогрессивном развитии международного права.

Нормы, касающиеся возмещения ущерба в результате вооруженных конфликтов, не только вытекают из императивных положений стандартов международного публичного права, но и нацелены на защиту общих, материальных интересов потерпевших в таких конфликтах государств.

Армяно-азербайджанский конфликт принес неисчислимые бедствия азербайджанскому и армянскому народам. Оказался перечеркнутым многовековой опыт сосуществования, внесший немало ценного в культурный фонд обоих народов. Под серьезной угрозой оказались культурные и исторические ценности, веками оберегавшиеся народами и оказавшиеся в зоне военных действий. С первых дней вооруженного конфликта Азербайджан стал бить тревогу о судьбе многочисленных памятников, являющихся культурными ценностями не только азербайджанского народа, но и всего человечества. Однако до сих пор призывы Азербайджана о содействии в этом вопросе не услышаны.

Любая война - это гибель людей и разрушение многовековых результатов человеческого сознания. Война в Карабахе - это еще и война против человеческой памяти. Стремление армянских руководителей истребить все напоминающее об азербайджанцах в Карабахе обернулось уничтожением исторических памятников и культурных ценностей. Остановить это явление, характерное для ранних периодов истории человечества, - насущная задача международного сообщества в начале XXI столетия.

Как известно, история Карабаха уходит своими корнями в глубокую древность, поскольку само междуречье Куры и Аракса является одним из древнейших очагов цивилизации. Эта территория вместе со Средиземноморьем и Северной Африкой входила в зону прародины человечества, и тому есть немало доказательств. Так, именно в Карабахе, в пещере Азых, были обнаружены древнейшие следы жизни и деятельности человека. Данный памятник имеет большое значение не только для изучения истории Азербайджана, но и всего Переднего Востока. То же самое можно сказать о многослойных археологических памятниках Хантепе, Кюль-тепе, Шомутепе и многих других, имеющих мировое значение и давших ценный материал для изучения истории чело-
вечества.²⁷¹

Кроме того, в Карабахе остается большое количество памятников албанского периода истории Азербайджана: христианский храм Гандзасар (недалеко от города Агдере), замок Кара Бейюк ханым (Шуша), монастырь Атоглан (Лачинский район), крепость Аскеран, монастырь Амарас (Ходжавендский район) и др.

В результате военных действий вся зона, составляющая почти 20% территории Азербайджана, была оккупирована армянскими вооруженными формированиями. Итогом продолжавшихся в течение четырех лет военных действий стали тысячи убитых, сотни заложников, среди которых главным образом старики, женщины и дети. Более 1 млн. человек вынужденно покинули постоянное местожительство и стали беженцами. В результате всех этих действий разрушены, расхищены и повреждены культурные ценности, движимые и недвижимые памятники, представляющие неоценимый вклад азербайджанского народа в мировое наследие.

Эта война принесла огромные потери культурному наследию Азербайджана, а в результате и всему человечеству, так как культура каждого народа уникальна и является составной частью мировой культуры. В оккупированной зоне осталось 500 историко-архитектурных и более 100 археологических памятников, 9 исторических дворцов, 22 музея с экспонатами, 4 картинные галереи, в фондах которых было сосредоточено более 40 тыс. ценных предметов. Например, неизвестна судьба Кяльбаджарского исторического музея с его уникальными экспонатами, золотыми и серебряными изделиями, датированными III тысячелетием до н.э., Лачинского исторического музея с уникальной коллекцией древних монет, Шушинского исторического музея и Музея истории Карабаха, Агдамского музея хлеба (второго подобного музея в мире), Музея каменных монументов в Зангиланском районе и многих других. Уничтожены уникальная двухми-наретная мечеть в Шуше и мечети в других захваченных

районах. В противоречие с этическими нормами и в нарушение положений Гаагской конвенции 1954 г. о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта эти мечети превращены в складские и подсобные помещения. В Шуше разрушен Мавзолей великого азербайджанского поэта и мыслителя Мирза Панах Вагифа.

В районах военных действий уничтожены и подверглись разграблению здания театров, домов культуры, клубов, библиотек, детских музыкальных школ, имеющих важное значение для развития азербайджанской культуры и искусства. В 927 разграбленных и сожженных библиотеках уничтожены 4,6 млн. книг и бесценных рукописных изданий. Учреждения культуры и искусства, в том числе 6 государственных театров и концертных организаций, 386 клубных учреждений и 85 музыкальных школ также были преданы разграблению и разрушению. Условия эвакуации не позволили вывезти театральные реквизит, сценические костюмы, технические средства, музыкальные инструменты, учебные пособия, а также различный инвентарь и оборудование.²⁷²

По имеющимся сведениям, захваченные армянскими вооруженными силами музейные ценности продаются на международных аукционах, и нередко им присваивается армянское происхождение. При этом изменяются главные признаки атрибуции культурных ценностей - национальная и географическая принадлежность. Так, скульптуры выдающихся деятелей азербайджанской культуры композитора Узеира Гаджибекова, певца Бюль-Бюля и поэтессы Натаван, вывезенные из Шуши, с большими сложностями были выкуплены Азербайджаном при посредничестве третьей страны.

Азербайджан всячески пытается привлечь внимание мировой общественности к судьбе памятников истории и культуры. Целенаправленную работу в этом направлении ведет Азербайджанский национальный комитет ИКОМ, ставший инициатором придания этой проблеме международного резонанса, что дало определенные позитивные ре-

зультаты в плане включения ЮНЕСКО и его структур в поиск путей ее решения. Однако судьба памятников истории и культуры, оставшихся на оккупированной территории, до сих пор неизвестна. Азербайджанский национальный комитет ИКОМ составил списки музеев, картинных галерей, памятников архитектуры, собрал их фотографии. В 1994 г. было принято обращение, представленное в ЮНЕСКО и ИКОМ, с требованием международной защиты культурного наследия азербайджанского народа.

В связи с этим в ноябре 1994 г. в Баку прибыла миссия Межсекторальной линии ЮНЕСКО по культуре во главе с директором программы развития стран Центральной и Восточной Европы Аланом Ханкоком и ответственным руководителем Центра культуры и охраны культурного наследия Тони Тотто. Они посетили Азербайджан, чтобы определить степень ущерба, нанесенного объектам культуры, образования и архитектуры. Члены миссии были проинформированы об ущербе, который понесли музеи и картинные галереи Азербайджана. Им были переданы документы, фотографии экспонатов и памятников. В феврале 1995 г. Азербайджанский национальный комитет ИКОМ получил решение ЮНЕСКО, адресованное властям оккупированных территорий, в котором был призыв соблюдать правила Гаагской конвенции 1954 г. по защите культурного наследия в случае вооруженного конфликта. Однако власти оккупированных территорий посоветовали ЮНЕСКО по всем вопросам обращаться в министерство иностранных дел самопровозглашенной Нагорно-Карабахской Республики. В свою очередь, Азербайджанский национальный комитет ИКОМ в 1996 г. обратился к Генеральному секретарю национальной комиссии Армении по делам ЮНЕСКО госпоже Асатурян, в котором просил ее разобраться в этом вопросе. Однако все эти меры не возымели какого-либо действия и не привели к прояснению ситуации.

Следует отметить, что в докладе ЮНЕСКО за 1995 г. «Информации об осуществлении конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта» очень поверхностно освещен конфликт вокруг Нагорного Карабаха. К сожалению, здесь ничего не сказано об ущербе, нанесенном Азербайджану в результате военных действий. Хотя можно было бы ожидать, что после многочисленных обращений Азербайджана столь солидная международная организация могла бы обратить более пристальное внимание на ситуацию, касающуюся находящихся в оккупированной зоне азербайджанских культурных ценностей.

К сожалению, приходится констатировать, что, хотя Гагская конвенция, в которой отмечается важность обеспечения международной защиты культурного наследия, и предоставляет возможность для более действенных мер со стороны международного сообщества, международные организации, в том числе ЮНЕСКО, не проявляют должной активности в обеспечении безопасности культурных ценностей Азербайджана, оставшихся в оккупированной зоне.

Большая роль ЮНЕСКО и ИКОМ в судьбе культурных и исторических памятников, находившихся в зоне военных действий на территории бывшей Югославии, общезвестна. Техническая, материальная и экономическая помощь, оказанная ЮНЕСКО для обеспечения безопасности культурного наследия Хорватии, Боснии и Герцеговины, позволяет надеяться на подобное содействие и в отношении Азербайджана. Вместе с тем в целях минимизации потерь культурных ценностей необходимо и самим принимать оперативные, кардинальные меры.

Ратифицировав Гагскую конвенцию, Азербайджан рассчитывал на действенность механизмов этого международного документа. Однако, как показала практика, надеждам Азербайджана пока не суждено было сбыться. Вместе с тем указанная Конвенция содержит достаточно много поло-

жений, применение которых могло бы внести ясность в судьбу культурных и исторических памятников в Карабахе.

Следует обратить внимание на п. 1 ст. 18 Конвенции, в которой говорится о том, что «настоящая Конвенция будет применяться в случае объявленной войны или всякого другого вооруженного конфликта, который может возникнуть между двумя или несколькими Высокими Договаривающимися Сторонами, даже если состояние войны не было признано одной или несколькими из них». Нам кажется, что в данном случае это положение можно было применить к Армении, которая ратифицировала в 1993 г. Гаагскую конвенцию и является непосредственным участником вооруженного конфликта в Нагорном Карабахе. При этом на Армению можно было бы возложить ответственность за культурные ценности Азербайджана, оставшиеся в зоне оккупации. Это не противоречило бы и регламенту урегулирования армяно-азербайджанского конфликта, принятому ОБСЕ и признающему сторонами в конфликте Армению и Азербайджан. В таком случае, если Армения является международно-признанной стороной в конфликте, то на нее должны распространяться все положения Конвенции по обеспечению охраны и сохранению азербайджанских культурных ценностей.

Важно отметить, что ст. 19 Конвенции призывает стороны, участвующие в конфликте на территории одной из стран, подписавших Конвенцию, применять положения, касающиеся бережного отношения к культурным ценностям. При этом ЮНЕСКО может предлагать свои услуги конфликтующим сторонам, что, однако, никак не будет затрагивать их юридический статус. На наш взгляд, данное положение дает ЮНЕСКО широкие возможности для более активного включения в процесс выявления, защиты, а при необходимости, и реституции культурных ценностей Азербайджана, оказавшихся в оккупированной зоне.

В данном случае, как нам представляется, можно было бы применить и ст. 22 Гаагской конвенции. Согласно этой статье, одна из конфликтующих сторон может воспользоваться услугами держав-покровительниц. Нам кажется, что при активном содействии ЮНЕСКО под эгидой одной из этих стран на нейтральной территории можно было бы провести совещание представителей Армении, Азербайджана, в том числе Нагорного Карабаха, отвечающих за вопросы защиты культурных ценностей. Возможно, это стало бы первым шагом на пути урегулирования конфликта и создало бы условия для восстановления прерванных войной гуманитарных связей.

В заключение хотелось бы призвать международные организации и всю мировую общественность не быть равнодушными к судьбе исторических и культурных ценностей Азербайджана, которым угрожает полное уничтожение. Азербайджан со своей стороны предпринимает усилия для выявления степени сохранности памятников. Однако этого явно недостаточно. Мы пока не можем контролировать ситуацию на оккупированных территориях, поэтому Азербайджан нуждается в активном участии ЮНЕСКО в решении этой проблемы.

Что касается экономического, материального ущерба, нанесенного нашему государству в результате армянской агрессии, то его масштабы также огромны. Достоверно известно, что оккупированные районы Азербайджана подверглись тотальному разграблению и разрушению. С начала агрессии против Азербайджана захвачены, разграблены и сожжены 877 населенных пунктов. На всех захваченных территориях армянскими агрессорами была проведена политика «выжженной земли и этнической чистки», в результате чего были полностью разграблены и разрушены 150 тыс. домов и квартир общей площадью 9,1 млн. кв. м, и из своих родных мест были полностью изгнаны и оказались на положении беженцев более 1 млн. человек.²⁷³ Это тот редкий случай, ко-

гда на оккупированной территории абсолютно не осталось представителей местного населения.

В оккупированных зонах полностью расхищены и выведены из строя около 6000 промышленных, сельскохозяйственных и других предприятий. Выведены из севооборота и пришли в упадок более 1 млн. га сельскохозяйственных угодий, в том числе 127,7 тыс. га орошаемых земель и 34,6 тыс. га виноградных и фруктовых садов. Полностью уничтожена 1203-километровая разветвленная ирригационная инфраструктура, которая включала 5 водохранилищ общей вместимостью 674 млн. куб. м, 7296 гидротехнических сооружений, 36 насосных станций и 26 поливных систем. Оборудование ирригационной системы частично вывезено в Армению, а оставшаяся часть выведена из строя. В результате уничтожения ирригационной системы в Нагорно-Кара-бахском регионе, являвшейся частью единой ирригационной инфраструктуры Азербайджана, 120 тыс. га земельных угодий в 5 районах республики за пределами оккупированных территорий остались без орошения и практически выведены из хозяйственного оборота.²⁷⁴

Ущерб, нанесенный в результате агрессии только сельскохозяйственным угодьям Азербайджана, оценивается приблизительно в 472 млн. долл. США.²⁷⁵

В оккупированных районах было разграблено и угнано за пределы Азербайджанской Республики 244 тыс. голов мелкого рогатого и 69 тыс. голов крупного рогатого скота. В зоне оккупации осталось 70% летних пастбищ Азербайджана.²⁷⁶

Пришли в упадок и запущенность 4366 объектов социального и медицинского обслуживания, в том числе 690 средних школ, 855 дошкольных учреждений, 4 санаторно-курортных комплекса, 490 больниц и других объектов здравоохранения. Полностью уничтожена инфраструктура в 7 оккупированных районах. Демонтированы и вывезены из Азербайджанской Республики автоматические телефонные

станции на 35 тыс. абонентов, 2500 единиц трансформаторов и 14,5 тыс. км электролиний. Взорваны и выведены из строя 160 мостов общей протяженностью 3834 м. Пришли в негодность 800 км автомобильных дорог. Полностью уничтожены 2,3 тыс. км линий водопроводов, 2 тыс. км линий газопроводов и 35 газораспределительных пунктов, а также 240 км линий канализации²⁷⁰.

В ходе боевых действий и последующей оккупации непоправимый урон нанесен природе Азербайджана. В результате армянской агрессии под оккупацией осталось 280 тыс. га лесов (или 25% лесопокрытых площадей республики), 2 госзаповедника и 4 госзаказника, а также более 200 палеонтологических, фаунистических и геологических памятников природы. Армянскими агрессорами проводится планомерная политика экоцида в отношении природы Азербайджана. За счет вырубки и уничтожения горных лесов на оккупированных территориях Азербайджана в Армении стало бурно развиваться производство деревообработки. Только в 1993 г. с захваченных территорий в Армению было вывезено 206,6 тыс. куб. м ценных пород древесины. В результате массовой вырубки ценных и других пород деревьев начался процесс эрозии и опустения²⁷⁸.

Невосполнимый урон нанесен фауне оккупированного региона. Биологическое разнообразие данного региона находится под угрозой, поскольку идет бесконтрольное истребление фауны, многие виды которой включены в Красную книгу. Таким образом, только лесному и охотничьему хозяйству Азербайджана нанесен ущерб на сумму более 1 млрд. долл. США.²⁷⁹

На оккупированных территориях проводится политика варварской эксплуатации и разорения минеральных ресурсов региона. Полезные ископаемые оккупированных районов, добываемые на 2 золотоносных, 4 ртутных, 2 хромитных, 1 свинцово-цинковом, 1 медном и 1 сурьмяном месторождениях, вывозятся на обогатительные предприятия

Армении, что и стало причиной циничных притязаний Армении стать одним из лидирующих мировых экспортеров драгоценных, редких и цветных металлов. Вершиной цинизма стало заключение договора с канадской компанией «Ферст Дайнести Майнс» о совместной разработке и эксплуатации Союдлинского (Зодского) месторождения золота, расположенного в оккупированном Кяльбаджарском районе Азербайджана. Армения ожидает получить с данного месторождения 5,25 т золота, а в дальнейшем увеличить его добычу до 13 т. в год²⁸⁰.

Помимо драгоценных, редкоземельных и цветных металлов с оккупированных территорий в больших количествах вывозятся в Армению полудрагоценные, декоративные и высококачественные облицовочные камни - перлитин, обсидиан, мрамор, травертин, а также строительные материалы (камень, песок, гравий и т.д.). Бесконтрольный массовый вывоз строительных материалов и облицовочного камня стал причиной строительного бума, имеющего место в последние годы в Армении, а также значительной статьёй экспорта для Армении за счет продажи облицовочного камня за рубеж. Например, в 1999 г. Армения при посредничестве американской компании «Dicalite» запланировала экспорт 200 тыс. перлитина.²⁸¹

Ежегодно с оккупированных территорий Азербайджана вывозится несколько десятков миллионов бутылок с природной минеральной водой типа «Карловы Вары», добываемой из источника Исти-Су и других источников. Экспорт минеральной воды с оккупированных территорий Азербайджана составляет значительную долю валютных поступлений в бюджет Армении.

Общая стоимость нанесенного ущерба в результате агрессии Республики Армении против Республики Азербайджан, по предварительным и не до конца установленным данным, составляет более 22 млрд. долларов.²

Однако, как свидетельствуют многочисленные факты из истории международных отношений, вооруженные конфликты, где бы они ни происходили, всегда несут неисчислимые бедствия втянутым в них народам. При этом также оказывается перечеркнутым не только длительный опыт мирных, добрососедских отношений, но под серьезной угрозой оказываются различные общечеловеческие ценности народов, оказавшихся в районе боевых действий. Особенно это касается культурно-исторического наследия, памятников зодчества, которые могут представлять ценность как для воюющих сторон, так и всего мирового сообщества. Не меньший ущерб в результате такого конфликта наносится экономическим интересам и национальному развитию противоборствующих сторон.

Так, по данным правительственной комиссии, в результате конфликта в Абхазии значительный материальный ущерб был нанесен экономике Абхазии: только за 1992-1993 гг. он составил 11, 3 млрд. долл. США²⁸⁴. В числе наиболее пострадавших - памятники архитектуры и градостроительства, научно-исследовательские институты и вузы (1,4 млрд. долл. США), топливно-энергетический комплекс и транспортная инфраструктура республики (по 2,1 млрд. долл. США). Урон, нанесенный агропромышленному комплексу в области растениеводства в результате экологических последствий войны за указанный период, составил 8,7 млн. долл. США, а в животноводстве - 0,8 млн. долл. США

Огромные потери в ходе этого конфликта понес и широко известный культурно-туристический комплекс Абхазии. Так, большая часть туристической инфраструктуры (12 тыс. гостиничных мест) была практически парализована и находилась в законсервированном состоянии, и только начиная с 1999 г. стала постепенно восстанавливаться. Если в 1996 г. в республике побывало всего 7,5 тыс. отдыхающих, то в 2000 г. - более 25 тыс., а в 2003 г. - свыше 160 тыс. человек²⁸⁶. Это, безусловно, способствовало появлению средств

для таких целей, как воссоздание прежней инфраструктуры отдыха и санаторно-курортного лечения, развитие услуг и других видов предпринимательской деятельности. Как видно, вооруженный конфликт в Абхазии оказал значительное пагубное воздействие на экономику и природу этого региона. Кроме приведенных данных, следует отметить и некоторые другие негативные последствия, выразившиеся, в частности, в том, что местное население для выживания, вынуждено было вырубать леса на дрова, распахать крутые склоны, подверженные эрозии, содержать чрезмерное поголовье скота, вести несоразмерный промысел дичи и рыбы. Естественно, это не могло не сказаться и на ущербе экологической системе республики в целом, что, в свою очередь, подрывало природные, экологические процессы.

Другими важными и ощутимыми последствиями данного конфликта явилось перемещение большого количества людей (беженцев) из тех регионов Абхазии, которые больше всего пострадали в ходе войны. По некоторым данным, общая численность беженцев и вынужденных переселенцев в результате конфликта в Абхазии составила 270 тыс. человек.²⁸⁷

Проблемы реабилитации районов, пострадавших от вооруженного конфликта в Абхазии, подъем жизненного уровня населения и вопросы последующего планирования социально-экономического развития республики - одна из ключевых проблем урегулирования этого конфликта и ликвидации его последствий. Вместе с тем фактором, отрицательно влияющим на процесс урегулирования конфликта в Абхазии и нормализации отношений между противоборствующими сторонами, является и низкий уровень безопасности в регионе.

Что касается возникновения и последствий конфликта в Южной Осетии, то, как известно, противоречия между этими народами были обусловлены длительными внешними и внутренними политическими и экономическими причина-

ми и факторами. Определенный интерес представляют данные Совместной контрольной комиссии (СКК)²⁸⁹ - органа в грузино-осетинском переговорном процессе. Согласно этим данным, в результате военных действий в 1989-1992 гг. в Южной Осетии погибло более 1000 человек, около 1700 были ранены, более 100 - пропали без вести, свыше 100 деревень и сел - сожжены и разрушены, в том числе целые кварталы в г. Цхинвали. Тысячи жителей Южной Осетии, потеряв дома, стали беженцами: например, только в Северную Осетию бежало около 100 тыс. человек. Серьезный ущерб был нанесен и экологии Южной Осетии, территория которой в результате конфликта была по существу разделена на две зоны, контролируемые соответственно грузинской и осетинской сторонами. Однако процессу урегулирования данного конфликта препятствуют и некоторые дестабилизирующие факторы - социальная разобщенность, политическая неопределенность и особенно экономическое неблагополучие в Грузии.

ГЛАВА V. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ МЕХАНИЗМА ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НА ЦЕНТРАЛЬНОМ КАВКАЗЕ

5.1. Учреждение современных международных уголовных трибуналов и их основные особенности

Как уже отмечалось, необходимым условием эффективной борьбы с международными преступлениями является организация соответствующего взаимодействия международного и внутригосударственного права, что, в свою очередь, рассматривается как один из решающих факторов формирования нового международного уголовного правопорядка. Своеобразие, на наш взгляд, заключается в том, что так называемые «конвенционные международные преступления» должны преследоваться и быть наказуемы в соответствии с нормами внутригосударственного права, и на основе конвенций в последние могут быть включены новые составы преступлений.

Исходя из практики и фактов международных отношений, особенно за последние десятилетия, наряду с такими международными преступлениями, как захват заложников, терроризм и некоторые другие, в особую категорию международных преступлений превратились военные преступления в период межэтнических межнациональных вооруженных конфликтов. Это обстоятельство, по-видимому, служит основанием для введения во внутригосударственное уголовное законодательство некоторых стран специальных разделов, посвященных преступлениям против мира и безопасности человечества, как это было сделано, в частности, в Уголовном кодексе Российской Федерации.²⁹⁰

Основываясь на своих конституционных положениях и в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, российское уголовное законодательство, таким образом, отразило существующую в на-

стоящее время тенденцию предания собственному уголовному законодательству международного характера, хотя не включило в свой уголовный кодекс конституционную норму

о приоритете международного права.²⁹¹

Другая важная особенность заключается в том, что согласно общему международному праву, нормы о каких-либо преступлениях должны быть применимы независимо от наличия соответствующего уголовного законодательства. Тем более, что по конституции подавляющего большинства государств общепризнанные договоры представляют собой составную часть их правовой системы. Об этом говорится и в Конституции Азербайджанской Республики 1995 г. (п. 2 ст. 1; п. 3 ст. 8; п. 2 ст. 12; п. 3 ст. 71 и др.). Поэтому не случайно реализация положений международно-правовых актов в национальном законодательстве предполагает также создание механизма защиты прав человека с помощью различных правовых институтов.

Как видно, важное значение в процессе реформ уголовно-правового характера имеет вопрос о криминализации преступлений против человечества, а также вопрос о необходимости присоединения к основным международно-правовым документам в этой области. Имеется в виду факт присоединения Азербайджанской Республики (в мае 1996 г.) к Конвенции 1948 г. о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Речь идет, таким образом, о конкретных мероприятиях в целях имплементации и обеспечения соответствия международно-правовых норм и внутригосударственного азербайджанского уголовного законодательства, что предусматривает закрепление в разрабатываемом уголовном кодексе республики нормы об ответственности за данные преступления.

Важными, с точки зрения развития отечественного законодательства, являются положения Указа Президента Азербайджана Г.А. Алиева (от 28 марта 1988 г.) «О геноциде азербайджанцев», в котором дается анализ и международно-

правовая оценка как историческим фактам прошлого, так и военным преступлениям настоящего времени, в том числе в связи с нагорно-карабахским конфликтом.

Существенным является также присоединение Азербайджанской Республики к Женевским конвенциям о защите жертв войны (1949 г.), что, естественно, обуславливает установление соответствующей уголовно-правовой ответственности за применение запрещенных международным гуманитарным правом методов и средств ведения войны, включающих в себя жесткое обращение с военнопленными, мирными гражданами, военными и другие преступления против человечества.

Продолжая исследование проблемы учреждения современных уголовных трибуналов, следует отметить, что особый научный и практический интерес представляет вопрос об их юрисдикции и то, как их уставы, в частности, учрежденные Советом Безопасности ООН, решают эту проблему. Обращает на себя внимание тот факт, что, во-первых, национальный суд не может привлекать к уголовной ответственности лицо за деяние, за которое оно уже было судимо Международным трибуналом; во-вторых, лицо, осужденное национальным судом за серьезные нарушения гуманитарного права, может быть привлечено к уголовной ответственности, если соответствующее противоправное деяние было квалифицировано как обычное преступление или судебное разбирательство предназначалось для того, чтобы оградить обвиняемого от международной уголовной ответственности.

Как видно, факторы высокого взаимодействия и взаимозависимости в аспекте международных отношений за последнее время и возникших в результате этого потребностей создания нового уголовного миропорядка способствовали появлению новейших институтов современного международного права, одним из которых является Международный уголовный суд.²⁹²

Такие международные уголовные суды были учреждены известными решениями Совета Безопасности ООН²⁹³ юрисдикция которых носит ограниченный личностями, во времени и пространстве характер.

Другой особенностью этих резолюций является то, что Совет Безопасности обосновал их ссылкой на гл. VII Устава ООН, в которой, как известно, речь идет о его полномочиях в случае угрозы миру и актов агрессии. Это позволяет также отметить, что все его полномочия относятся к государствам, а не к юридическим лицам (индивидам). А в связи с тем, что никто не может передать прав больше, чем имеет сам, то учреждение последних трибуналов, как видно, основано на широком толковании Устава ООН. С другой стороны, как это обнаруживается из документов, наиболее убедительное обоснование из числа выдвинутых тогда Генеральным Секретарем ООН положений состоит, на наш взгляд, в том, что другого пути не было, а нормальный путь (способ), т.е. путь заключения договора, потребовал бы значительного времени для его разработки и ратификации, и трибуналы в этом случае утратили бы свой смысл.²⁹⁴

Примечательна преамбула в резолюции Совета Безопасности ООН об учреждении Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии (№ 808 от 22 февраля 1993 г.), в которой содержится ссылка на п. 10 другой резолюции Совета Безопасности (№ 764 от 13 июля 1992 г.), где вновь подтверждалось, что все стороны должны соблюдать обязательства по международному гуманитарному праву, в частности, Женевским конвенциям 1949 г., и что лица, которые нарушают или отдают приказ о грубом нарушении этих конвенций, несут личную ответственность за такие нарушения.

Формулировки о «серьезных нарушениях международного гуманитарного права» вошли в уставы обоих три-

буналов. К таким нарушениям были отнесены, в первую очередь, нарушения общепризнанных норм о защите жертв войны, как они были отражены в конвенциях, составляющих так называемое «право Женевы», а также правилах ведения войны, как они отражены в «праве Гааги», т.е. в Конвенциях 1907 г. и приложениях к ним. Принципиальным положением является отнесение к этим нарушениям геноцида и преступления против человечества.

Что касается трибунала по Руанде, то он несколько отличается от «югославского», хотя бы тем, что был учрежден для суда над преступлениями, которые были совершены в конфликте, так сказать, немеждународного характера. В этой связи и применение международного гуманитарного права имеет несколько иной объем. Тем же обстоятельством объясняется и то, что в «руандийском» уставе говорится о преступлениях против человечности, а также о нормах, которые относятся к конфликтам немеждународного характера, как они указаны, в частности, в ст. 3 «права Женевы» и во втором дополнительном протоколе к ним (1977 г.). Тем не менее, и в этом уставе среди преступлений против мира и человечности геноцид фигурирует на самом видном месте.

Наряду с этим, есть и другие отличительные черты и особенности, заслуживающие особого внимания. Так, в уставах к трибуналам подтверждено, что официальное положение обвиняемого, будь то глава государства или правительства, не освобождает его от уголовной ответственности (соответственно п. 2 ст. 7 и п. 2 ст. 6). Кроме того, они должны нести ответственность и за то, что не предотвратили совершение преступлений своими подчиненными, что само по себе является совершенно новым положением.

Важное значение также имеет резолюция Совета Безопасности ООН № 827 от 25 мая 1993 г., п. 2 которой постановил учредить Международный трибунал с единственной целью судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного пра-

ва, совершенные на территории бывшей Югославии в период с 1 января 1991 г. и по дату, которая будет определена Советом Безопасности после восстановления мира, и утвердить для этого Устав Международного трибунала, прило-

женный к вышеупомянутому докладу²⁹⁵. При этом в преамбуле данной резолюции указано, что учреждение такого трибунала и судебное преследование ответственных лиц имеют цель способствовать обеспечению прекращения и эффективного исправления нарушений международного гуманитарного права, а также борьбе с преступлениями против человечества.

Как бы то ни было, учреждение международных трибуналов не должно препятствовать деятельности национальных судов в отношении соответствующих особо опасных преступлений и серьезных правонарушений, которые не охватываются юрисдикцией этих трибуналов. В этом смысле деятельность национальных судов в данной области должна только поощряться, хотя в случае возбуждения преследования по одному и тому же преступлению приоритетной должна быть деятельность Международного трибунала.

Согласно ст. 1 Устава, устанавливающей юрисдикцию Международного трибунала, последний полномочен осуществлять судебное преследование лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 г. При этом уточнен сам адресат, на который распространяется такое полномочие, - лица, которые совершили или отдали приказ о совершении серьезных нарушений Женевских конвенций (1949 г.), и перечень действий, направленных против лиц или имущества, которые пользуются защитой соответствующих положений данной Конвенции. Таковыми противоправными и антигуманными действиями признаны: умышленное убийство; пытки и бесчеловечное обращение, включая биологические эксперименты; умышленное причинение тяжелых страданий или серьезного увечья или нане-

сение ущерба здоровью; незаконное, произвольное и проводимое в большом масштабе разрушение и присвоение имущества, не вызываемое военной необходимостью; принуждение военнопленного или гражданского лица служить в вооруженных силах неприятельского государства; умышленное лишение прав военнопленного или гражданского лица на беспристрастное и нормальное судопроизводство; незаконное депортирование, перемещение или арест гражданского лица; взятие гражданских лиц в качестве заложников.

Важным обстоятельством в смысле создания прецедента в масштабе современных международных отношений, касающегося не только бывшей Югославии, но и других очагов и международных вооруженных конфликтов, является полномочие подвергать судебному преследованию лиц, нарушивших законы и обычаи войны. На этот счет Устав Международного трибунала также содержит перечень действий (нарушений), который, кстати, не является исчерпывающим: применение отравляющих веществ или других видов оружия, предназначенных для причинения излишних страданий; бессмысленное разрушение городов, поселков или деревень или разорение, не оправданное военной необходимостью; нападение на незащищенные города, деревни, жилища или здания либо их обстрел с применением каких-либо средств; захват, разрушение или умышленное повреждение культовых, благотворительных, учебных, художественных и научных учреждений, исторических памятников, художественных и научных произведений; разграбление общественной или частной собственности (ст. 3).

Как свидетельствуют многочисленные факты из противоправной практики государств, развязавших вооруженные конфликты и оккупировавших территории других государств, как это имеет место в Европе, на Ближнем Востоке, на Кавказе, в Африке и в других частях земного шара, государства-нарушители и их военнослужащие широко используют перечисленные выше действия, совершая, таким обра-

зом, преступления против мира и безопасности человечества. За эти преступления должны преследоваться в судебном порядке согласно полномочиям соответствующих международных трибуналов, как существующих, так и тех, которые при необходимости могут быть созданы усилиями мирового сообщества.

Очевидно, что если в обозримом будущем дело дойдет до создания Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на Ближнем Востоке, на территории Нагорного Карабаха, в Приднестровье или еще в какой-либо другой «горячей точке» земного шара, при всех существующих ныне реалиях, то «югославский» и «руандийский» прецеденты как результат долгих усилий мирового сообщества в борьбе с любыми преступлениями против человечества, а также накопленный опыт в этой области будут иметь, без преувеличения, исключительно позитивное значение.

Однако среди разнообразных международных преступлений, серьезных правонарушений против человечества, особо опасных деликтов, которые идут вразрез с основными принципами и нормами международного права и негативно воздействует на всю систему международных отношений, Устав Международного трибунала специально выделяет геноцид (ст. 4). Определяя его понятие как действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую расовую или религиозную группу, Устав конкретно квалифицирует это преступление посредством следующих действий: убийство членов такой группы; нанесение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы; умышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на ее полное или частичное физическое уничтожение; меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы; на-

сильственная передача детей из одной человеческой группы в другую. При этом п. 3 анализируемой статьи содержит положение о наказуемости следующих деяний: «геноцид; заговор с целью совершения геноцида; прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида; покушение на совершение геноцида; соучастие в геноциде».

Как видно из годового доклада Генерального Секретаря ООН о деятельности Организации (за 1995 г.) по делу о «Применении Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (Босния и Герцеговина) против Югославии (Сербия и Черногория)», Председатель Международного суда ООН в марте 1995 г. вынес постановление, продлевающее срок для представления контрмеморандума Югославией (Сербия и Черногория), которая в июне 1995 г. выдвинула предварительные возражения, касающиеся приемлемости и юрисдикции. В июне 1995 г. Председатель Суда вынес постановление, определяющее срок для представления Боснией и Герцеговиной замечаний по этим предварительным возражениям, и производство по существу дела было приостановлено на основании регламента Международного суда.²⁹⁶

По данному вопросу в конце апреля 1996 г. Суд приступил к слушанию югославских предварительных возражений, а 11 июля 1996 г. вынес свое решение, отклонив эти возражения и постановив, что он обладает юрисдикцией вести это дело на основании ст. IX Конвенции о геноциде. Суд также отклонил дополнительное обоснование юрисдикции, на которые ссылались Босния и Герцеговина, хотя постановил, что заявление, поданное последними, является Приемлемым²⁹⁷.

Обращают на себя внимание многолетние усилия Комиссии международного права ООН, которые завершились тем, что геноцид, как и другие антигуманные нарушения, был включен в проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества. Особо следует отметить дея-

тельность Комитета по вопросу об учреждении Международного уголовного суда, который, судя по всему, завершил свою работу над сводным текстом проекта Устава. В этой связи Генеральный Секретарь ООН выразил убеждение в том, что учреждение такого Суда будет в значительной мере «служить сдерживающим фактором против будущих актов насилия, направленных на геноцид, и станет важным шагом в эволюции принципа верховенства права на международном уровне».

Поскольку в современном международном праве признается индивидуальная уголовная ответственность физических лиц за совершенные ими преступления против мира и безопасности человечества, о чем было подробно изложено в других частях исследования, то такая ответственность наступает, как правило, при условии, что их преступные деяния связаны с преступной деятельностью государства. Принципиальным является то, что государства, виновные в совершении преступления, несут международную ответственность, а физические лица несут ответственность уголовную.

Примечательно, что Устав Международного трибунала, определяя персональную юрисдикцию, исходит из того, что она распространяется на физических лиц в соответствии с положениями настоящего Устава. Конкретизированы и условия, при которых наступает личная уголовная ответственность (ст.7). Так, лицо, которое планировало, подстрекало, приказывало, совершало или иным образом содействовало или подстрекало к планированию, подготовке или совершению преступлений, указанных в ст. 2-5 настоящего Устава, несет личную ответственность за это преступление.

Актуальной и закономерной выглядит квалификация преступлений против человечества, в отношении которых Международный трибунал также полномочен осуществлять судебное преследование лиц, ответственных за преступления, когда они совершаются в ходе вооруженного конфликта (будь то международного или внутреннего характера) и на-

правлены против любого гражданского населения. Ст. 5 приводит при этом перечень следующих преступлений: убийства, истребление, порабощение, депортация, заключение в тюрьму, пытки, изнасилования, преследование по политическим, расовым и религиозным мотивам и другие бесчеловечные акты.

С учетом того, что официальный статус лица (глава государства или правительства) не освобождает его от уголовной ответственности, п. 3 ст. 7 специально отмечает, что «тот факт, что любое из деяний, упомянутых в ст. 2-5 настоящего Устава, было совершено подчиненным, не освобождает его начальника от уголовной ответственности, если он знал или должен был знать, что подчиненный собирается совершить или совершил такие деяния, и если начальник не принял необходимых и разумных мер по предотвращению таких деяний или наказанию совершивших их лиц». Устав также предусматривает норму в отношении тех обвиняемых, которые действовали по приказу лиц, обладающих высоким официальным статусом. Установлено, что такие обвиняемые, тем не менее, не освобождаются от уголовной ответственности, хотя это обстоятельство («приказ сверху») может рассматриваться как одно из оснований для смягчения наказания, если Международный трибунал признает, что этого требуют интересы правосудия.

Существенно и то, что оба устава (и «югославский», и «руандийский») содержат соответствующие и почти идентичные статьи, регламентирующие вопрос о наказаниях. Так, в ст. 24 сказано, что «наказание, назначаемое Судебной камерой, ограничивается тюремным заключением. 1. При определении сроков тюремного заключения Судебные камеры руководствуются общей практикой вынесения приговоров о тюремном заключении в судах бывшей Югославии. 2. При вынесении приговора Судебные камеры учитывают такие факторы, как тяжесть преступления и конкретные обстоятельства, касающиеся личности подсудимого. 3. Поми-

мо тюремного заключения, Судебные камеры могут отдавать приказ о возвращении любого имущества и доходов, приобретенных в результате преступного поведения, в том числе путем принуждения, их законным владельцам». Таким образом, тюремное заключение является единственной мерой наказания, хотя не исключено принятие решения о конфискации имущества, добытой преступным путем, и его возвращении законным владельцам собственности.

На несколько ранней стадии выработки положений «югославского» Устава в докладе на эту тему Генерального Секретаря ООН специально было отмечено, что трибунал не должен быть наделен компетенцией (полномочием) налагать при вынесении меры наказания смертную казнь.

Обстоятельства, касающиеся разработки данного положения, примечательны тем, что, в частности, проект Устава Международного уголовного трибунала, предусматривал более детальную регламентацию применимых мер наказания. Кстати, в п. 1 ст. 47 указаны меры наказания, которыми Суд может руководствоваться при определении соответствующего наказания в связи с каким-либо конкретным делом. Ими являются лишение свободы на любой срок, вплоть до пожизненного заключения, и штраф в конкретно указанном размере. Также было сказано о неправомерности назначать Судом смертную казнь.

Эта же статья проекта (п. 2) при определении срока лишения свободы или суммы штрафа обязывала Суд учитывать соответствующие положения национального права государства, которые имеют конкретную связь с лицом или совершенным преступлением, а именно: государство, гражданином которого является осужденный; государство, на территории которого было совершено преступление; государство, в котором обвиняемый содержался под стражей и которое имело над ним юрисдикцию.

Наряду с этим, предварительный проект Устава (1993г.) содержал положение, согласно которому Суд мог

вынести постановление о реституции или конфискации имущества, использовавшегося в связи с данным преступлением. Однако некоторые члены Комиссии международного права ООН, разработавшей положения проекта, отвергли способность Суда определить, в частности, право собственности на краденое имущество в отсутствие иска со стороны первоначального законного владельца, который, по мнению противника, необходимо рассматривать в отдельном порядке. Некоторые доказывали, что нецелесообразно Суду выносить постановления о возвращении краденого имущества, поскольку эта мера, как они считают, больше подходит для гражданского, чем уголовного судопроизводства. Кроме того, высказывались мнения о том, что предоставление Суду полномочий по рассмотрению таких вопросов было бы не совместимым с его основной функцией — безотлагательным преследованием и наказанием исполнителей преступлений, указанных в Уставе. При этом Комиссия считала, что эти вопросы лучше было бы оставить на усмотрение национальных судов и для урегулирования в международных соглашениях об оказании судебной помощи.³⁰⁰

Небезынтересно и то, что некоторые члены Комиссии считали необходимым предусматривать в исключительных случаях иные санкции, чем содержание под стражей. В этой связи Суд, по их мнению, должен располагать полномочиями приговорить осужденного к выполнению общественных работ на благо потерпевшего и всего общества в целом. Подчеркивалось также и то, что Суд будет заниматься только наиболее тяжкими преступлениями, в связи с чем наказание в виде «общественных работ» явно неприемлемо³⁰¹.

Структурно, в соответствии с Уставом, «югославский» Международный трибунал состоит из трех камер (две судебные и одна апелляционная), прокурора и секретаря. Каждая судебная камера состоит из трех судей, а апелляционная - из пяти (всего одиннадцать). Примечательно, что в целях

экономии средств апелляционная камера служит такой же камерой «руандийского» Международного трибунала.

Соответствующая процедура предусмотрена в отношении кандидатов в судьи, которые предлагаются государствами и по представлению Совета Безопасности ООН избираются Генеральной Ассамблеей сроком на пять лет: они могут быть переизбраны на новый срок. Кандидаты в судьи должны обладать необходимым опытом и знаниями в области уголовного и международного права (включая гуманитарное право и права человека), не говоря уже о знании одного из рабочих языков (английского или французского). Все это превращает процедуру подбора кандидатов в разряд непростых вопросов. Что касается судей, то они сами принимают правила процедуры, т.е., по существу, собственный процессуальный кодекс.

Другой особенностью является то, что прокурор должен действовать независимо, как самостоятельный орган трибунала, и по представлению Генерального Секретаря ООН он назначается Советом Безопасности на четыре года. Кстати, прокурор для Югославии является также прокурором для Руанды. Он вправе начинать расследование по собственной инициативе или на основании информации, полученной от правительств, органов ООН, межправительственных и даже неправительственных организаций. При проведении расследования государства обязаны оказывать прокурору необходимое содействие. Обвинительное заключение утверждается Судебной камерой, после чего выдается ордер на арест или издается приказ о заключении под стражу.

В соответствии с международным пактом о гражданских и политических правах обвиняемому должны быть обеспечены его права. Трибунал также обязан предпринять меры для защиты пострадавших и потерпевших: отбывание тюремного заключения предусмотрено в том государстве, которое определяется трибуналом на основе списка государств, выразивших на это согласие.

Исходя из логики и здравого смысла, государства должны активно содействовать международным трибуналам в осуществлении возложенных на них уставами функций. Поэтому не случайно в этих уставах содержится ссылка на гл. VII Устава ООН, по которой государства обязываются принимать необходимые меры для реализации соответствующих решений. В этой связи уставы «югославского» и «руандийского» трибуналов обязывают государства оказывать помощь, включая розыск и опознание, снятие показаний и выявление доказательств, арест и задержание, передачу обвиняемого трибуналу. Между прочим, данное обстоятельство, вероятно, требует внесения соответствующих положений в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство государств.

Определенным вкладом в развитие современного международного уголовного права и становление нового уголовного миропорядка являются аналогичные «югославскому» трибуналу положения «руандийского» трибунала, имеющие одинаковую цель - «судебное преследование лиц, ответственных за геноцид и другие серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории Руанды, и граждан Руанды, ответственных за геноцид и другие подобные нарушения, совершенные на территории соседних государств в период с 1 января 1994 г. по 31 декабря 1994 г.». Однако различие заключается в том, что Совет Безопасности ООН, принимая 8 ноября 1994 г. резолюцию № 955, сделал это, получив просьбу правительства Руанды.³⁰² Другое отличие касается ст. 1 - «Юрисдикция Международного трибунала по Руанде», в которой при сравнении с «югославским» сказано о судебном преследовании лиц, ответственных за нарушения, совершенные на территории Руанды, и граждан Руанды на территории соседних государств в период с 1 января 1994 г. по 31 декабря 1994 г. Далее, нет положений о судебном преследовании лиц, ответственных за нарушения законов и обычаев войны,

хотя конкретизирована норма (в ст. 4) о нарушении ст. 3, общей для Женевских конвенций 1949 г.³⁰⁴ о защите жертв войны и Дополнительного Протокола II к ним 1977 г. При этом приводится перечень противоправных антигуманных деяний, который не является исчерпывающим: посягательство на жизнь, здоровье и физическое и психическое благополучие лиц, в частности, убийство, а также жестокое обращение, как, например, пытки, увечья или любые формы телесного наказания; коллективные наказания; взятие заложников, акты терроризма; посягательство на человеческое достоинство, в частности, оскорбительное и унижающее обращение, изнасилование, принудительная проституция и любые формы непристойного нападения; мародерство; осуждение непристойного нападения; осуждение и применение наказания без предварительного судебного решения, вынесенного надлежащим образом, учрежденным судом, при наличии судебных гарантий, признанных необходимыми цивилизованными нациями; угрозы совершения любого из вышеперечисленных деяний, и некоторые другие отличия, включая местопребывание трибуналов.³⁰⁵

Можно отметить, как минимум, три следующих серьезных обстоятельства, способствующих принятию резолюции № 955 об учреждении Международного трибунала по Руанде. Это, во-первых, необоснованная задержка предания суду лиц, причастных к геноциду 1994 г. в результате актов массового истребления в отношении групп тутси со стороны определенных преступных элементов группы хуту, действия которых, по мнению независимой комиссии экспертов (в октябре 1994 г.), были квалифицированы как геноцид по смыслу Конвенции ООН 1948 г. Серьезным для безопасности и экономики соседнего Заира явился факт прибытия (в провинцию Киву) более миллиона беженцев в июле 1994 г., когда в Руанде разразилась жестокая гражданская война. Во-вторых, сложности с национальным примирением и проблемой безопасного возвращения беженцев и перемещенных

внутри Руанды лиц, непричастных к совершению актов геноцида, для чего нужна помощь международного сообщества. В-третьих, поляризация этнических групп как в Руанде, так и в Бурунди при огромном количестве вооружения, проницаемость (прозрачность границ) перемещения беженцев и другие факторы, влияющие на стабильность в регионе в лучшем случае и чреватые взрывом крупномасштабного вооруженного регионального конфликта - в худшем.

Как известно, обстановка до принятия резолюции по «югославскому» трибуналу характеризовалась активными усилиями мирового сообщества и самой ООН на фоне бесконечных нарушений прекращения боевых действий, преступлений против человечества, разнообразных посягательств на права и свободы человека. Другими отличительными чертами кризиса были затяжные конфликты, непрекращающаяся вражда, нарушение договоренностей и т. д. Поэтому никакие усилия, направленные на достижение путем переговоров мирного урегулирования конфликтов и нерешенных проблем, не давали положительных результатов.

Только 16 декабря 1995 г. Международный трибунал по бывшей Югославии утвердил обвинительные заключения в отношении лидеров боснийских сербов, учитывая их прямую и личную ответственность за жестокие преступления, учиненные в отношении жителей Сребреницы из числа боснийских мусульман (в июле 1995 г.), после того как этот анклав был захвачен силами сербов.³⁰⁶

Как отмечается в годовом докладе о работе ООН (за 1997 г.), в 1997 г. в деятельности «югославского» Международного трибунала произошло важное событие - вынесение первого приговора и решение о наказании. Поворотным пунктом в его отношениях с международными силами и национальными властями стал арест и передача в Гаагу трех обвиняемых.

Что касается «руандийского» Международного трибунала, то он, как указывается в том же докладе, «вернулся

на позиции, утраченные из-за проблем административно-управленческого характера, и в настоящее время по трем делам ведется судебное разбирательство, 21 обвиняемый ожидает суда».³⁰⁷

Само собой разумеется, что вопрос о результативности и эффективности международных трибуналов является одним из главных вопросов их деятельности. Так, по данным на октябрь 1997 г., десять боснийских хорватов, которые были обвинены в военных преступлениях против мусульман в Боснии, совершенных в ходе вооруженного конфликта, предстали в Гааге перед Международным уголовным трибуналом.³⁰⁸

Своеобразие «югославского» и «руандийского» судебнo-юридического механизма заключается, в частности, в том, что сбором материалов о совершенных преступлениях с помощью следователей и собственного аппарата занимается главный обвинитель трибунала³⁰⁹. По всему собранному материалу составляется обвинительное заключение, передаваемое затем на рассмотрение судей, которые в случае согласия выдают ордер на арест. Данный ордер должен быть отправлен властям того государства, где предположительно находится обвиняемый. В случае его неисполнения выдается международный ордер, который уже обязателен для всех государств-членов ООН.

Вместе с тем практика показывает, что часто постановления трибунала об аресте по тем или иным причинам не выполняются на местах. Учитывая это, в последнее время офис обвинителя изменил тактику и все чаще прибегает к закрытым обвинительным заключениям и закрытым орде-

310

рам на арест. В результате обвиняемого арестовывают, тогда как он даже и не подозревал о существовании ордера на его арест.

Так или иначе, первые аресты обвиняемых в уничтожении заключенных-мусульман в одном из -концлагерей в Боснии произошли в ФРГ, когда в Баварии был задержан

нелегально перебравшийся туда бывший сербский полицейский, который значился в документах австрийской полиции с показаниями 145 боснийцев, представленных в 1993 г. в ООН. Преступники разыскивались с целью предстать перед судом за бесчеловечное обращение с узниками концлагерей, за участие в подготовке массовых нарушений прав человека, совершение военных и других преступлений против человечества.

Профессор Шериф Бассиуни, возглавлявший Комиссию по сбору и анализу документов и игравший, по существу, роль ооновского следователя, собрал к тому моменту более 40 тыс. документов, свидетельствующих о существовании 400 концлагерей, 98 общих могил, в которых захоронены более 3 тыс. трупов, и 3 тыс. женщин, ставших жертвами насилия.³¹¹

Небезынтересны и отдельные акции некоторых западных внешнеполитических ведомств, относящиеся к отправлению международного правосудия над современными военными преступниками. Так, судя по материалам газеты «Вашингтон пост» (за февраль 1999 г.), программа, принятая Госдепартаментом США, предлагает награду до 5 млн. долл. США за предоставление информации, которая может зафиксировать или осудить предполагаемых боснийских военных преступников, включая лидера боснийских сербов Р. Караджича, его бывшего главнокомандующего Р. Младыча и других югославских военных преступников, список которых был составлен рабочей группой Госдепартамента. Как известно, данная программа была разработана в соответствии с законом США, который прошел через Конгресс (в октябре 1998 г.), а через два месяца был подписан президентом Б. Клинтон. Еженедельник «Тайм» (за май 1999 г.), сообщая о плане смещения югославского диктатора, отмечает, что одна из задач, возложенных этим планом на ЦРУ, - привлечь лучших электронных взломщиков, отыскать личные

счета С. Милошевича и его приближенных и снять с них все деньги.

А некоторые западные журналисты даже успели тщательно изучить отдельные стороны закулисной деятельности этого югославского лидера. Судя по собранным данным, С. Милошевич в годы испытаний, выпавших на долю сербов, не забывал о личных материальных интересах. Так, швейцарская газета «Зонтаг Блик» раскопала историю о том, как в 1996 г. он тайно перевел на швейцарские счета своей жены и дочери около 3,5 млн. долл. США. Деньги эти прошли через расположенный в Париже франко-югославский банк. Французские газеты неоднократно писали о виллах на Кипре, Капри, в Греции, которые за последнее время приобрел этот югославский лидер.³¹²

Упомянутая программа расценивается как новый важный инструмент усилий США, направленных на привод военных преступников к правосудию в бывшей Югославии, что, по мнению американской стороны, направлено на обеспечение стабильности и мира в Боснии. При этом высказывается также мнение, что назначение награды не только обнадеживает, но и дает некоторый стимул тем, кто до сих пор не решился предоставить соответствующую информацию.

Известно и то, что американские военные уже задержали командующего боснийскими сербами генерала Р. Кри-стика, обвиняемого в военных преступлениях против югославских мусульман в 1995 г. Но это удалось сделать раньше объявления Госдепартаментом о программе вознаграждения за содействие в поимке и предоставлении информации. Само по себе назначение столь внушительной премии за доставку в суд действующего президента суверенного государства и других виновных в массовых преступлениях югославских руководителей - беспрецедентная мера в современных международных отношениях, и с учетом складывающейся (после прекращения натовских бомбардировок) ситуации, ни-

что, вероятно, не может помешать выдаче их Гаагскому Международному уголовному трибуналу.

Примечательно и то, что весной 1999 г. Международный трибунал по бывшей Югославии впервые возбудил уголовное дело против С. Милошевича, действующего главы государства. Конкретно, в связи с событиями в Косово президент СРЮ обвинялся в преступлениях против человечества, в том числе в организации массовых убийств и репрессий против этнического албанского большинства.

В выданном трибуналом международном ордере на арест главы СРЮ выдвинуты аналогичные обвинения и против президента Сербии М. Милутиновича, вице-преьера федерального правительства Н. Сайновича, начальника генерального штаба югославской армии Д. Ойданича и министра внутренних дел Сербии В. Стожильковича. Речь идет о людях, которые спланировали и осуществили изгнание сотен тысяч албанцев и действия которых являются квалифицирующими для понятия «военные преступления».

Главный прокурор Гаагского Международного трибунала госпожа Луиза Арбур, ускорившая сбор информации о военных преступлениях, располагает достаточными доказательствами причастности всех названных руководителей к депортации 740 тыс. человек и убийству не менее 340 косовских албанцев.³¹

Как видно, Гаагский трибунал сделал то, к чему призывали с начала натовских бомбардировок почти все западные руководители, хотя югославский президент, по всей видимости, рассчитывал на иммунитет от уголовного преследования. Однако обвинение против С. Милошевича, являющегося одновременно главнокомандующим югославской армией, было выдвинуто на основе принципа «ответственности командира» за преступления, совершенные его подчиненными.

Не ставя под сомнение авторитет Гаагского суда, ордер на арест можно расценить, например, как дополнительное

средство давления или способ скомпрометировать Милошевича в глазах собственного народа, или как сведение на нет миротворческих усилий «третьих» государств. Ясно и то, что с объявленными в розыск военными преступниками, каковыми являются президент Югославии и его сподвижники, договориться невозможно даже через их посредников, и им, как загнанным зверям, остается, по-видимому, сопротивляться до последнего.

Многочисленные факты преступлений, совершенные в Косово (одно из них - в селе Рачак, где были обнаружены трупы 40 крестьян-албанцев, расстрелянных сербскими полицейскими и «спецназом»), ускорили решимость Гаагского трибунала активизировать свои расследования. Неопровержимые доказательства того, как сербские силы безопасности проводили массовые расправы над албанским населением края, в виде фотографий со спутника и видеопленки, снятой на юго-западе Косова, представил на одном из пресс-брифингов (в мае 1999 г.) в Госдепартаменте США Дж. Рубин, сделавший заключение: на снимках - трупы людей, лежащих на равных промежутках, примерно в метре один от другого, что является верным признаком массового расстрела.

Некоторым журналистам удалось заснять многочисленные трупы албанцев, в основном пожилых людей, которых трудно выдать за бойцов Освободительной армии Косово, убитых выстрелами в голову. Сами же беженцы рассказывали и о других серьезных преступлениях (о мародерстве, массовых изнасилованиях женщин-албанок и др.), в которых принимали участие не только солдаты и другие боевики-националисты, но и местные сербские крестьяне. Известно, что подобная «тактика» уже применялась сербами и в Боснии, поэтому у Гаагского трибунала есть более чем достаточно оснований привлечь к уголовной ответственности не только «полевых командиров», офицеров-«спецназовцев» и других военных преступников.

Среди крупных военных преступников современности особо выделяется бывший чилийский диктатор А. Пиночет, который, согласно иску властей Испании, должен был отвечать по суду за все преступления, совершенные в годы своего правления. Как известно, парламентский суд Великобритании, на территории которой длительное время находился бывший диктатор, принял решение о том, что тот должен отвечать по суду за все совершенные им преступления, и что процедура экстрадиции его в Испанию должна быть продолжена - за организацию похищений, пыток и убийств людей на территории многих стран. Одним из оснований обвинения является, например, проведение пресловутой операции «Кондор» - совместной акции спецслужб нескольких латиноамериканских диктатур, в задачи которой входили похищения и ликвидация живших в эмиграции чилийских оппозиционеров. Нередко жертвами «Кондора» становились и активисты антидиктаторского движения, не являющиеся гражданами Чили. Кроме того, с Пиночетом жаждут «пообщаться» судьи многих стран, в том числе Франции и Швейцарии.

Английское же правосудие исходит из того, что Великобритания только в 1988 г. присоединилась к Конвенции ООН о выдаче преступников, и поскольку закон обратной силы не имеет, то привлекать бывшего диктатора к уголовной ответственности в английском суде можно только за те преступления, которые были им совершены после 1988 г. Испанский же ордер охватывает довольно-таки основательный временной период - с 1973 по 1990 г., что вполне устраивает активистов различных международных правозащитных организаций и многочисленных ассоциаций жертв пиночетовского режима.

Одна из сложностей данной юридической ситуации заключается в том, что против суда над Пиночетом возражают как чилийские власти, считающие этот шаг неуважением к собственному суверенитету, так и лидеры милитаристских

сил большинства государств Латинской Америки. С этим фактом нельзя не считаться, поскольку после распада антинародных режимов на этом континенте многие их высшие государственные и политические деятели, не говоря о простых исполнителях, продолжают занимать руководящие посты в вооруженных силах этих стран. Иными словами, возникает своеобразная, но вполне реальная ситуация, поскольку у этих «черных полковников» есть все основания опасаться, что вскоре и они, вслед за чилийским диктатором, окажутся на скамье подсудимых где-нибудь вдали от родных мест.

В связи с указанным обстоятельством и с учетом того, что эти милитаристские силы пока еще обладают достаточно мощными рычагами давления на гражданские власти собственных стран, в большинстве латиноамериканских стран в защиту Пиночета, по крайней мере внешне, выступают даже те политики и государственные деятели, которые в недавнем прошлом сами были в положении жертв военно-полицейского произвола и насилия.

С юридической точки зрения, таким образом, можно утверждать, что в настоящее время создан новый и довольно-таки существенный прецедент привлечения, хотя и бывшего диктатора, но в ранге высокопоставленного военного преступника, к суду за пределами той страны, в которой он правил, в то время как у нынешних чилийских руководителей и кругов не хватило то ли политической воли и зрелости, то ли сил и возможностей сделать то же самое у себя на родине. А это, естественно, понуждает подобных ему военных преступников не только сильно беспокоиться за свое будущее, но уж во всяком случае - держаться подальше от тех государств, которые «неравнодушны» к таким преступникам.

Другим из числа современных преступников, правда, меньшим по своему калибру и масштабам своих бесчеловечных деяний, чем бывший чилийский диктатор, является

нынешний президент Того - Гнассингбе Эйдема. Согласно английской «Обсервер» (за июнь 1999 г.), этот западноафриканский диктатор виновен, по мнению правозащитной организации «Международная амнистия», в массовых политических убийствах и преступлениях против человечества. Обвинения против режима Эйдемы строятся на основании неопровержимых фактов и доказательств того, что в Того за последние годы были казнены сотни его оппонентов, тела которых сбрасывали в Атлантический океан с самолетов.

Если эти обвинения, выдвигаемые «Международной амнистией», подтвердятся, то нынешнему президенту Франции Ж. Шираку грозит сравнение с одним из своих предшественников - В.Ж. д'Эстеном, поддерживавшим, как известно, реакционный режим центральноафриканского императора Ж.-Б. Бокассо до тех пор, пока это не стало настолько компрометирующим, что французские отряды сместили его в результате военного переворота в 1979 г.

В практическом и историческом отношении определенный интерес представляет также письмо 30 членов конгресса США, направленное в декабре 1997 г. президенту Литвы (с копией в израильский центр С. Визенталя, занимающийся поисками военных преступников) с возмущением, что до сих пор в Литве не осужден ни один из участников геноцида евреев.

Речь в письме шла о бывшем военнослужащем фашистского карательного батальона, который бежал после войны в США и скрыл при получении американского гражданства факты сотрудничества с гитлеровцами, а затем был депортирован в Литву, где он скончался, так и не будучи привлечен к уголовной ответственности. В этом же письме сказано и о бывшем шефе фашистской полиции безопасности вильнюсского округа, который был депортирован из США в Литву, имел отношение к расстрелам евреев, но не подвергался уголовному наказанию. Оба престарелых военных преступника так и остались безнаказанными благодаря

усилиям и старанию литовского правосудия, хотя геноцид евреев до сих пор является серьезной проблемой между государствами.

Несмотря на то, что многие преступники, совершившие военные преступления, массовые убийства в каунасском гараже «Летукис», бежали за рубеж, однако некоторые были осуждены советским судом, и после восстановления независимости оказались реабилитированными «за сопротивление оккупационным режимам».

В марте 1995 г. президент Литвы, выступая в израильском парламенте, пообещал «публично, последовательно и честно» судить проживающих в его стране участников геноцида евреев, однако этого пока так и не произошло, что и тревожит американских конгрессменов.

Данный факт вновь подчеркивает недопустимость каких-либо задержек, оттягивания в вопросах отправки правосудия в отношении военных преступников, а также приверженность международного права к норме о неприменимости сроков давности к их уголовной ответственности. Это целиком согласуется с положениями Конвенции (1968 г.) о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечности, в которой, как известно, предписано, что представители государственных властей и частные лица, виновные в совершении указанных преступлений и соучастии в них, несут ответственность независимо от времени совершения преступления.

Правда, было бы намного лучше и добросовестнее, если американские конгрессмены или другие представители власти проявили бы такую же настойчивость и возмущенность в отношении собственных граждан - военных преступников, совершивших свои бесчеловечные деяния, например, 30 лет назад во Вьетнаме, или в недавнем прошлом - против населения некоторых арабских стран. Что касается «руандийского» трибунала, то хотя он и его секретариат

расположены в Аруше, но его следователи исполняют свои обязанности в Кигали.

В настоящее время, после вступления в силу Римского Статута, постоянно действует Международный уголовный суд, месторасположением которого является Гаага. Как видно, идея создания Международного уголовного суда, воплощенная в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 46/54 от 9 декабря 1991 г., стала реальностью.

Итак, судя по сложившейся ситуации относительно вопроса о судебном преследовании лиц, ответственных за серьезные преступления против мира и безопасности человечества, ради которых была проделана трудоемкая работа по созданию современных международных трибуналов, очевидно, что далеко не все виновные, особенно из числа руководителей, предстали или предстанут перед этими трибуналами. Слабым утешением выглядит возможность того, что вынесение приговора, в том числе в заочном порядке, тому или иному высокопоставленному преступнику, имеет определенные юридические последствия. В частности, ему не дается право покидать страну, ни одно государство не вправе вступать с ним в официальные контакты и т. д.

С другой стороны, деятельность этих международных органов правосудия представляет большой научный и практический интерес и приобретает особую важность с точки зрения эксперимента, опыта, выработки международных процедур и совершенствования национального законодательства.

Кроме того, анализ положений уставов современных международных уголовных трибуналов, имеющихся результатов их деятельности позволяет сделать вывод о том, что создание данных органов международного правосудия является существенным для развития международного права и формирования нового уголовного миропорядка. В конкретном плане их заслуга заключается в том, что они способствуют учреждению новых международно-правовых институ-

тов и механизмов правосудия, которые действовали бы не только на постоянной основе, как, например, Международный уголовный суд, но и обладали бы универсальной юрисдикцией, распространяющейся на военные и другие серьезные преступления против мира и безопасности человечества.

5.2. Роль Римского Статута Международного уголовного суда и проблемы недопустимости военных преступлений на Центральном Кавказе

Созданные в соответствии с уставными требованиями специальные трибуналы продолжили практику рассмотрения особо опасных преступлений против человечества. Однако региональные вооруженные конфликты, подобные югославскому и руандийскому, происходят во многих частях земного шара, и считается невозможным постоянно создавать специальные трибуналы для того, чтобы привлекать совершивших военные и иные серьезные преступления к ответственности в каждом из регионов. По этой причине сформировалось мнение, что создание подобных специальных трибуналов, даже на основании резолюции Совета Безопасности ООН, в конечном счете, не отвечает положению дел. Именно в этих условиях возродилась идея создания постоянного международного уголовного суда, который бы рассматривал подобного рода преступления, совершенные в различных регионах мира.

Кроме того, одной из особенностей настоящих межгосударственных отношений и современного международного права является, на наш взгляд, достаточная разработанность системы норм, касающихся таких понятий, как военные преступления и преступления против человечества, которые обладают универсальным характером.

Важная веха в многосложном процессе становления и формирования таких норм принадлежит событиям, подобным прошедшей (летом 1998 г. в Риме) дипломатической конференции ООН по учреждению Международного уго-

ловного суда и завершившейся принятием соответствующего Статута³¹⁵ в виде многостороннего международного договора³¹. Благодаря этому был, наконец, ликвидирован один из давнишних пробелов в системе применения международного гуманитарного права.

В современной международно-правовой доктрине общеизвестным является тот факт, что первоначально деятельность в рамках ООН по созданию постоянно действующего Международного уголовного суда была положена сразу же после образования этой Организации, когда появился проект французского судьи Доннедье де Вабра, активно участвовавшего в деятельности Нюрнбергского международного военного трибунала. Так, 13 мая 1947 г. он, как представитель Франции в Комитете Генеральной Ассамблеи ООН по прогрессивному развитию международного права и его кодификации, внес предложение учредить Международный уголовный суд, а через два дня представил соответствующий меморандум по данному вопросу³¹⁷.

Однако первое более или менее серьезное предложение по этому вопросу было сделано еще в 80-е годы прошлого столетия Густавом Муанье, идеи которого достаточно акту-

318

альны и в настоящее время .

Международно-правовое значение Римского Статута достаточно велико, хотя бы потому, что он как бы подвел черту под той продолжительной и трудоемкой работой, которая велась, в первую очередь, Комиссией международного права ООН по кодификации норм ответственности за серьезные преступления против человечества, военных и других преступлений как тягчайших международных преступлений, и в нем была дана исчерпывающая квалификация таких преступлений. Так, в понятие преступлений против человечности (ст. 7 Римского Статута) были введены соответствующие формулировки, составляющие данное понятие: оно состоит из таких противоправных деяний и совершающихся в рамках широкомасштабного или систематического напа-

дения на гражданских лиц, как убийство, истребление, пытки, насильственное исчезновение людей и др. С этой целью п. 2 данной статьи дает исчерпывающее и точное разъяснение квалифицирующих признаков и их составляющих. Например, в пп. «д» имеется определение понятия «преследование», под которым понимается, по смыслу Статута, умышленное и серьезное лишение основных прав вопреки международному праву по признаку принадлежности к какой-либо группе или общности.

Другим достоинством Статута является четкая дифференциация и разграничение преступлений, которые подпадают под юрисдикцию Международного уголовного суда. К таким «самым серьезным преступлениям, вызывающим озабоченность всего международного сообщества», ст. 5 относит следующие четыре вида преступлений: геноцид, преступления против человечности, военные преступления и преступление агрессии.

Современное международное право исходит из необходимости положить конец безнаказанности лиц, совершающих указанные преступления, а также их предупреждения. Поэтому в соответствии с общепризнанными международно-правовыми нормами и принципами обязанностью каждого суверенного государства является осуществление его уголовной юрисдикции над лицами, несущими ответственность за совершение международных преступлений.

С другой стороны, учреждение независимого постоянного Международного уголовного суда, связанного с системой ООН и обладающего юрисдикцией в отношении самых серьезных преступлений, можно рассматривать как своеобразное дополнение национальных органов уголовной юстиции государств на основе гарантий обеспечения международного правосудия в целом.

Следующим важным обстоятельством можно считать окончательно утвердившуюся к настоящему времени тенденцию, которая возникла и получила развитие в междуна-

родном праве, - привлечение к уголовной ответственности индивидов, совершивших серьезные преступления против человечества. Это видно из содержащихся в уставах Нюрнбергского и ТОКИЙСКОГО международных военных трибуналов положений, определивших такие преступления против мира, человечества, военные преступления, что, естественно, дало соответствующий импульс закреплению указанных формулировок в различных международно-правовых актах, включая Римский Статут Международного уголовного суда.

Необходимость судебного преследования лиц, совершивших чудовищные преступления в новейшую эпоху, продолжает побуждать мировое сообщество закреплять в международном праве исключительные нормы, наказывающие виновных за противоправные деяния против мира и безопасности человечества, четко разграничивать квалифицирующие признаки уголовной ответственности индивидов и государства. И если то или иное лицо совершает преступление против человечества «в интересах государства» или «от имени государства», то международно-правовая обязанность наказывать персонально индивидов не может не учитывать вопрос об ответственности государств. Судебное же преследование какого-либо лица за такие преступления, согласно международному праву, не может освободить государство от ответственности за действие или бездействие, ему вменяемое. Здесь первостепенное значение имеют особые юридические признаки и критерии тяжести преступления против человечества, или, иначе говоря, такие деяния, которые затрагивают сами основы существования человеческого общества. Последствия могут, естественно, вытекать из таких элементов, как: а) характер деяния (жестокость, варварство); б) масштаб (массовость, когда жертвами становятся народы, население или этнические группы); в) мотив исполнителя (например, геноцид и др.).

Международно-правовое значение Римского Статута заключается также в том, что его принятие значительно

приблизило решение основной цели - создание постоянно действующего международного органа уголовного правосудия, на который возложено рассмотрение дел лиц, обвиняемых в совершении различных преступлений против мира и безопасности человечества и других преступлений, относящихся к компетенции данного органа на основании, например, международной конвенции.

Как известно, две конвенции: одна - о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (1948 г.), другая - о пресечении преступления апартеида и наказании за него (1973 г.), в которых, наряду с национальной юрисдикцией, оговаривается в качестве альтернативной юрисдикция Международного уголовного суда в отношении преступлений, предусмотренных в этих конвенциях, естественно, для тех государств, которые признают такую юрисдикцию.

Что касается вопроса об учреждении Международного уголовного суда, то еще задолго до принятия Римского Статута были разработаны и определены соответствующие принципы его создания и деятельности: а) Статут как форма многостороннего договора; б) юрисдикция такого Суда должна ограничиваться преступлениями международного характера, включая, разумеется, те, которые предусмотрены самим Статутом; в) Суд как инструмент государств-участников его Статута, без обязательной его юрисдикции; иными словами, вероятно, первоначально само по себе участие в Статуте не означает признания обязательной юрисдикции; г) одна из целей Статута - создание, в случае необходимости, доступного и эффективного юридического механизма международного правосудия.

Следует отметить, что данные принципы нашли свое соответствующее отражение и были закреплены в Римском Статуте, что, естественно, свидетельствует о позитивном развитии и достижении цели в вопросе привлечения к уголовной ответственности индивидов, совершивших тяжкие преступления против человечества, а также их наказания. В

этом смысле положения Римского Статута четко сосредоточивают внимание на таких преступлениях, отдельно определяя их соответствующие разновидности и квалифицирующие признаки.

Далее, положения Статута как бы лишний раз подчеркнули то обстоятельство, что вопрос об ответственности в современном международном праве носит исключительно специфический характер и позволяет говорить о ее большом отличии от одноименного внутригосударственного института. Эта специфика проявляется, в частности, в случаях наступления ответственности индивидов.

Как известно, в международно-правовой литературе послевоенного периода вполне обоснованно утверждалось, что необходимо дифференцированно рассматривать международные преступления и другие правонарушения, проводить их четкое различие, особенно между теми, которые обладают качеством наибольшей общественной опасности, посягают на основы межгосударственных отношений и имеют другие опасные признаки.³¹⁹

В теории международного права также общепризнано, что индивиды, действуя в качестве частных лиц, а также как представители государства (в некоторых случаях международных организаций), способны совершать международные преступления и правонарушения различного рода. К примеру, можно отметить нарушения законов и обычаев войны; отказ от выполнения договора; развязывание агрессивной войны; массовые убийства; деяния, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или иную группу как таковую; другие преступления против человечества. Как видно, речь идет о конкретных деяниях индивидов, совершавших международные преступления, что должно, на наш взгляд, предопределять четкие пределы их уголовной ответственности и соответствующие меры наказания за такие преступления.

В этом смысле анализ ст. 25 Римского Статута дает исчерпывающие ответы на такие вопросы, как и в каких случаях наступает индивидуальная уголовная ответственность, каковы ее основания и формы, характерные черты и т. д.

Однако, прежде чем перейти к подробному рассмотрению данной статьи, вероятно, целесообразно хотя бы кратко коснуться вопроса о господствующих в международном праве концептуальных представлениях о субъектах за международные правонарушения: государства или индивиды?

Наука международного права исходит из того, что этот вопрос в своем развитии претерпел значительные изменения в силу различных причин и обстоятельств, касающихся, в первую очередь, характера развития самих международных отношений, становления фундаментальных международно-правовых норм и принципов. Еще Гуго Гроций в своей книге «Право войны и мира» высказывал мнение о том, что за все международные правонарушения несут ответственность только государства - субъекты международного права, индивиды же по международному праву отвечать не могут.

Согласно современной доктрине международного права, ответственность государства за нарушения норм международного права не вызывает каких-либо сомнений. Вопрос же о привлечении к ответственности индивидов, как известно, долгое время, во всяком случае до появления уставов Нюрнбергского и Токийского международных военных трибуналов, оставался весьма спорным и требовал своего тщательного исследования.

Во-первых, общепризнано, что общетеоретическое положение о том, что субъекты права являются носителями прав и обязанностей, - это правовая аксиома. Логический вывод из нее достаточно прост: индивид - не субъект международного права, а значит, что он не только не имеет прав в международном общении, но и не в состоянии нести ка-

кой-либо ответственности по международно-правовым нормам.

Во-вторых, несмотря на это положение, очевидна и общеизвестна сама специфическая природа современного права, которая, в частности, выражается в том, что, не будучи субъектами международного права, физические лица или индивиды реализуют в международной сфере права, которые предоставляет им государство.

В-третьих, очевидно, что получение физическими лицами или индивидами прав, предусмотренных международно-правовыми нормами и принципами, как бы опосредовано государством, что характерно также и в отношении их обязанностей.

В-четвертых, можно также отметить, что международная ответственность индивидов, в том числе уголовная -за преступления против человечности, вытекает из тех обязательств государств, которые они берут на себя в процессе международного сотрудничества, в частности, по преследованию за совершение определенных преступлений, и что возможно как в рамках национальной юрисдикции, так и путем учреждения международных уголовных трибуналов.

Итак, ст. 25 Римского Статута, кодифицировавшая и систематизировавшая существующие в международном праве положения, определила и закрепила вопрос об индивидуальной уголовной ответственности, установив ее правовые основания и пределы. В п. 1, в частности, говорится о том, что Суд обладает юрисдикцией в отношении физических лиц в соответствии с настоящим Статутом и лицо, которое совершило преступление, подпадающее под юрисдикцию Суда, несет индивидуальную ответственность и подлежит наказанию в соответствии с настоящим Статутом (п. 2). Кроме того, лицо подлежит уголовной ответственности и наказанию за преступления, если оно: а) совершит преступление индивидуально или совместно с другим лицом; б) приказывает, подстрекает или побуждает совершить такое пре-

ступление; в) пособничает, подстрекает или каким-либо иным образом содействует его совершению или покушению на него; г) способствует совершению или покушению на совершение такого преступления группой лиц, действующих с общей целью; д) прямо и публично подстрекает других к совершению геноцида и т. д. В статье особо оговаривается, что ни одно положение в настоящем Статуте, касающееся индивидуальной уголовной ответственности, не влияет на ответственность государств по международному праву (п. 4).

Наряду с этим, Статут, решая вопрос о подсудности, развил существующие в международном праве положения о разновидностях преступлений против мира и человечества, проведя четкие грани, например, между главными или второстепенными военными преступниками и другими категориями правонарушителей, что, естественно, имеет существенное значение для установления их подсудности. Принципиальный критерий в этом вопросе - служебное положение военного преступника. Перечень таких преступников включает, в частности, глав государств и правительств, руководящих деятелей министерств и ведомств (в первую очередь вооруженных сил) государства, начальника или членов генерального штаба и других лиц, однако только с учетом конкретных обстоятельств совершения преступлений.

Согласно ст. 8 Римского Статута - «Военные преступления»:

«Суд обладает юрисдикцией в отношении военных преступлений, в частности, когда они совершены в рамках плана или политики при крупномасштабном совершении таких преступлений.

1. Для целей настоящего Статута военные преступления означают:

а) серьезные нарушения Женевских конвенций от 12 августа 1949 г., а именно, любое из следующих деяний против лиц или имущества, охраняемых согласно положениям соответствующей Женевской конвенции: 1) умышленное

убийство, 2) пытки или бесчеловечное обращение, включая биологические эксперименты, 3) умышленное причинение сильных страданий или серьезных телесных повреждений или ущерба здоровью, 4) незаконное, бессмысленное и крупномасштабное уничтожение и присвоение имущества, не вызванное военной необходимостью, 5) принуждение военнопленного или другого охраняемого лица к службе в вооруженных силах неприятельской державы, 6) умышленное лишение военнопленного или другого охраняемого лица права на справедливое судопроизводство, 7) незаконная депортация или перемещение или незаконное лишение свободы, 8) взятие заложников;

б) другие серьезные нарушения законов и обычаев, применимых в международных военных конфликтах в установленных рамках международного права, а именно: любое из следующих деяний: 1) умышленные нападения на гражданское население как таковое или отдельных гражданских лиц, не принимающих непосредственного участия в военных действиях, 2) умышленные нападения на гражданские объекты, т.е. объекты, которые не являются военными целями, 3) умышленное нанесение ударов по персоналу, объектам, материалам, подразделениям или транспортным средствам, задействованным в оказании гуманитарной помощи или в миссии по поддержанию мира в соответствии с Уставом ООН, пока они не имеют права на защиту, которой пользуются гражданские лица или гражданские объекты по международному праву вооруженных конфликтов, 4) умышленное совершение нападения, когда известно, что такое нападение явится причиной случайной гибели или увечья гражданских лиц или ущерба гражданским объектам или обширного, долгосрочного и серьезного ущерба окружающей природной среде, который будет явно несоизмерим с конкретным и непосредственно ожидаемым общим военным превосходством, 5) нападение на незащищенные и не являющиеся военными целями города, деревни, жилища или здания или их

обстрел с применением каких бы то ни было средств, 6) убийство или ранение комбатанта, который, сложив оружие или не имея более средств защиты, безоговорочно сдался, 7) ненадлежащее использование флага парламентария, национального флага или военных знаков различия и формы неприятеля или ООН, а также отличительных эмблем, установленных Женевскими конвенциями, приводящее к гибели людей или причинению им серьезных физических увечий, 8) перемещение, прямо или косвенно, оккупирующей державой части ее собственного гражданского населения на оккупируемую ею территорию, или депортация или перемещение части населения оккупируемой территории в пределах границ или за пределы этой территории, 9) умышленное нанесение ударов по зданиям, предназначенным для целей религии, образования, искусства, науки или благотворительности, историческим памятникам, госпиталям и местам сосредоточения больных и раненых, при условии, что они не являются военными целями, 10) причинение лицам, которые находятся под властью противной стороны, физических увечий или совершение над ними медицинских или научных экспериментов любого рода, которые не оправданы необходимостью медицинского, зубоорачебного или больничного лечения соответствующего лица и не осуществляются в его интересах и которые вызывают смерть или серьезно угрожают здоровью такого лица или лиц, 11) вероломное убийство или ранение лиц, принадлежащих к неприятельской нации или армии, 12) заявление о том, что пощады не будет, 13) уничтожение или захват имущества неприятеля, за исключением случаев, когда такое уничтожение или захват действительно диктуются военной необходимостью, 14) объявление отмененными, приостановленными или недопустимыми в суде прав и исков граждан противной стороны, 15) принуждение граждан противной стороны к участию в военных действиях против их собственной страны, даже если они находились на службе воюющей стороны до начала

войны, 16) разграбление города или населенного пункта, даже если он захвачен штурмом, 17) применение яда или отравленного оружия, 18) применение удушающих, ядовитых или других газов и любых аналогичных жидкостей, материалов или средств, 19) применение пуль, которые легко разрываются или сплющиваются в теле человека, таких как оболоченные пули, твердая оболочка которых не покрывает всего сердечника или имеет надрезы, 20) применение оружия, боеприпасов и техники, а также методов ведения войны такого характера, которые вызывают чрезмерные повреждения или ненужные страдания или которые являются неизбежными по своей сути в нарушение норм международного права вооруженных конфликтов, при условии, что такое оружие, боеприпасы, такая техника и такие методы ведения войны являются предметом всеобъемлющего запрещения и включены в приложение к настоящему Статуту, путем поправки согласно соответствующему положению, изложенному в статьях 121 и 123, 21) посягательство на человеческое достоинство, в частности, оскорбительное и унижающее обращение, 22) изнасилование, обращение в сексуальное рабство, принуждение к проституции, принудительная беременность, как они определены в п. 2 (f) ст. 7, принудительная стерилизация и любые другие виды сексуального насилия, представляющие собой грубое нарушение Женевских конвенций, 23) использование присутствия гражданского лица или другого охраняемого лица для защиты от военных действий определенных пунктов, районов или вооруженных сил, 24) умышленное нанесение ударов по зданиям, материалам, медицинским учреждениям и транспортным средствам, а также персоналу, использующим в соответствии с международным правом отличительные эмблемы, установленные Женевскими конвенциями, 25) умышленное совершение действий, подвергающих гражданское население голоду, в качестве способа ведения войны путем лишения его предметов, необходимых для выживания, включая

умышленное создание препятствий для предоставления помощи, как это предусмотрено Женевскими конвенциями, 26) набор или вербовка детей в возрасте до пятнадцати лет в состав национальных вооруженных сил или их использование для активного участия в боевых действиях';

с) в случае вооруженного конфликта немеждународного характера серьезные нарушения ст. 3, общей для четырех Женевских конвенций от 12 августа 1949 г., а именно: любое из следующих деяний, совершенных в отношении лиц, не принимающих активного участия в военных действиях, включая военнопленных, сложивших оружие, и лиц, выведенных из строя в результате болезни, ранения, содержания под стражей или по любой другой причине: 1) посягательство на жизнь и личность, в частности, убийство в любой форме, причинение увечий, жестокое обращение и пытки, 2) посягательство на человеческое достоинство, в частности, оскорбительное и унижающее обращение, 3) взятие заложников, 4) вынесение приговоров и приведение их в исполнение без предварительного судебного разбирательства, проведенного созданным в установленном порядке судом, обеспечивающим соблюдение всех судебных гарантий, которые по всеобщему признанию являются обязательными;

д) п. 2 /с/ применяется к вооруженным конфликтам немеждународного характера и, таким образом, не применяется к случаям нарушения внутреннего порядка и возникновения напряженности, таким как беспорядки, отдельные и спорадические акты насилия или иные акты аналогичного характера;

е) другие серьезные нарушения законов и обычаев, применимых в вооруженных конфликтах немеждународного характера в установленных рамках международного права, а именно, любое из следующих деяний: 1) умышленное нанесение ударов по гражданскому населению как таковому, а также умышленное нападение на отдельных гражданских лиц, не принимающих непосредственного участия в военных

действиях, 2) умышленное нанесение ударов по зданиям, материалам, медицинским учреждениям и транспортным средствам, а также по персоналу, использующим в соответствии с международным правом отличительные эмблемы, предусмотренные Женевскими конвенциями, 3) умышленное нанесение ударов по персоналу, объектам, материалам, подразделениям или транспортным средствам, задействованным в оказании гуманитарной помощи или в миссии по поддержанию мира в соответствии с Уставом ООН, пока они имеют право на защиту, которой пользуются гражданские лица или гражданские объекты по праву вооруженных конфликтов, 4) умышленное нанесение ударов по зданиям, предназначенным для целей религии, образования, искусства, науки или благотворительности, историческим памятникам, госпиталям и местам сосредоточения больных и раненых, при условии, что они не являются военными целями, 5) разграбление города или населенного пункта, даже если он взят штурмом, 6) изнасилование, обращение в сексуальное рабство, принуждение к проституции, принудительная беременность, как определено в п. 2 (f) статьи 7, принудительная стерилизация и любые другие виды сексуального насилия, также представляющие собой грубое нарушение ст. 3, общей для четырех Женевских конвенций, 7) набор или вербовка детей в возрасте до пятнадцати лет в состав вооруженных сил или групп или использование их для активного участия в боевых действиях, 8) отдача распоряжений о перемещении гражданского населения по причинам, связанным с конфликтом, если только этого не требуют соображения безопасности соответствующего гражданского населения или настоятельная необходимость военного характера, 9) вероломное убийство или ранение комбатанта неприятеля, 10) заявление о том, что пощады не будет, 11) причинение лицам, которые находятся во власти другой стороны в конфликте, физических увечий или совершение над ними медицинских или научных экспериментов любого

рода, которые не оправданы необходимостью медицинского, зубоврачебного или больничного лечения соответствующего лица и не осуществляются в его интересах и которые причиняют смерть или серьезно угрожают здоровью такого лица или лиц, 12) уничтожение или захват имущества неприятеля, за исключение случаев, когда такое уничтожение или захват настоятельно диктуются обстоятельствами конфликта;

f) п. 2 /e/ применяется к вооруженным конфликтам немеждународного характера и, таким образом, не применяется к случаям нарушения внутреннего порядка и возникновения напряженности, таким как беспорядки, отдельные и спорадические акты насилия или иные акты аналогичного характера. Он применяется в отношении вооруженных конфликтов, которые имеют место на территории одного из государств-участников, когда идет длительный вооруженный конфликт между правительственными властями и организованными вооруженными группами или между самими такими группами».

Нетрудно заметить, что ст. 8 Статута целенаправленно интерпретирует понятие военного преступления, существенно увеличив перечень противоправных деяний, составляющих данное, особо тяжкое преступление. Поэтому не случайно в п. 1 зафиксировано, что «Суд обладает юрисдикцией в отношении военных преступлений, в частности, когда они совершены в рамках плана или политики или при крупномасштабном совершении таких преступлений».

Как видно, в п. 2 ст. 8 закреплено, что для целей настоящего Статута военные преступления означают: а) серьезные нарушения Женевских конвенций (от 12 августа 1949 г.), б) другие серьезные нарушения законов и обычаев, применяемых в международных вооруженных конфликтах в установленных рамках международного права, в) в случае вооруженного конфликта немеждународного характера серьезные нарушения ст. 3, общей для четырех Женевских конвенций (1949 г.), г) п. 2 (в) применяется к вооруженным

конфликтам немеждународного характера и, таким образом, не применяется к случаям нарушения внутреннего порядка, д) другие серьезные нарушения законов и обычаев, применимых в вооруженных конфликтах немеждународного характера в установленных рамках международного права, и др.

Вместе с тем подпункты данной статьи содержат довольно-таки пространный перечень противоправных деяний, входящих в категорию военных преступлений. К их числу относятся, например, умышленное убийство; умышленное нападение на гражданское население как таковое или отдельных гражданских лиц, не принимающих непосредственное участие в военных действиях; перемещение, прямо или косвенно, оккупирующим государством части его собственного гражданского населения на оккупируемую им территорию, или депортация или перемещение части населения оккупируемой территории в пределах границ или за пределы этой территории; принуждение граждан противной стороны к участию в военных действиях против собственной страны; посягательство на жизнь и личность, в частности, убийство в любой форме, причинение увечий, жестокое обращение и пытки, и другие противоправные деяния.

В каком же соотношении находятся положения Статута с основными нормами современного международного права, закрепленными в важнейших его документах?

Во-первых, нормы Статута находятся в достаточно тесной взаимосвязи и переплетении с основными нормами международного гуманитарного права, включающими, как известно, в себя положения о правах человека, применяемые и во время вооруженных конфликтов. Далее, нормы Статута соотносятся с одним из основных принципов современного международного права - принципом уважения прав человека. Они, естественно, не противостоят друг другу и другим принципам, а гармонично с ними соотносятся. Если и далее развивать эту мысль, идею, то можно утвер-

ждать, что никакие ссылки на необходимость защиты прав человека не могут, например, оправдать попыток нарушить такие принципы, как уважение государственного суверенитета, невмешательство государств в дела друг друга и др.

Во-вторых, нормы Статута соотносятся с положениями основных международно-правовых актов, касающихся борьбы с преступностью(и даже исходят от них), как, например, Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества (1968 г.), Европейская конвенция по борьбе с терроризмом (1977 г.), Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (1984 г.) и др.

В-третьих, нормы Статута не только соотносятся, но и дальше развивают, систематизируют и кодифицируют нормы существующих и действующих уставов: трибуналов (Нюрнбергского, Токийского, по бывшей Югославии, Руанде), Международной организации уголовной полиции (Интерпола) и других базовых правовых документов, пресекающих серьезные преступления, которые вызывают озабоченность и тревогу всего международного сообщества. Объединяющим положением этих международно-правовых актов является то, что такие преступления не должны оставаться безнаказанными и что их действенное преследование должно быть обеспечено как мерами, предпринимаемыми на национальном уровне, так и активизацией международного сотрудничества, что должно способствовать предупреждению каких-либо международных преступлений.

В-четвертых, нормы Статута соотносятся с известными, ранее принятыми документами, касающимися вопросов ответственности в международном праве за преступления, в том числе совершенные индивидами, в отношении которых имеются серьезные основания считать, что они совершили военные преступления против человечества.

Как свидетельствует содержание и анализ других положений Римского Статута Международного уголовного суда 1998 г., он относится, без преувеличений, к числу важнейших международно-правовых документов последнего времени. Необходимость принятия Статута была также продиктована всем ходом развития событий в мировом сообществе, усилением эффективной борьбы с международными преступлениями (в том числе военными) и другими преступлениями против человечества в связи с их ростом в ходе современных международных вооруженных конфликтов. Принятие Статута, на наш взгляд, подводит черту или как бы завершает процесс формирования международно-правовых основ становления нового международного уголовного порядка.

В принятии Статута, как представляется, были заинтересованы в большей мере как молодые развивающиеся страны, так и новые суверенные государства, образовавшиеся на постсоветском пространстве, особенно те, в которых не прекращаются межэтнические, межнациональные и подобные им вооруженные конфликты. Эти «молодые» и «новые» страны в большей степени нуждаются в надежных международно-правовых гарантиях против различных международных преступлений, которые подпадают под юрисдикцию Суда (ст. 5 Статута).

Как свидетельствует история развития международных отношений, борьба с различными международными преступлениями - это вечный вопрос науки и практики международного права. Очевидно и то, что одним из ключевых вопросов, который рассматривался на протяжении всего переговорного процесса, т.е. до подписания Римского Статута, был вопрос о том, какие преступления должны были подпадать под юрисдикцию Международного уголовного суда В то время как включение, например, геноцида было фактически одобрено, по поводу других преступлений возникли определенные разногласия³²¹. При этом примечательно, что

подавляющее большинство государств поддержало эти «четыре основных преступления» и их включение, в частности, военных преступлений, преступлений против человечества и агрессии в положения, подпадающие под данную юрисдикцию (ст. 5). Отдельно можно отметить и то, что некоторые другие серьезные преступления международного характера (терроризм, незаконный оборот наркотиков и др.) были поддержаны рядом государств, однако, по разным причинам не были включены в данную статью³²².

Особо выделенные в ст. 8 Статута военные преступления изначально превратились в один из наиболее сложных вопросов, которые признаются таковыми обычным международным правом. По этой причине были поддержаны военные преступления, перечисленные в таких важных международно-правовых актах, как Гаагские конвенции (1907 г.), Женевские конвенции (1929 и 1949 годов)³²³. В разработанном тексте содержатся не только эти «четыре основных преступлений», но и отражены также положения других международных конвенций. Так, многие положения последней категории военных преступлений почерпнуты из Протокола I, Женевских конвенций и Гаагских конвенций³²⁴. Хотя первоначально намечалось применять некоторые из этих норм в отношении международных конфликтов, было решено, что следует применять их и в отношении внутренних вооруженных конфликтов.

Итак, в п. 2 ст. 8 Статута приведены следующие четыре категории военных преступлений: 1) грубые нарушения Женевской конвенции (от 12 августа 1949 г.); 2) другие грубые нарушения законов и обычаев, применяемых в международном вооруженном конфликте (в пределах, установленных рамок международного права); 3) грубые нарушения ст. 3, общей для четырех Женевских конвенций, в случае вооруженного конфликта, не носящего международный характер; 4) другие грубые нарушения законов и обычаев, применяемых в вооруженных конфликтах, не носящих меж-

дународный характер (в пределах, установленных международным правом). Как видно, многие положения подпунктов 2 (в) и (е) параллельны или идентичны. В отношении оговорки - «в пределах, установленных международным правом», следует отметить, что цель ее - включение косвенным образом предложения *jus in bello*, таких как военная необходимость и соразмерность противоправного деяния.

Интересно и то, что еще во время подготовительной стадии (в 1997 г.) представители некоторых стран были обеспокоены подходом к определению военных преступлений, который они считали «консервативным» и опасались, что такой подход может превалировать, а в результате этого - препятствовать развитию современного международного права в этой области. Учитывая данное обстоятельство, было выдвинуто предложение, что в Статут Международного уголовного суда необходимо включить следующую формулировку: ничего в нем «не должно толковаться как ограничивающее или наносящее ущерб каким-либо образом существующим или совершенствующимся правилам международного права»³²⁵. Однако во время Римской конференции направление переговоров по военным преступлениям существенно изменилось, и определение военных преступлений осталось «консервативным», а преступлений против человечества - более широким, охватывающим первое. Таковы некоторые аспекты и особенности военных и иных преступлений, входящих в содержание ст. 5 Статута Международного уголовного суда.

Многочисленные, но пока малоизвестные факты межэтнических конфликтов государств центральнокавказского региона, о которых речь подробно шла выше³²⁶, по своему содержанию, совокупности и признакам вполне охватываются юрисдикцией, в частности, Международного уголовного суда. Это обусловлено тем, что в подобных фактах присутствуют различные квалифицирующие элементы, определяющие военные преступления, которые совершены в

рамках соответствующих планов и политики агрессивных стран, например, оккупация Арменией значительной территории Азербайджана, признанная в известных резолюциях Совета Безопасности ООН. К числу таких элементов, входящих в состав военных преступлений по смыслу п. 2 ст. 8 Римского Статута, относятся такие, как умышленное убийство, пытки или бесчеловечное обращение (включая биологические эксперименты), незаконное, бессмысленное и крупномасштабное уничтожение и присвоение имущества, не вызванное военной необходимостью, незаконная депортация или перемещение, умышленное нападение на гражданское население как таковое или отдельных гражданских лиц (возможно, в форме ограниченного геноцида), не принимавших непосредственного участия в военных действиях, и другие серьезные преступления, за которые предусмотрены различные виды международно-правовой ответственности.

К сожалению, межэтнические вооруженные конфликты в центральнокавказском регионе сопровождались различными изощренными видами военных преступлений (во всяком случае, по тем данным, которыми мы располагаем по Нагорному Карабаху), имели характер таких боевых действий, как умышленное нанесение ударов по гражданским объектам, зданиям, предназначенным для религиозных целей, по учреждениям образования, искусства, науки, по историческим памятникам, местам сосредоточения больных и раненых, и др. Имеются также многочисленные факты и доказательства вероломных и жестоких убийств или ранения лиц, принадлежащих к неприятельской нации или армии; принуждение граждан противной стороны к участию в военных действиях против собственной страны, даже если они находились на службе воюющей стороны до начала войны; посягательство на человеческое достоинство (в частности оскорбительное и унижающее обращение; изнасилование, причинение увечий, пытки) и др.

Очевидно, что военные преступления в ходе вооруженных конфликтов, между какими бы государствами центральнокавказского (или иного) региона они не происходили, мало чем отличаются от других широкоизвестных и крупномасштабных военных преступлений, виновные за которые были наказаны в соответствии с уставами международных военных трибуналов (Нюрнбергского и Токийского), или относительно недавно - с уставами международных уголовных трибуналов (по бывшей Югославии и Руанде).

На наш взгляд, во-первых, в настоящее время, в отличие от событий полувековой и десятилетней давности, не обязательно создавать международные (военные или уголовные) трибуналы по Нагорному Карабаху, Абхазии, Осетии или по другим «горячим» точкам планеты, где имели или имеют место военные преступления на этнической или иной почве. Ныне, и это достаточно очевидно, за такие преступления должны нести ответственность виновные лица в соответствии с положениями и нормами вступившего в силу в 2003 г. Римского Статута МУС, юрисдикция которого распространяется на наиболее серьезные противоправные деяния в ходе вооруженных конфликтов и, естественно, на военные преступления, независимо от того, где они имели место. Во-вторых, на военных преступников центральнокавказского региона, согласно Конвенции о неприменении срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества (1968 г.) не может быть, по аналогии, применен срок давности. В-третьих, совместные усилия государств по уголовному преследованию лиц, совершивших военные преступления, регламентируются международно-правовым актом «Принципы международного сотрудничества в отношении обнаружения, ареста, выдачи и наказания лиц, виновных в военных преступлениях и преступлениях против человечества», принятым Генеральной Ассамблеей ООН в 1973 г.

5.3. Проблемы формирования нового уголовного миропорядка и развитие национальных правовых систем в аспекте предотвращения военных преступлений

Современные межгосударственные отношения характеризуются определенными изменениями в сторону их демократизации и требуют координации и активизации усилий государств в создании нового миропорядка в различных областях сотрудничества и отношений. И если в создании одного из важнейших составных частей нового миропорядка - нового международного экономического порядка - в большей или меньшей степени отмечаются известные позитивные результаты³²⁷, то процесс формирования нового международного уголовного правопорядка только набирает силу.

Определенную роль здесь играют, на наш взгляд, различные обстоятельства, факты и причины международного характера, среди которых, например, разнообразные последствия окончания «холодной войны», прекращение активного соперничества и военной конфронтации между сверхдержавами и т.д., что дало начало положительным переменам и определенной демократизации в международных отношениях. Несмотря на это, в мировом сообществе существуют негативные последствия крушения биполярной системы, одним из ярких проявлений которой являются межэтнические конфликты, возникающие после распада некоторых многоэтнических государств.

В конечном счете, усилия мирового сообщества, по установлению нового уголовно-правового порядка согласуются с концепцией и доктриной современного международного права в плане общего содействия и сотрудничества государств в борьбе с различными видами международных преступлений, в том числе совершенных физическими лицами (индивидами).

В решении проблемы создания нового международного уголовно-правового порядка важное значение имеют различные подходы, позиции в отношении положений, его

составляющих. Так, преступления против мира и безопасности человечества, в том числе и международные уголовные преступления, необходимо отличать от так называемых преступлений международного характера.

Как известно, эти преступления также предусмотрены в соответствующих многосторонних конвенциях, однако в отличие от международных уголовных преступлений они не находятся в непосредственной связи с деятельностью государств.³²⁸ Одна из особенностей заключается в том, что юридическая природа этих преступлений носит двойственный характер. В частности, формулирование состава соответствующего преступного деяния содержится в международно-правовых конвенциях, а уголовно-правовые санкции за совершение этих деяний - в нормах внутринационального уголовного законодательства, и в первую очередь, в нормах ответственности. Это свидетельствует о переплетении международно-правовых положений с внутригосударственной юрисдикцией соответствующих стран. При всех случаях речь идет, как представляется, о преступлениях, которые посягают на нормальные межгосударственные отношения, а также наносят ущерб мирному сотрудничеству в различных областях. Очевидно, что некоторые виды преступлений, главным образом, относящиеся к миру и безопасности человечества, затрагивают интересы всего мирового сообщества, что создало предпосылки не только для выхода сотрудничества в данной области на универсальный уровень, но и для создания нового международного уголовно-правового порядка. В качестве основной правовой базы следует рассматривать уставные цели ООН в утверждении веры в первостепенные права и свободы человека, в достоинство и ценность человеческой личности.

Исключительное значение в решении проблемы по созданию такого миропорядка сыграли (и продолжают играть) положения различных общих и специальных международно-правовых документов в этой области, составляющие

ее правовую основу, а также важнейшие документы современного международного гуманитарного права. Например, Всеобщая декларация прав человека (1948 г.), Международные пакты о правах (1966 г.), Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (1948 г.), Резолюция ООН об определении агрессии (1974 г.), Женевские конвенции (1949 г.) и Дополнительные протоколы к ним (1977 г.), Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества (1968 г.), уставы Нюрнбергского и Токийского международных военных трибуналов, уставы Международных трибуналов по бывшей Югославии и по Руанде и многие другие.

Особую роль в создании нового международного уголовно-правового порядка играют усилия и сотрудничество государств в разработке положений проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности, отразившего современные тенденции в области международного уголовного права. У этого вопроса своя история, которая только за последние годы приобрела более или менее реальные очертания, когда на своей 43-й сессии в 1991 г. Комиссия международного права ООН приняла (в первом чтении) проекты статей Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества.

Нельзя не отметить и тот факт, что Комиссия международного права на своей 44-й сессии в 1992 г. учредила Рабочую группу по вопросу о международной уголовной юстиции, которой было поручено подготовить конкретные рекомендации, в частности, об учреждении Статутом Международного уголовного суда в форме многостороннего договора. Кроме того, его юрисдикция должна ограничиваться преступлениями международного характера, определяемыми в конкретно оговоренных и находящихся в силе договорах, включая, естественно, преступления, предусмотренные в Кодексе. Относительно Международного уголовного суда

была достигнута договоренность о том, что он будет являться, главным образом, инструментом государств-участников его Статута и, по крайней мере, на первом этапе своего функционирования не будет обладать обязательной юрисдикцией. Иначе говоря, само участие в Статуте не будет означать признания обязательной юрисдикции. А Статут должен создавать доступный юридический механизм, который может быть задействован, если и как только в в случае возникновения необходимости.

Как видно, одной из трудноразрешаемых проблем по-прежнему остается разработка вопроса о механизме реализации будущего Кодекса и, в первую очередь, о международном судебном органе, который бы обладал правомочиями осуществлять непосредственную правоприменительную реализацию норм этого Кодекса.

Однако Комиссия международного права ООН все-таки разработала проект Статута Международного уголовного суда,³³ в соответствии с которым предполагалось учредить Международный уголовный трибунал - именно так было предложено назвать этот суд - путем заключения специального международного договора, наподобие тех соглашений о сотрудничестве, которые заключались между ООН и ее специализированными учреждениями. Также было принято решение о необходимости заключения договора между заинтересованными государствами и приложения к этому договору - Устава Суда. В данном договоре должны быть рассмотрены такие вопросы, как, например, порядок контроля над деятельностью Суда со стороны государств-участников, его финансирование и другие.

Что касается проекта, то он, как известно, ограничивается исключительно уголовной ответственностью индивидов. И хотя в нем нет концептуального определения преступлений против мира и безопасности человечества, однако проект сосредоточивает внимание мирового сообщества на

таких преступлениях, которые квалифицируются как тяжкие.

Одним из недостатков проекта можно назвать, в частности, отсутствие различий между преступлениями против мира, военными преступлениями и преступлениями против человечности, что было бы, вероятно, полезным при определении подходов к конкретным видам преступлений. Акцент же сделан на особых признаках и критериях тяжести преступления.

1998 год, как отмечалось в годовом докладе Генерального Секретаря ООН Кофи А. Аннана, стал годом учреждения сводного текста проекта Устава Международного уголовного суда, что было сделано в ходе работы специальной международной конференции.³³¹ Важное значение в процессе становления и развития современного международного уголовного права, как решающего фактора в формировании нового международного уголовно-правового порядка, имеет деятельность ООН и ее соответствующих органов. Одним из таких органов, занимающимся, в частности, международной борьбой по предупреждению преступности и уголовного правосудия, является Отделение ООН с одноименным названием и штаб-квартирой в Вене. Среди различных задач и функций Отдела - устранение очевидной угрозы, создаваемой преступностью для национального суверенитета, стабильности и развития государств, а также пропаганда стратегии борьбы с преступностью и развитие международного сотрудничества в этой области.

Особую роль играют так называемые Конгрессы ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями.³³² Другим важным органом является Комиссия ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию, которая, в частности, ответственна за разработку принципов по снижению уровня насилия, связанного с применением стрелкового оружия, от которого люди гибнут в огромных масштабах. Благодаря усилиям этих органов сис-

темы ООН, за последние годы были приняты важные международно-правовые документы в этой области, один из которых - Декларация ООН о преступности и общественной безопасности (1996 г.).

Итак, активизация действий на высоком международном уровне имеет конкретный характер, направленный на развитие современного международного уголовного права, и связана с осуществлением основных принципов международного правосудия, в том числе касающихся деятельности Международного уголовного суда.

ООН не ослабляет своих усилий и мероприятий, связанных с предупреждением преступности против человечества, в каких бы формах и видах она не проявлялась, справедливо исходя из того, что она угрожает безопасности и стабильности государств во всемирном масштабе. Относительно практической стороны проблемы можно отметить, что в качестве основания международно-правовой уголовной ответственности физических лиц (индивидов) возможны указания и на общие принципы права в случаях, когда речь идет о серьезных военных преступлениях как разновидности преступлений против мира и человечества. В этом смысле показательным является, например, дело бывшего нацистского военного преступника Эйхмана, по которому в свое время Верховный суд Израиля заявил, что такого рода преступления «нарушают всемирные моральные ценности и принципы гуманизма, которые таятся в системах уголовного права, принятых цивилизованными странами».³³

Другой случай касается дела Барбье, по которому Кассационный суд Франции сослался на принципы Нюрнберга как на «согласующиеся с общими принципами права, признанными сообществом наций».³³⁴ Примечательны и актуальны предложения к преамбуле IV Гагской конвенции (1907 г.) о том, что «до тех пор пока нельзя будет создавать более полный кодекс законов войны... в случаях, на которые не распространяются закрепленные в них нормы, граждан-

ское население и воюющие стороны остаются под защитой и властью международных принципов, взятых из обычаев, которые установились среди цивилизованных народов, из закона человечности и из велений общественной совести».³³⁵

В настоящее время существенно то, что правовое содержание принципов Нюрнберга легло в основу нормы об ответственности физических лиц (индивидов) за международные преступления, которая стала нормой обычного права или общим принципом права и представляет собой часть материального международного права.

Важное значение имеет также вопрос о действии в пространстве нормы об уголовной ответственности физических лиц за международные преступления. Ввиду ее универсального юридического свойства и происхождения от обычая данная норма применима и обеспечена правовой санкцией в каждом государстве, поэтому ее территориальное действие носит универсальный характер. Во всех случаях, когда преступление ввиду его значительности затрагивает моральные и материальные интересы человечества, должен действовать принцип универсальности, поскольку это является условием предотвращения безнаказанности или даже, в определенной степени, ее гарантом.

В данной связи заслуживает внимания позиция Э.Цоллера, который считает, что «принцип универсальности, несмотря на свою долгую историю, начиная с того момента, когда он получил признание в *corpus juris cititis*, из него логически вытекает требование сформировать международный судебный орган с юрисдикцией, необходимой для рассмотрения действия физических лиц, и обеспечить санкцией исполнение нормы об ответственности. Развитие на протяжении нескольких последних столетий суверенных национальных государств стало фактором, который ни разу не дал возможности выполнить это требование в полном его объеме». Это дает повод сказать о том, что создание Между-

народного уголовного суда явилось определенной институционализацией принципа универсальной юрисдикции.

Развивая сказанное, можно отметить, что этот принцип, если и не охватывает, то хотя бы «посягает» на принцип территориальной уголовной юрисдикции. Согласно этому принципу, государство обладает полным и исключительным правом рассматривать все дела о преступлениях, совершенных на его территории, независимо от принадлежности преступника другому государству.

Следует учитывать одно важное обстоятельство: что государства, которые обладают территориальной юрисдикцией в отношении суда над физическими лицами (индивидами), виновными в совершении международных преступлений, признают, что подобного рода правонарушения подлежат действию особых норм, которые могут иметь преимущество перед силами внутринационального законодательства. Так было, во всяком случае, с делом Барбье (1983г.): «...по своему характеру, преступления против человечества, оно не находилось в сфере действия только французского уголовного права и международного уголовного порядка, которому понятие государственных границ и производные от него специальные нормы совершенно чужды».³³⁷

В вопросе становления и развития, как современного международного уголовного права, так и нового международного уголовно-правового порядка исключительная роль принадлежит положениям уставов международных военных трибуналов (Нюрнберга и Токио) и Международных уголовных трибуналов (по бывшей Югославии и Руанде). Эти положения имеют больше универсальный характер, чем территориальный, особенно в части квалификации деяния как международного преступления, поскольку квалификация такого рода деяний и преступлений никак не зависит от внутринационального права. А то, что они преследуются (или же нет) в уголовном порядке по нормам внутригосу-

дарственного права, естественно, никак не может отражаться на их международно-правовой квалификации.³³⁸

Существенным является то обстоятельство, что норма об ответственности за преступления против человечества может утратить свою, основанную на обычае, универсальную юридическую силу, если принцип территориального действия норм уголовного права случайно может оказаться защитой для преступника. Примечательно в этом смысле положение ст. 2 проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности, в которой отмечается, что «квалификация какого-либо действия или бездействия в качестве преступления против человечества не зависит от внутригосударственного права. Тот факт, что какое-либо действие или бездействие наказуемо или ненаказуемо в соответствии с внутригосударственным правом, не затрагивает эту квалификацию».

По поводу этой статьи специальный докладчик Комиссии международного права заметил, что в ней устанавливается так называемая автономия международного уголовного права по отношению к внутригосударственному праву. А то обстоятельство, что во внутригосударственном праве деяние квалифицируется как убийство, не препятствует тому, чтобы то же деяние было квалифицировано на основе кодекса как геноцид, если имеются элементы, его составляющие.³³⁹

Интересным представляется вопрос об универсальной юрисдикции в отношении судебного рассмотрения дел и наказания соответствующих категорий преступников, которая должна быть представлена только Международному уголовному трибуналу. В пользу этого свидетельствует положение Конвенции о геноциде, предусматривающее возможность применения универсальной юрисдикции в отношении актов геноцида, которой может быть наделен международный судебный орган в отношении сторон Конвенции, признающих юрисдикцию такого органа. В его же отсутствии обязан-

ность судить лиц, обвиняемых в геноциде, сохраняется за «компетентным судом того государства, на территории которого было совершено это деяние».³⁴⁰

Поэтому закономерным выглядело подтверждение этого положения в ст. 20 «а» и ст. 25 проекта Статута МУС. В комментариях же Комиссии международного права говорилось, что МУС должен обладать собственной исключительной юрисдикцией в отношении геноцида лишь в силу участия государств в проекте Статута без какой-либо дополнительной необходимости для этого государства выражать свое согласие или признание. Указывалось также, что свидетельством необходимости такой «собственной юрисдикции» является сама упомянутая Конвенция, которая не наделяет другие государства юрисдикцией в отношении геноцида на основе *aut dedere aut iudicare*, а предусматривает ее предоставление Международному уголовному суду. Также было сделано заключение о том, что проект Статута можно рассматривать как дополнительный механизм предупреждения геноцида и наказания за него, когда требуется принятие более эффективных мер против тех, кто совершает такие преступления.

Таким образом, по данному вопросу можно заключить, что действие нормы об ответственности в пространственной сфере является универсальным больше в теории, чем на практике. Несмотря на то, что норма об уголовной ответственности физических лиц (индивидов) за международные преступления и преступления против мира и безопасности человечества признается частью современного международного права, ее универсальному применению препятствуют как внутренние причины и обстоятельства, так и разнообразие действующих ныне систем уголовного права и правосудия.

Реальные усилия международного сообщества и конкретные меры со стороны ООН в вопросах демократизации современных международных отношений и создании нового

уголовного миропорядка зафиксированы, в частности, в решении Генеральной Ассамблеи (1995 г.) об учреждении Подготовительного комитета для создания Международного уголовного суда, открытого для всех членов ООН и членов ее специализированных учреждений³⁴¹. Важным моментом явилось и то, что мандат этого Комитета состоит, в том числе, в обсуждении основных вопросов, возникающих по существу в связи с проектом Статута, подготовленного (в 1993 г.) Комиссией международного права, а также в составлении проектов статей в целях подготовки приемлемого сводного текста Конвенции о создании Международного суда в качестве важной и необходимой меры.

Одним из последних позитивных вкладов в решение данной проблемы, а также в прогрессивное развитие международного права и его кодификации явилась серия из двадцати статей проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества. Их применение стало реальностью (в 1997 г.) в деятельности Международного уголовного трибунала (по бывшей Югославии), когда был вынесен первый приговор и решение о наказании, а также арест и передача в Гаагу обвиняемых.

Мировое сообщество заинтересовано в создании такого справедливого, нового уголовно-правового миропорядка, защищающего основные права и свободы человека, нарушения которого носят столь масштабный характер, а некоторые акты насилия и преступления против человечества являются столь вопиющими, что оскорбляют все человечество. Оно также заинтересовано в создании эффективных механизмов привлечения к ответственности за совершенные преступления против человечества.

Однако самый значительный вклад в решение рассматриваемых проблем внесла деятельность Комиссии международного права ООН, особенно в выработку норм, принципов и положений об уголовной ответственности за преступления против человечества. В частности, принцип от-

ветственности, как неотвратимость наказания, является основой уголовного законодательства. Он, как известно, традиционно рассматривается как правило, согласно которому преступность и наказуемость деяния определяются законом, действующим во время совершения этого деяния.

Так или иначе, принцип *nullum crimen sine lege*, которым руководствовалась Комиссия международного права ООН в своей деятельности за последние годы, всегда имел решающее значение для правосудия, так же как вопрос о действии норм международной ответственности во времени. В этой связи следует, на наш взгляд, считать вполне закономерным положение, норму, закрепленную в ст. 10 проекта Кодекса о преступлениях против человечества, где сказано, что «никто не может быть осужден в соответствии с настоящим Кодексом за деяние, совершенное до его вступления в силу», а также то, что «ничто в настоящей статье не мешает судить и наказывать любое лицо за деяние, которое в момент его совершения являлось внутригосударственным правом, применимым в соответствии с международным правом».³⁴²

Кроме того, в проекте Статута Международного уголовного суда содержится специальная ст. 39 под названием «принцип законности» (*nullum crimen sine lege*), где сказано, что обвиняемый не признается: а) в случае уголовного преследования в связи с преступлениями, указанными в п. «а» -«л» ст. 20, т. е. за геноцид, агрессию, серьезные нарушения законов и обычаев, применимых в вооруженном конфликте и преступлений против человечности, если соответствующее действие или бездействие не являлось преступлением по международному праву; б) в случае уголовного преследования в связи с преступлением, указанным в п. «е» данной статьи, т.е. преступления, установленные на основании или во исполнение положений договоров, перечисленных в приложении, например, апартеид, торговля наркотическими средствами, угон воздушного судна и другие, если соответст-

действия и бездействия».

Как видно из содержания данной статьи, порядок применения принципа законности может быть разным в зависимости от того, является ли деяние преступлением по международному публичному праву или преступлением, подпадающим под действие договора, о котором говорится в приложении. Иными словами, имеет значение не только факт квалификации преступления международным правом, но и конкретное время его совершения, а также использование принципа, который запрещает ретроспективное применение норм уголовного права.

Итак, в случае совершения преступлений, предусмотренных каким-либо договором (о котором говорится в ст. 20 проекта Статута), этот принцип должен играть дополнительную и решающую роль, так как важно, чтобы данный договор был применим в отношении поведения обвиняемого, которое явилось объектом обвинений. Этот вопрос о выполнении соответствующих требований, как и другие, должен решаться, естественно, судом. Следует также отметить, что принцип недопустимости наказания без наличия закона является общеправовым принципом, и как таковой может применяться как во внутреннем, так и в международном праве, хотя эти обе системы права обладают соответствующими особенностями, оказывающими определенное влияние на функционирование данного принципа. Важным для решения этого аспекта проблемы является и предписание ст. 4, по которому «государства-участники настоящей Конвенции обязуются принять в соответствии с их конституционной процедурой любые законодательные или иные меры, необходимые для обеспечения того, чтобы срок давности, установленный законом или иным путем, не применялся к судебному преследованию и наказанию за преступления, указанные в ст. 1 и 2 настоящей Конвенции, и чтобы

там, где такой срок применяется к этим преступлениям, он был отменен».

Конвенция в ст. 3 возложила на государств-участников обязательство принять все необходимые внутренние меры законодательного или иного характера, направленные на то, чтобы в соответствии с международным правом создать условия выдачи лиц, совершивших преступления, указанные в настоящей Конвенции. Р. Валеев по этому поводу пишет, что «положения этой статьи являются развитием и подтверждением уже существовавшего в международном праве принципа указанной категории преступников, т. е. правовым основанием выдачи, независимо от заключения между государствами договоров о выдаче преступников».³⁴⁵

Как известно, институт выдачи преступников (экстрадиции) используется в практике международных отношений с давних времен, однако по мере развития последних он был достаточно усовершенствован за счет, в первую очередь, роста количества договоров, в которых, например, был конкретизирован круг лиц, подлежащих выдаче, уточнены критерии и правовые основания.

Вместе с тем современное международное право достаточно определенно установило соответствующие параметры применения этого института, а также дало, в основном, ответы на вопросы, которые обычно возникают по этому поводу в отношениях между государствами. Поэтому в настоящее время институт выдачи применяется, главным образом, только к лицам, которые уже осуждены, или к предполагаемым преступникам, иными словами, к тем, кто обвиняется в совершении преступления.

Практика международных отношений свидетельствует о том, что обычно выдачи требует государство, гражданином которого является (предполагаемый) преступник, государство, на территории которого совершено преступление, а также государство, потерпевшее от преступления.

Одна из таких особенностей состоит в том, что международно-правовые акты, хотя и устанавливают состав тех или иных деяний, но при этом не решают вопрос о конкретной санкции за их осуществление. Аналогичная ситуация возникает в случае с международным договором, который устанавливает преступный характер тех или иных деяний и даже их состав, однако не содержит указания о виде и мере наказания. Такой способ определения преступности имеет соответствующие юридические последствия, например, допустимость того, что конкретная мера наказания может быть определена либо национальными судами, либо Международным уголовным трибуналом уже после осуществления таких действий.

В этом смысле прав Ю. Решетов, считающий, что можно даже утверждать, что принцип «нет закона - нет ни преступления, ни наказания» действует и в международном праве с той лишь оговоркой, что конкретные виды и мера наказания могут устанавливаться после совершения преступления. Но и эта оговорка относительна, поскольку, как национальные суды, так и международные трибуналы, определяя наказание за международные преступления, как правило, устанавливают его в пределах, предусматриваемых за самые серьезные преступления по внутреннему праву.³⁴⁶

Вместе с тем новый уголовно-правовой миропорядок невозможен без последовательного соблюдения всеми государствами принципа неприменения сроков давности к военным преступлениям, независимо от времени их совершения. Этот принцип за три десятилетия превратился в общепризнанную норму современного международного права после закрепления в Конвенции 1968 г., о чем сказано в ее ст. 1. В ней указано, что «никакие сроки давности не применяются к следующим преступлениям, независимо от времени их совершения: а) военные преступления.., б) преступления против человечества.., изгнание в результате вооруженного нападения или оккупации и бесчеловечные действия, являю-

щиеся следствием политики апартеида, а также преступление геноцида...».³⁴⁷

В случае отсутствия соглашений Конвенции каждое государство, рассматривая обращение о выдаче, должно исходить из конкретного случая, в зависимости от полученной информации относительно лица, подлежащего выдаче, с учетом как характера отношений с запрашивающим государством, так и характера инкриминируемого деяния, масштабов его последствий и мотивов, а также других обстоятельств (фактов, данных), включая степень тяжести преступления, за которое преследуется данное лицо (индивид).

Определенный позитивный вклад в установление нового уголовного миропорядка и развитие современного международного уголовного права вносит также Комиссия по правам человека. Как один из существенных вкладов рассматривается проект принципов международного сотрудничества в отношении обнаружения, ареста, выдачи и наказания лиц, виновных в военных преступлениях и преступлениях против человечества, который был обсужден и одобрен, в частности, на ее 29-й сессии. В свою очередь, Генеральная Ассамблея ООН, рассмотрев и согласившись с этим проектом, в принятой резолюции 3074 (XXVIII) провозгласила соответствующие принципы такого сотрудничества.³⁴⁸

Так, согласно принципу III, для пресечения и предотвращения рассматриваемых преступлений государства взяли на себя обязательство сотрудничать друг с другом и принимать с этой целью необходимые внутренние и международные меры.³⁴⁹

В соответствии с принципом IV государства будут оказывать друг другу содействие в целях обнаружения, ареста, привлечения к суду лиц, подозреваемых в совершении таких преступлений, и, если они будут признаны виновными, - наказания их. Такое содействие и сотрудничество особенно важно, как подчеркивается в данной резолюции, в деле сбора информации и следственных материалов, способствую-

щих привлечению к судебной ответственности военных преступников, а также обмена имеющейся информацией.

Как отмечается в принципе V, лица, в отношении которых имеются доказательства о совершении ими военных преступлений и преступлений против человечества, подлежат привлечению к судебной ответственности, и если будут призваны виновными, - наказанию, как правило, в тех странах, где они совершили эти преступления. В соответствии с этим государства обязуются осуществлять сотрудничество по выдаче таких лиц.

Согласно вышеуказанной резолюции, государствам запрещается предоставлять убежище военным преступникам и лицам, совершившим преступления против человечества. Государства также не должны принимать законодательные или иные меры, которые противоречили бы взятым на себя международным обязательствам. Сотрудничество же в целях обнаружения, ареста, выдачи и наказания лиц, виновных в тяжких преступных деяниях, следует осуществлять на основе Устава ООН.

Большие надежды относительно справедливости и эффективности международного правосудия мировое сообщество возлагает на учрежденные международные уголовные трибуналы для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территориях бывшей Югославии и в Руанде. Эти трибуналы должны судить не государства, а конкретных физических лиц, виновных в совершении международных преступлений. Как известно, особенностями многих тяжких международных преступлений является то, что они, главным образом, совершаются не физическими лицами (индивидами), а теми, кто стоит за ними и занимает соответствующее официальное положение в государстве, действует от его имени и их организует. Поэтому вряд ли можно полагать, что правительство государства, виновного в международных преступлениях, пойдет на пере-

дачу в суд исполнителей (индивидов) его распоряжений или допустит вынесение им обвинительных приговоров. Таков один из принципиальных факторов в вопросе необходимости постоянного функционирования Международного уголовного трибунала.

Постановка вопроса о создании международного органа уголовного правосудия в принципе не отличается особой новизной в доктрине международного права, а создание такого органа не предполагает, что государства лишаются юрисдикции судить своих граждан или других лиц, виновных в совершении преступлений против мира и безопасности человечества. Тем не менее, когда международные преступления совершаются лицами (индивидами) от имени государства, большое значение имеет международное судебное разбирательство.

Важным событием в решении данной проблемы следует считать учреждение в ходе деятельности Комиссии международного права Рабочей группы по международной уголовной юстиции³⁵¹. Определенный научный и практический интерес представляют положения, в соответствии с которыми этой группе³⁵² поручалось подготовить конкретные рекомендации со следующими целями. Во-первых, Международный уголовный суд должен быть учрежден Статутом в форме многостороннего договора. Во-вторых, его юрисдикция должна ограничиваться преступлениями международного характера, определяемыми в конкретно оговоренных и находящихся в силе договорах, включая, разумеется, преступления, предусмотренные в Кодексе (преступления против мира и безопасности человечества). В-третьих, Суд будет являться, главным образом, инструментом государств-участников его Статута и, по крайней мере, на первом этапе своего функционирования не будет обладать обязательной юрисдикцией (иными словами, само по себе участие в Статуте не будет означать признания обязательной юрисдикции). В-четвертых, Статут должен создавать доступный

юридический механизм, который может быть задействован, если и как только в этом возникнет необходимость.³⁵³

Таким образом, вопрос о привлечении к уголовной ответственности физических лиц (индивидов) за военные преступления и другие преступления против человечества является одним из приоритетных как в выработке норм Статута Международного уголовного суда, так и в решении проблемы прогрессивного развития современного международного уголовного права, являющейся составным компонентом проблемы создания нового уголовного миропорядка.

Как известно, согласно конституциям новых суверенных государств, их внешнеполитическая деятельность осуществляется на основе общепризнанных международно-правовых принципов и норм. Одним из них является принцип добросовестного соблюдения международных обязательств, возникший в форме международно-правового обычая («*pacta sunt servanda*») на ранней стадии развития государственности и нашедший в настоящее время отражение в многочисленных международных договорах. Кстати, в качестве общепризнанной нормы поведения субъектов данный принцип закреплен в Уставе ООН, в преамбуле которого подчеркивается решимость членов этой организации «создать условия, при которых могут соблюдаться справедливость и уважение к обязательствам, вытекающим из договоров и других источников международного права».

А это значит, среди прочего, что установление ответственности за совершение серьезных преступлений, в том числе военных и других, предусмотренных Римским Статутом, является международно-правовым обязательством каждого (включая любое постсоветское государство) в соответствии с другими международно-правовыми актами, которые вступили для них в юридическую силу.

Фактически Римский Статут отражает большинство положений ранее упомянутых конвенций, в которых содержатся различные понятия и к которым присоединились но-

вые суверенные страны. Кроме того, положения и нормы Статута, запрещающие такие преступления, рассматриваются и признаются обычной, общеобязательной международно-правовой нормой, что неоднократно подтверждали различные международные органы. Это также означает, что криминализация военных и иных серьезных преступлений, в соответствии с требованиями конституционных положений данных государств, не зависит от соблюдения ими положений этого Статута и его вступления в силу.

В практическом плане это свидетельствует, в частности, и о том, что неприкосновенность, например, руководящих лиц государства хотя и связана с национальной безопасностью, однако это обстоятельство не может служить препятствием для осуществления Международным уголовным судом его юрисдикции, касающейся тех из них, кто совершил преступления, указанные в Статуте. Такие положения полностью согласуются с международно-правовыми обязательствами современных государств, поскольку соответствующие конституционные положения должны толковаться в постоянной связи с положениями Римского Статута. Такой подход вполне закономерен, поскольку та же неприкосновенность определенной категории должностных лиц не является их привилегией, а связана с выполнением ими важных государственных функций. Поэтому, согласно конституции новых суверенных стран и их международно-правовым обязательствам, такую неприкосновенность нельзя рассматривать в качестве гарантии безнаказанности этих лиц. Во-первых, с юридической точки зрения, неприкосновенность может определить лишь особые условия возбуждения против них уголовного преследования. Во-вторых, определенные должностные лица (президент, депутаты, судьи и др.), пользующиеся правом на неприкосновенность, могут нести уголовную ответственность по национальному законодательству с осуществлением внутригосударственных, национальных судебных механизмов, что само по себе так-

же соответствует международно-правовым обязательствам государства. В-третьих, согласно так называемому принципу дополнительности, зафиксированному в ст. 17 Римского Статута, Международный уголовный суд не принимает на рассмотрение дела, если в отношении соответствующего лица после надлежащей судебной процедуры уже был вынесен приговор другим судом, в том числе национальным, за действия, запрещенные и наказуемые Статутом (ст. 20). Следовательно, ст. 27 Статута (о недопустимости ссылки на должностное положение) согласуется с соответствующими конституционными положениями постсоветских стран³⁵⁴, а нормы п. 2 этой же статьи предусматривают, что иммунитеты и специальные нормы, которые могут быть связаны с должностным положением лица, согласно внутригосударственному и международному праву, не должны препятствовать осуществлению Международным уголовным судом его юрисдикции в отношении такого лица.

Одним из важных с точки зрения практического применения и эффективности положений Римского статута является вопрос о его ратификации. Хотя Статут ратифицирован необходимым числом государств и уже вступил в юридическую силу³⁵⁵, имеющую для них значение согласно предусмотренному порядку, однако должно пройти немало времени, чтобы Международный уголовный суд превратился в широко признанный и высоко авторитетный инструмент международного правосудия, который воплощал бы решения положить конец безнаказанности военным и другим серьезным преступлениям против человечества, тяжким нарушениям международного гуманитарного права.

Важным вкладом в процесс введения в юридическую силу Римского Статута является деятельность Венецианской комиссии (декабрь 2000 г.) и принятый ею Доклад «О конституционных вопросах, возникающих в связи с ратификацией Римского Статута Международного уголовного суда»³⁵⁶. Анализ содержания данного доклада позволяет от-

метить высокий уровень аргументации и толкования, на которые опирались соответствующие государства, решая проблемы ратификации Статута. Эти рекомендации, как видно, носили не ограничительный, а общий характер. Такой метод имел свою особую цель, поскольку ратификация международно-правового документа, инструмента, механизма подобного рода сопряжена, как известно, с возникновением трудностей и проблемами, вытекающими из национального права, особенно на конституционном уровне, и прежде всего как следствие передачи суверенитета в результате такой ратификации. Это не случайный вопрос общего характера, так как он уже возникал, в частности, для европейских стран в рамках европейской интеграции, и не только в связи со вступлением в Евросоюз, но и при ратификации ряда договоров, заключенных Советом Европы.

Так или иначе, государства суверенны при рассмотрении определенных решений для ратификации Римского Статута, несмотря на существование проблем на конституционном уровне. Они могут состоять, например, из таких мер, как включение новой статьи в Основной Закон государства, которая может решить все конституционные проблемы и снять необходимость вводить исключения для всех соответствующих статей, как это было сделано, например, во Франции и в Люксембурге.

Другими мерами могут быть: систематический пересмотр всех статей Основного Закона, которые должны быть изменены с тем, чтобы соответствовать Статуту; введение и/ или применение особой процедуры одобрения парламентом, вследствие чего Статут может быть ратифицирован, несмотря на то, что какие-то статьи противоречат конституции, что предусмотрено, например, Конституцией Нидерландов (п. 3 ст. 91) и др.

Эти вопросы имеют большое значение для процесса формирования нового уголовного миропорядка и развития национальных правовых систем по предотвращению во-

енных и иных преступлений, подпадающих под юрисдикцию Международного уголовного суда.

Принципиальным также является и вопрос об обеспечении совместимости положений Римского Статута с внутригосударственными, в данном случае уголовно-правовыми, системами современных государств. На наш взгляд, высокий уровень такой совместимости будет способствовать становлению прочной международно-правовой основы борьбы с военными преступлениями, соответствовать не только интересам мирового сообщества, но и согласуется с целями создания и укрепления нового уголовного правопорядка³⁵⁷. Как верно отмечают многие юристы-международники, например Е. Грелли, Международный уголовный суд - принципиально новый орган международного правосудия, учреждение которого явилось огромным событием на пути устранения безнаказанности за военные и другие тяжкие международные преступления³⁵⁸.

Отмечая возможность обеспечения совместимости положений Статута и национальных правовых систем, необходимо подчеркнуть, что этот Суд, осуществляющий правосудие от имени мирового сообщества, не подменяет, а дополняет данные системы, которые несут основную ответственность за преследование лиц, совершивших военные и другие тяжкие преступления.

В вопросе данной совместимости принципиальное значение имеют не только проблемы ратификации Статута, но и цель этой процедуры - приспособить внутригосударственную правовую систему к его положениям. Как справедливо отмечает И.И. Лукашук, без значительной по своему объему имплементационной работы невозможно обеспечить надлежащие условия для осуществления сотрудничества с Судом, поскольку даже содержащаяся в конституциях подавляющего большинства государств норма о примате международного права не решает проблему коллизий Римского Статута и национального законодательства.³⁵⁹

Как известно, конституционные положения о преимущественной силе международных договоров в их связи с внутринациональными нормативно-правовыми актами содержатся во многих Основных законах, в том числе в п. II ст. 148 Конституции Азербайджанской Республики, указывающем, что международные договоры, стороной в которых является наше государство, являются неотъемлемой составной частью его правовой системы. Но это вовсе не означает, что автоматически, во всех без исключения случаях, эти международные договоры могут оказывать прямое и/или непосредственное действие, а также и то, что такие договоры могут использоваться в правоприменительной практике Азербайджана.

Определенного уточнения требует трактовка и толкование положений ст. 151, согласно которой при возникновении противоречия между нормативно-правовыми актами законодательной системы нашего государства и межгосударственными договорами, в которых оно участвует, применяются международные договоры. Данное уточнение касается требования этой же статьи, исключающей из сферы своего действия саму Конституцию и акты, принятые путем референдума. Речь идет, таким образом, о возможной ситуации, когда международные договоры не могут иметь приоритетного значения над конституционными положениями.

В практическом плане, как не трудно догадаться, речь идет о способности ст. 151 решать определенные коллизионные вопросы, которые могут возникнуть между положениями и нормами конкретного международного договора и актами, входящими в национальную правовую систему Азербайджана. Естественно, речь идет не о всех международных договорах и соглашениях, а только о тех, которые могут быть непосредственно использованы во внутринациональных отношениях, не требуя принятия особых мер для их использования во внутригосударственной правоприменительной практике.

Высказанные соображения согласуются с изложенными в современной азербайджанской доктрине международного

права мнениями о приоритетности конституционных положений, в том числе и в случаях, когда это может иметь в качестве последствий нарушение каких-либо международно-правовых обязательств Азербайджана.³⁶⁰

Таким образом, может сложиться ситуация, когда государство, вопреки предписаниям ст. 88 Статута (об обеспечении наличия процедур, существующих в национальном праве для всех форм сотрудничества между государствами-участниками и Судом), не будет содействовать в обеспечении принятия соответствующих норм для достижения правовой совместимости положений Статута и норм внутригосударственного права. Государство, исходя из своей исключительной суверенной компетенции и собственных национальных интересов, решает, какие конкретно способы и средства устанавливать для реализации международно-правовых норм, а также вопросы о том, сделать или не делать возможным свое сотрудничество с Судом, выполнять или не выполнять собственные обязательства по Статуту и т.д.

Кстати, такой подход совпадает с позицией Международного института международного права, утверждающе-го, в частности, что правовая система каждого государства определяет наиболее приемлемые средства обеспечения применения международного права на национальном уровне. Как видно, реализация не только международно-правовых норм и положений, но и самого Римского Статута, - более трудоемкий и сложный процесс, нежели его принятие, поскольку только он сам избирает приемлемые для этого правовые способы и средства инкорпорации. С другой стороны, это совсем не значит, что нет приемлемых возможностей взаимодействия между нормами и положениями современного международного права и внутригосударственной правовой системой, в том числе и для создания соответствующих условий для реализации функций Международного уголовного суда.

Важен и вопрос о принятии соответствующих мер правового, организационного, материального и процессуального

характера на внутригосударственном уровне, которые бы способствовали эффективному сотрудничеству с этим Судом, и играли решающую роль в вопросе о совместимости положений Статута с внутринациональной нормативно-правовой системой современных государств. Существенное значение в этой ситуации приобретает вопрос о преодолении ряда определенных трудностей, с которыми может столкнуться любое ратифицировавшее Римский Статут государство, могущее, в конечном счете, повлиять на проблему данной совместимости. Речь идет, к примеру, о коллизиях, которые могут вызвать различную правоприменительную практику, в частности, в вопросе об экстрадиции собственных граждан государства, совершивших серьезные преступления против человечества; об иммунитетах должностных лиц; об осуществлении права на помилование, об условиях и возможностях этой меры; других процессуальных требованиях национального права.

Азербайджанское государство, как и многие страны, не ратифицировавшие Римский Статут, тем не менее, придает большое значение его положениям, поскольку они достаточно актуальны и играют существенную роль для национального уголовного законодательства. Такая позиция и подходы нашли свое конкретное воплощение в законодательной практике Азербайджана и проявились, в частности, в использовании соответствующих положений Статута, других авторитетных международных конвенций и документов в национальном праве, которые были обстоятельно рассмотрены выше.

Наряду с этим, следует отметить, что положения статей о военных преступлениях (114-119) не нуждаются в какой-либо особой трактовке, толковании или дополнениях, так как состав этих преступлений не только совпадает в целом с приведенным в Статуте перечнем, но, более того, в определенной степени его расширяет. Примечательно и то, что УК Азербайджанской Республики криминализирует деяния, не вошедшие в Статут в качестве военных преступлений, что относится, например, к некоторым подпунктам (2, 4) ст. 116 (об умышлен -

серьезного ущерба окружающей среде; об использовании голода среди гражданского населения как средства ведения военных операций и др.).

Как видно, современное азербайджанское уголовное законодательство, учитывая требования Женевских конвенций и Дополнительных протоколов к ним, идет по пути усиления ответственности за военные преступления, что нашло свое соответствующее отражение и закрепление в разделе VII УК Азербайджанской Республики. Попутно можно отметить, что такой подход отечественного законодательства согласуется с подходами не только самого Римского Статута, но и уставов международных уголовных трибуналов (по бывшей Югославии и Руанде), например, в части, касающейся компетенции по рассмотрению дел о тяжких преступлениях, которые могли произойти в период вооруженных конфликтов (немеждународного характера).

Так или иначе, криминализовав данные противоправные деяния, азербайджанское законодательство учло и проблему пресечения военных преступлений, в том числе по отношению к универсальной юрисдикции, неприменения сроков давности и др. Предусмотрена также соответствующая ответственность по этой категории преступлений, могущих быть совершенными в период (внутреннего) вооруженного конфликта тогда, когда они: 1) направлены против гражданского населения, раненых и других лиц в нарушение ст. 8 Женевской конвенции, и состоят, например, из убийств, различных форм насилия, пыток, жестокого и бесчеловечного обращения, взятия в заложники и т.д.; 2) совершены в нарушение Дополнительного протокола (II) о нападении на гражданское население, нападении на персонал, имущество, сооружения и транспортные средства с эмблемами Красного креста и Красного полумесяца, об изнасиловании; 3) принудительную стерилизацию, нападение на не являющиеся военными целями образовательные, исторические, религиозные, научные, благотвори-

тельные и медицинские объекты, грабежи и привлечение детей к военной службе.

Важным и воздействующим фактором на совместимость положений и норм Римского Статута с положениями и нормами национального законодательства современных государств является содержание его ст. 124, создающая для военных преступлений несколько иной правовой режим, нежели тот, который предусмотрен для других преступлений, подпадающих под юрисдикцию Международного уголовного суда. В данном случае вряд ли можно согласиться с мнением М.-К. Робержа, считающего военные преступления не столь серьезными преступлениями, как другие деяния, упомянутые в Статуте³⁶². На наш взгляд, военные преступления являются одной из достаточно опасных и тяжелых разновидностей преступления, которые могут быть квалифицированы в качестве отдельной категории преступлений против человечества. А потому, как справедливо отмечают некоторые авторы, непризнание юрисдикции в отношении таких преступлений со ссылкой на ст. 124 Римского Статута не означает, что лица, виновные в их совершении, останутся безнаказанными³⁶³.

Параллельно с решением вопросов о совместимости Статута с отечественным законодательством современных государств должны также решаться вопросы о наращивании эффективного их сотрудничества в интересах создания нового мирового правопорядка. Среди них одним из приоритетных должен быть вопрос о неотвратимости ответственности за наказание лиц, виновных в совершении военных и других тяжких преступлений. С другой стороны, в этом процессе велика роль не только самого Международного уголовного суда и положений Римского Статута³⁶⁴, но и национальных правовых систем, особенно в вопросах борьбы с предотвращением и безнаказанностью такого рода правонарушений, как военные преступления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования международно-правовых аспектов военных преступлений можно сделать следующие выводы:

1. В системе и в общей массе международных преступлений (правонарушений) и других деяний, которыми характеризуются современные межгосударственные отношения, одно из ведущих мест принадлежит военным преступлениям, направленным против человечества. Их противоправное содержание определяется в результате серьезных нарушений, и зачастую в массовых масштабах, гуманитарных норм, элементарных прав и свобод человека.

Имеющие место в различных частях земного шара международные военные преступления не только противозаконны по своей сути, но и подрывают основы международного права, международной безопасности и нового миропорядка, а также имеют тяжкие последствия, в первую очередь, для государств, в отношении которых они совершаются.

2. В историческом плане международная уголовная ответственность возникла и развивается как один из важных институтов современного международного права, исходным пунктом для зарождения которого была идея и признание агрессивных войн как международного преступления, влекущего международную ответственность.

В современной международно-правовой доктрине и науке преобладающим является мнение, согласно которому под военными преступлениями понимаются международные деяния субъектов, которые нарушают общепризнанные законы и обычаи войны. Сами по себе военные преступления выражаются в различных противоправных действиях, использовании средств и методов войны, которые запрещены действующими положениями, нормами международного права.

Одна из особенностей заключается в том, что международно-правовое запрещение агрессивных войн само по себе» еще не ведет к ликвидации из общественной жизни причин, которые порождают вооруженные конфликты и войны. Хотя существует международно-правовое запрещение использования вооруженной силы в межгосударственных отношениях, государства часто прибегают к ней для разрешения возникающих между ними споров и конфликтов. Это обстоятельство обуславливает необходимость правового регулирования общественных отношений, возникающих в ходе вооруженного конфликта в целях его максимально возможной гуманизации.

Таким образом, сложившиеся в международном праве законы и обычаи войны были направлены на ограничение произвола воюющих, чтобы по мере возможности ее гуманизировать. Можно отметить, что эти законы и обычаи превратились в самостоятельную международно-правовую отрасль, в совокупность конвенционных и обычных юридических норм, регулирующих отношения между действующими в вооруженном конфликте субъектами.

3. Обязательства государств в случае нарушения законов и обычаев войны влекут ответственность самого государства, его органов, а также его граждан, независимо от того, принадлежат ли они к составу вооруженных сил или нет. В соответствии с данным обстоятельством, в частности, физические лица (военнослужащие) должны строго соблюдать правила ведения военных действий, при нарушении которых они могут стать субъектами международных последствий, со всеми вытекающими из этого юридическими последствиями, включая уголовную ответственность за совершенные военные преступления.

Принципы ответственности и наказания военных преступников были сформулированы и осуществлены на практике в соответствии с положениями уставов Нюрнбергского и Токийского военных трибуналов. Эти уставы и приговоры

по ним закрепили в международном праве принцип индивидуальной уголовной ответственности за совершение военных преступлений, агрессии, за нарушение законов и обычаев ведения войны, за преступления против человечества.

Вместе с тем принцип уголовной ответственности за данные преступления является важным средством охраны международного правопорядка. Не случайно Генеральная Ассамблея ООН в своем документе о «Принципах международного сотрудничества в отношении обнаружения, ареста, выдачи и наказания лиц, виновных в военных преступлениях и преступлениях против человечества» (от 3 декабря 1973 г.), наряду с прочим, обязывала государства принимать национальные законы, карающие за такие преступления.

4. Особенно важна роль Комиссии международного права ООН, разработавшей проект Статута Международного уголовного суда,³⁶⁵ который является специальным органом в международном правосудии, действующим на основе заключения договоров, наподобие тех соглашений о сотрудничестве, которые обычно заключаются между ООН и ее специализированными учреждениями. В данный Статут, наряду с другими международными преступлениями (агрессия, угроза агрессией, геноцид и т. д.), включены исключительно серьезные военные преступления, за которые наступает международная ответственность. Ее наступление связано с конкретными правонарушениями, противоправными деяниями (действиями), которые запрещены юридической силой различных общепризнанных принципов современного международного права.

Одним из таких принципов является принцип ответственности за международные преступления. Нормативное содержание принципа ответственности за международные преступления состоит из запрещений таких нарушений международного права, как агрессия, угроза агрессией, наемничество, международный терроризм, геноцид, систематические и массовые нарушения прав человека, исключительно серь-

езные военные преступления и нарушения международного права. Существенно и то, что необходимость активного сотрудничества государств в деле предотвращения и наказания за преступления против мира и безопасности человечества вытекает из самой юридической природы принципа ответственности за международные преступления.

5. В современном международном праве был разработан и получил развитие принцип индивидуальной ответственности за такие преступления, как преступления против мира, человечности, включая военные. Большой вклад в его развитие внесла Комиссия ООН международного права, давшая определение международного правонарушения как международно-правовое деяние, возникающее в результате нарушения государством международного обязательства, столь основополагающего для обеспечения жизненно важных интересов международного сообщества, что его нарушение рассматривается как преступление международным сообществом в целом. Комиссия отнесла к числу таких международных преступлений агрессию, а также нарушение обязательств по обеспечению права народов на самоопределение и ликвидацию колониализма, рабство, геноцид, апартеид, а также тяжкое нарушение обязательств по охране окружающей среды.

6. В создании режима международной ответственности за преступления против мира и безопасности человечества важное значение имеет вопрос о праве установления факта совершения данного преступления. Особая роль в этом смысле принадлежит Совету Безопасности ООН, который в силу различных обстоятельств, в первую очередь, политического характера, не всегда объективно называет «вещи своими именами», не дает в большинстве случаев должной юридической квалификации агрессивным действиям, оккупации чужих территорий, военным преступлениям, совершенным, в частности, Республикой Арменией, которая продолжает игнорировать резолюции (822, 853, 874 и 884) 1993 г.

Правомочие Совета Безопасности ООН в установлении факта совершения агрессии и других серьезных международных преступлений подтверждено еще в проекте Статута МУС. В нем предусматривалось, что любая уголовная ответственность какого-либо лица за совершение преступления и агрессии необходимо предполагает признания виновным определенного государства в этом деянии, и такое заключение должен выносить Совет Безопасности, действуя согласно гл. VII Устава ООН.

7. Вопрос о режиме принудительных мер, которые могут приниматься в виде ответственности за международные преступления, является одним из сложных и малоразработанных вопросов в доктрине современного международного права. Общепризнано, что первостепенная заслуга в вопросе о принудительных мерах, под которыми понимаются соответствующие правомерные действия, направленные на поддержание или восстановление международного мира и безопасности, принадлежит Уставу ООН.

8. В современной международно-правовой науке и доктрине все более преобладающим становится мнение о том, что нормы, регулирующие международную уголовную ответственность физических лиц (индивидов), обладают высоким уровнем самостоятельности и обособленности, поскольку под ними есть достаточная прецедентно-правовая и аргументированная основа. Преобладающим становится положение, согласно которому отличие международных преступлений государств от преступлений физических лиц (индивидов) происходит по их субъекту. В первом случае в этом качестве выступают государства как таковые, во втором - физические лица (индивиды), т.е. те, кто направляют и осуществляют государственную политику, выражающуюся в международном преступлении соответствующего государства и ответственные за нее. Однако главным обстоятельством и определяющим фактором для состава такого преступления являются преступления физических лиц (индивидов),

которые получили современное наименование «преступления против мира и безопасности человечества».

9. Так или иначе, современные межгосударственные отношения характеризуются определенными изменениями в сторону их демократизации, необходимостью координации и активизации усилий государств в создании нового мирового порядка в различных областях сотрудничества и отношений. И если более или менее определенно можно говорить об известных позитивных результатах в создании нового международного экономического порядка, то в отношении нового международного уголовного порядка, очевидно, что его формирование только набирает силу.

В конечном счете, усилия мирового сообщества в установлении нового уголовного правопорядка согласуются с концепцией и доктриной современного международного права в плане общих усилий и сотрудничества государств по различным видам международных преступлений, в том числе совершенных физическими лицами (индивидами). Вопрос о привлечении к уголовной ответственности этих лиц за военные преступления и другие преступления против человечества был одним из приоритетных как при выработке норм и положений Статута МУС, так и в решении проблемы прогрессивного развития современного международного права в целом.

10. Особый научный и практический интерес представляет вопрос о юрисдикции Международного уголовного суда и то, как уставы международных уголовных трибуналов, утвержденные Советом Безопасности ООН, способствуют решению этой важной проблемы. Итак, МУС, несмотря на то, что его юрисдикция носит ограниченный личностями во времени и пространстве характер, является одним из новейших институтов международного права.

Очевидно и то, что если в обозримом будущем дело дойдет до создания реального международного трибунала, что, по существу, уже сделано, для судебного преследования

лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные в Африке, Европе, на Ближнем Востоке, на территории Нагорного Карабаха, в Приднестровье или еще какой-либо другой «горячей точке», при всех существующих ныне реалиях, то «югославский», «руандийский» прецеденты как результат долгих усилий мирового сообщества в пресечении и недопустимости любых преступлений против человечества, а также накопленный опыт в этой области будут иметь, без преувеличения, исключительно позитивное значение.

Исследование норм и положений уставов современных международных уголовных трибуналов, включая, естественно, Римский Статут МУС, уже имеющихся результатов их деятельности позволяет сделать вывод о том, что их создание является существенным для развития международного права и формирования нового уголовного миропорядка. В конкретном плане их заслуга и достоинство заключаются в том, что они способствуют учреждению новых международно-правовых институтов и механизмов международного правосудия, которые действовали бы не только на постоянной основе (например, Международный уголовный суд), но и обладали бы универсальной юрисдикцией, распространяющейся на военные и другие серьезные преступления против мира и безопасности человечества.

Что касается открытого и созидательного характера внешнеполитической деятельности Азербайджана на современном этапе, то она связана с серьезным укреплением его стратегических позиций, с наращиванием практического и концептуального потенциала этой деятельности, имеющей значение в контексте утверждения позиций Азербайджанской Республики на международной арене. Это особенно важно и с точки зрения перспектив разрешения затянувшегося нагорно-карабахского вооруженного конфликта, и решения проблем региональной (кавказской) безопасности, а также развития, укрепления и активизации сотрудничества

и партнерства между всеми закавказскими странами, основанных на общепризнанных началах современного международного права.

11. Многочисленные, но пока малоизвестные факты межэтнических конфликтов государств центральнокавказского региона по своему содержанию, совокупности и признакам вполне охватываются юрисдикцией МУС, поскольку в подобных фактах присутствуют различные квалифицирующие элементы, определяющие, в частности, военные преступления. Последние, как сказано в Римском Статуте, «совершены в рамках соответствующих планов политики агрессивных стран», например, оккупация Арменией значительной территории Азербайджана, признанная в резолюциях Совета Безопасности ООН. В п. 2 ст. 8 Статута МУС определен характер и условия серьёзных преступлений (естественно, и военных), а также других противоправных действий оккупационных сил, за которые предусмотрены соответствующие виды международной уголовно-правовой ответственности.

Прискорбно, что межэтнические вооружённые конфликты в центральнокавказском регионе сопровождались различными, и даже изощрёнными, видами военных преступлений (во всяком случае, по тем официальным данным, которыми мы располагаем по Нагорному Карабаху), имели характер таких боевых действий, как умышленное нанесение ударов по гражданским объектам, зданиям, предназначенным для религиозных целей, по историческим памятникам, местам сосредоточения больных и раненных и др. Имеются также многочисленные факты и доказательства жестоких убийств или ранения лиц, принадлежащих к неприятельской нации или армии, посягательства на человеческое достоинство, изнасилование, причинение увечий, пытки и др.

Военные преступления в ходе вооружённых конфликтов, между какими бы государствами центральнокавказско-го региона они не происходили (по крайней мере, по тяже-

сти своих последствий), мало в чём отличаются от других широкоизвестных военных преступлений, виновники которых были справедливо наказаны по уставам международных военных трибуналов (Нюренбергского, Токийского и - относительно недавно - по бывшей Югославии и Руанде). Однако, на наш взгляд, в настоящее время, в отличие от событий полувековой и десятилетней давности, не обязательно создавать новые международные (военные или уголовные) трибуналы по Нагорному Карабаху, Абхазии, Осетии или по другим «горячим» точкам планеты, где совершались военные преступления. Ныне, и это достаточно очевидно, что за такие преступления должны нести ответственность виновные лица в соответствии с положениями и нормами вступившего в силу в 2003 г. Римского Статута МУС, юрисдикция которого распространяется и на военные преступления, независимо от того, где они имели место.

Естественно, на военных преступников центрально-кавказского региона, согласно Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступникам и преступлениям против человечности (1968 г.), не может быть по исторической аналогии применён срок давности. Совместные же усилия государств по уголовному преследованию лиц, совершивших военные преступления, регламентируются и международно-правовым актом «Принципы международного сотрудничества в отношении обнаружения, ареста, выдачи и наказания лиц, виновных в военных преступлениях и преступлениях против человечества», принятым Генеральной Ассамблеей ООН в 1973 г., и другими актами, обладающими силой международных законов.

Таким образом, можно утверждать, что положения вышеприведённых действующих актов, в первую очередь, Римского Статута МУС, составляют основу международно-правового механизма по осуществлению правосудия в отношении лиц, виновных в совершении военных преступлений и преступлений против человечества.

12. Межэтнические вооруженные конфликты государств центральнокавказского региона, безусловно, обладающие признаками конфликтов международного характера, выраженные в столкновении между вооруженными силами противоборствующих сторон, способствуют порождению военных преступлений. Среди других признаков можно выделить относительно ограниченный театр военных действий и сравнительно небольшую протяженность во времени.

При всем их локальном или региональном характере, конфликтующие вооруженные силы обязаны в своих действиях соблюдать соответствующие международно-правовые нормы, в частности, касающиеся законов и обычаев войны, не допускать совершения военных преступлений, в том числе по этническим мотивам, поскольку рассматриваются как разновидность преступлений против человечества, а значит и подпадающие под юрисдикцию органов правосудия.

Итак, можно заключить, что ныне сложилась такая ситуация, когда неравномерность развития различных стран и регионов, противостояния, экономические и другие кризисы, и особенно экстремизм, сепаратизм и терроризм, серьезно угрожают и расшатывают межгосударственные отношения, создают крупные проблемы перед мировым сообществом, его существованием и устойчивым развитием. В силу этих обстоятельств следует отметить, что любая безопасность невозможна без совместных межгосударственных усилий, поскольку члены этого сообщества, как известно, рассматриваются как особые социальные явления и организмы, обладающие определенными возможностями в решении этих проблем. При этом речь не идет о том, что назначение, например, глобальной безопасности должно ограничиваться выживанием человечества, или необходимо ограничивать роль международной безопасности только задачей предотвращения конфликта.

ИСТОЧНИКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ Текст см.: Действующее международное право. В 3-х тт. Сост. ЮМ. Колосов и Э.С. Кривчикова. Москва: ИМНИМП, 1996/1997. Т. 3, с. 14-17.

² Полный текст письма см.: Бакинский рабочий, 1998, 17 марта.

Раздел I

Подробнее см., например, История дипломатии. Т. 3. М.: Политиздат, 1965, с. 134-166.

⁴ Эти преступления были объединены в две группы: в первую вошли противоправные деяния, которые квалифицировались в качестве военных преступлений, совершенных в нарушение общепризнанных правил ведения военных действий (например, применение отравляющих газов и разрывных пуль; потопление госпитальных и других невоенных судов; убийства военнопленных; совершение жестокостей по отношению к захваченным раненым и больным; разграбление частной собственности), а во вторую - отдельные преступления, совершенные в ходе войны германскими властями в отношении собственных граждан, как, например, незаконное применение репрессий и судебных преследований, причинение телесных повреждений, нанесение ущерба здоровью или достоинству человеческой личности.

⁵ Об этом см.: History of the United Nations War Crimes Commission and the Development of the Laws of War. N.-Y., 1948, pp.35-36.

По этому поводу см.: КН. Полянский. Международное правосудие и преступники войны. М., 1945, с. 35-37.

См.: Словарь международного права. М.: Международные отношения, 1982, с. 168.

См., например: Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сб. материалов. В 7-ми тт. Т. 1. М.: Госюриздат, 1957, с. 64.

См.: Нюрнбергский процесс: Сб. материалов. В 2-х тт. Т. 1. М., 1952, с. 16. Среди исследователей данной темы следует отметить советских авторов, таких как, например: *Трайнин А.Н.* Защита ми-

ра и уголовный закон. М.: Юридическая литература, 1937; Его же. Защита мира и борьба с преступлениями против человечества. М., 1967; *Ромашкин П.С.* Преступление против мира и человечества. М.: АН СССР, 1956; *Шаргородский М.Д.* Некоторые вопросы международного уголовного права // Советское государство и право, 1947, № 3, с. 21-29; *Пионтковский А.А.* Вопросы материального уголовного права на Нюрнбергском процессе. М., 1948; *Решетов Ю.А.* Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности. М., 1983 и др.

¹⁰*Рагинский М.Ю., Розенблит С.Я.* Международный процесс главных японских военных преступников. М., 1950, с. 221-225 (приложение).

¹ Определенный интерес представляют выводы Комиссии международного права ООН о различных типах международно-правовых деяний, предусматривающих различные режимы международной ответственности государств (см.: Доклад Комиссии о работе ее 28-й сессии. Нью-Йорк: ООН, 1976, с. 51).

¹²См.: Курс международного права. В 7-ми тт. Т. 6. М., 1992; *Степаненко В.И.* О понятии международного уголовного права // Правоведение, 1982, № 3, с. 72.

¹³Как отмечают американские юристы М. Бассиони и К. Блейкли, «по очевидным политическим причинам ныне не самое подходящее время в истории, чтобы поднимать вопрос о международной уголовной ответственности государств и их подчинении юрисдикции Международного уголовного суда. Это время еще не пришло, но оно придет по мере того, как мир становится все более взаимозависимым» (Цит. по: Верещетин В. С. Международный уголовный суд: новые перспективы?» // Московский журнал международного права, 1993, № 2, с. 61).

¹⁴См.: Протокол I в Draft additional Protocols to the Geneva Conventions of August 1949, Geneva, June, 1973.

Цит.: «каждая Высокая Договаривающаяся Сторона обязуется разыскивать лиц, обвиняемых...»-I Конвенция, ст. 49, абзац 2; II Конвенция, ст. 50, абзац 2; III Конвенция, ст. 129, абзац 2; IV Конвенция, ст. 256, абзац 2.

См.: Протокол 1, ст. 88.

¹⁷ См. *Карташкин В.А.* Права человека в международном и внутригосударственном праве. М.: Наука, 1995, с. 55.

¹⁸ Цит. по *Литке Ж.* Развитие и принципы международного гуманитарного права. МККК, 1993, с. 11.

¹⁹ См.: *Коровин Е.А.* К пересмотру Женевской конвенции // Советское право, 1925, № 3, с. 52-54; *Левин Д.Б.* Нарушение законов и обычаев сухопутной войны во время второй мировой войны. В кн. *Оппенгейм Л.* Международное право. Т. 2, полутом 1. М., 1949, с. 426-433; *Полторак А.И.* *Бахов А С.Гаранин Е.Й.* Законы и обычаи войны: Учеб. пособие. М., 1952; *Трайнин А.Н.* Защита мира и борьба с преступлением против человечества; *Рубаник К.П.* Гагская конвенция 1954 г. о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта // Советское государство и право, 1957, № 8, с. 117-120; *Мелешко Е.Л.* К истории вопроса об ответственности за нарушение законов и обычаев войны/ Советский ежегодник международного права. 1960. М., 1961, с. 218-229; *Арцибасов И. А.* Законы и обычаи войны на современном этапе // Советский Красный Крест, 1974, № 9, с. 15, 16; *Полторак А.К.*, *Савинский Л.И.* Вооруженные конфликты и международное право. М., 1971; *Фуркало Б.В.* Международная защита гражданского населения в условиях вооруженных конфликтов. Киев, 1986 и др.

¹⁰ Об этом подробнее см., например: *Ogburn W.* Introductory Ideas on Inventions and the State. "Technology and International Relations". Chicago, 1949, p. 3; *Openheim L.* International Law, vol. ILL., 1950, p. 171; International Law, 8th edition by H. Lauterpacht. N.J., 1963, p.p.305-320; trials of war criminals before military Tribunals, vol. VIII, p.907.

²¹ Среди других важных источников, касающихся законов и обычаев войны, следует отметить также Декларацию об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль, подписанную в 1868 г. в Санкт-Петербурге.

² Подробнее о данном проекте см., например: *Коркунов ИМ.* Международное право: Лекции, читанные в Военно-юридической академии. СПб., 1886, с. 238-240.

Об оживленной дискуссии по поводу проекта см., например: *Revue de droit international et de legislation compare*, t. II. Paris, 1872, p. 325-346.

²⁴ Об этом подробнее см., например: *Мартене Ф.Ф.* Восточная война и Брюссельская конференция 1874-1878 гг. Приложения. СПб., 1879, с. 2.

¹⁵ Подробнее см.: История дипломатии. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1963, с. 457-462.

²⁶ *Гроций Г.* О праве войны и мира. М.: Госюриздат, 1956, с. 419. ¹⁷ См.: *Лист Ф.* Международное право в систематическом изложении. Юрьев, 1912, с. 194.

⁸ К примеру, в Вашингтонском договоре 1922 г. о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых и иных газов и аналогичных жидкостей, материалов и составов не регламентировался вопрос об ответственности за нарушение этих запретов (подробнее см., например: История дипломатии, т. 3, с. 238-248). ¹⁹ См. также: Законы и обычаи войны. М.: Юридическая литература, 1942, с. 17-20.

⁵⁰ Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях. Принята на Международной дипломатической конференции в Женеве 27 июня 1929 г. М.: Госполитиздат, 1932, с. 3-23.

³¹ Подробнее о данном протоколе см.: Дипломатический словарь. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1960, с. 509, 510

³² См.: *Fauchille P.* Traite de droit international public, t. 1, 8-me ed. Paris, 1922, p. 1066, 1067.

³³ См.: *Bustamantey Sirven S.A.* Droit international public, t. IV. Paris, 1937, p. 23,24.

³⁴ См. там же: p. 12,13.

³⁵ См. там же: p. 42.

³⁶ См.: *Politis N.* Les nouvelles tendances du droit international. Paris, 1927, p. 128,129.

⁵⁷ Подробно об этих проектах см., например: Трайнин А.Н. Защита мира и уголовный закон.

³⁸ См.: *Pella V.* La criminalite collective des etates et le droit penal de L'averir. Bucarest, 1925, p. 173.

³⁹ См.: *Pella V.* La criminalite..., p. 182, 183.

⁴⁰ Имеются в виду Конвенции: об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях; об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава воен-

нослужащих на море; об обращении с военнопленными и о защите гражданского населения во время войны. Подробнее см.: Международное право в избранных документах. Т. 3. М.: ИМО, 1957.

⁴¹ Однако данный недостаток был устранен в 1977 г., когда к Женевским конвенциям 1949 г. были приняты два Дополнительных протокола (о защите жертв международных вооруженных конфликтов - протокол I и о вооруженных конфликтах немеждународного характера - протокол II). Подробнее см.: *Карпец КМ. Преступления международного характера*. М.: Юридическая литература, 1979.

⁴² См.: Женевский протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств, 1925 г.; Гагская конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта, 1954 г.; Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие, 1981 г. и три протокола к ней (о необнаруживаемых осколках, о запрещении или ограничении применения мин, мин-ловушек и других устройств; о запрещении или ограничении применения зажигательного оружия); Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду, 1977 г. и др.

⁴³ К ним относятся, например, многочисленные резолюции Лиги наций, Пакт Бриана-Келлога (см. подробнее: История дипломатии, т. 3, с. 518-522).

⁴⁴ Подробнее об этом см.: *Трайнин И.П.* Защита мира и борьба с преступлениями против человечества; *Галенская Л.Н.* Международные преступления и международно-правовая ответственность // *Правоведение*, 1965, № 1, с. 218-229; *Василенко В.А.* Ответственность государства за международные преступления. Киев, 1976; *Международное право*. Отв. ред. *Г. И. Тункин*. М.: Юридическая литература, 1982, с. 221-223; *Международное право*. Отв. ред. *Ю.Н. Колосов, В.И. Кузнецов*. М., 1995, с. 268, 269; *Верещетин В.С.* О работе Комиссии международного права ООН / *Московский журнал международного права*, 1994, № 1, с. 21-35; *Кар-*

ташкин В.А. Права человека в международном и внутригосударственном праве, с. 112-119 и др.

⁴⁵Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сб. материалов. В 7-ми тт. Т. 1. М.: Госюр-издат, 1957, с. 68.

⁴⁶Текст Конвенции см.: Действующее международное право, т. 3, с. 14-23.

⁴⁷Еще в 1976 г. она, в частности, одобрила проект статей об ответственности государств, в котором к международным преступлениям были отнесены такие, как агрессия, установление или сохранение силой колониального господства, рабства, геноцид, апартеид и экоцид (п. 3 ст. 19). См.: Доклад Комиссии международного права о рабстве от 3 мая-23 июня 1976 г.

⁴⁸Подробнее об этой проблеме см., например: *Галенская Л.Н.* Право убежища. М., 1968; *Потапов В.И.* Беженцы и международное право. М., 1986; *Карташкин В.А.* Указ. соч., с. 36-99 и др.

⁴⁹См.: Резолюция Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1967 г. (2312/XXII).

⁵⁰См.: Документ Генеральной Ассамблеи ООН о Принципах международного сотрудничества в отношении обнаружения, ареста, выдачи и наказания лиц, виновных в военных преступлениях и преступлениях против человечества, от 3 декабря 1973 г. (3074/XXVIII).

⁵¹*Шиббаева Е.А.* Правовой статус межправительственных организаций. М., 1972, с. 41,42.

⁵²Курс международного права. В 7-ми тт. Т. 1. М., 1989, с. 160. См.: *Черниченко С.В.* Личность и международное право. М., 1974, с. 15.

⁵⁴См.: *Карташкин В.А.* Указ. соч., с. 101. См., например: Документ Московского совещания конференции по человеческому измерению СБСЕ // Международное сотрудничество в области прав человека. М., 1993. Вып. 2, с. 367-383. ⁵⁶Итоговый документ Венской встречи представителей государств-участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. М., 1989, с. 51,52.

⁵⁷См.: Документы ООН. Специальная резолюция 3314 (XXIX) от 14 декабря 1974 г.

Перечень конкретных дел, фактов и действий, которые должны передаваться на рассмотрение Международного уголовного суда, содержится в документе ООН. См.: Генеральная Ассамблея: Официальные отчеты. 47 сессия. Дополнения. 10/ А/ 47/ 10. Нью-Йорк: ООН, 1992.

⁵⁹ См.: Годовой доклад о работе ООН «Обновление на переходном этапе». Нью-Йорк, ООН, 1997, с. 10.

⁶⁰ См.: Резолюция Совета Безопасности ООН 808 (1993) от 22 февраля 1993 г. Текст резолюции см.: Действующее международное право, т. 1, с. 744-746

⁶¹ См.: Резолюция Совета Безопасности ООН 955 (1994) от 8 ноября 1994 г. Текст резолюции см.: Действующее международное право, т. 1, с. 759-761.

² О юридической природе данного принципа подробнее см.: Менжинский В.И. Неприменение силы в международных отношениях. М.: Наука, 1976; *Колосов ЮМ.* Развитие принципа неприменения силы в международных отношениях // Советское государство и право, 1982, № 2, с. 72-79 и др.

³³ Подробнее см., например: *Полторацк А.И., Савинский Л.И.* Вооруженные конфликты и международное право. М.: Наука, 1976. ⁶⁴ См.: Доклад Комиссии международного права ООН о работе ее 46-й сессии. Нью-Йорк: ООН, 1994; Доклад Комиссии о работе ее 47-й сессии. Нью-Йорк, ООН, 1995.

Перечень соответствующих авторов и работ приводится в гл. I данной монографии.

⁶⁶ Особо обращает на себя внимание книга, изданная в 1989 г. и содержащая отдельные статьи, полемические высказывания видных специалистов - представителей различных правовых систем по поводу ст. 19 проекта статей об ответственности государств (см.: *International crimes of states. A critical analysis of the Draft article 19 in state responsibility/* Ed. By F.Weiler, A.Cassese, M. Spinedi. Berlin-New-York, 1989). К подобного рода исследованиям следует также отнести: В. Давида *Международные преступления и их правовые последствия.* Брно, 1988.

См.: I Конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях, ст. 49, 50; II Конвенция, ст. 50, 51; III Кон-

венция, ст. 129, 130; IV Конвенция, ст. 146, 147; Протокол 1, ст. 85 Действующее международное право, т. 2, с.621, 783-785.¹⁶⁸ См. там же: Протокол 1, ст. 85 (5), с. 785.

⁶⁹ См. там же: Протокол I, ст. 87.

⁷⁰ См. там же: ст. 86 (2).

⁷¹ Hans-Heinrich Jescheck. War Crimes / Bernhardt (ed.). Enciclopedia of Public International Law, 1982, vol. 4, p. 297.

¹² Это признается и в современной западной литературе. См., например: Luidi Condorelli. L'imputation a' l'Etat d'un fait internationalement illicite: solutions classiques et nouvelles tendances - RCADI, 1984, vol. 189 VI, p. 145-149. ⁷³ См.: Протокол I к Женевской Конвенции, ст. 91. ⁷⁴ I-III Конвенции, ст. 8; IV Конвенция, ст. 9. ⁷⁵ См.: I Конвенция, ст. 52; II Конвенция, ст. 53; III Конвенция, ст. 132; IV Конвенция, ст. 149.

⁷⁶ Международная комиссия по установлению фактов была учреждена 25 июня 1991 г. после получения двадцатого по счету заявления. К началу 1993 г. о признании ее компетенции заявили 33 государства.

См.: п. 5, ст. 60 Венской Конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. / Действующее международное право, т. 1, с. 361

⁷⁸ См.: I Конвенция, ст. 63; II Конвенция, ст. 62; III Конвенция, ст. 142; IV Конвенция, ст. 158.

⁷⁹ Подробнее об этом см., например: *Томко Я.* Внутренняя компетенция государств и ООН. М.: Иностранная литература, 1963.

⁸⁰ См.: *Ушаков Н.А.* Невмешательство во внутренние дела государств. М.: Международные отношения, 1971; *Эфендиев О.Ф.* Закрепление принципа невмешательства в Уставе ООН (к вопросу о внутренней компетенции государств) // Ученые записки Азгосуниверситета. Серия юридических наук, 1967, № 1, с. 40-46.

⁸¹ См. п. 129 Годового доклада о работе ООН «Обновление на переходном этапе», с. 70.

⁸² См., например: Декларация о принципах международного права 1970 г., Определение агрессии 1974 г., Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. и

другие документы Хельсинкского процесса/ Действующее международное право, т. 1, с. 65-102.

83 См. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 42/22 от 18 ноября 1987 г.

⁸⁴Подробнее об этом см.: *Тушин Г.И.* Теория международного права. М.: Международные отношения, 1970, с. 433.

Ответственность государств. Происхождение международной ответственности: Второй доклад специального докладчика Р. Аго. Документ ООН - А/С. 4/233 20 апреля 1970 г., с. 12. ⁸⁶ Case concerning factory at chorrow (Merits) - 1928 PCBJ Ser. A. -#17, P. 19 Reparation for injuries suffered in the servise of the United Nations. 1949, - ICJR. - 1949. P. 184. The Corfu channel case (Merits). -ЮЖ.-1949, p. 23.

Подробнее см.: *Василенко В.А.* Ответственность государства за международные преступления, с. 151; *Давид В.* Международные преступления и их правовые последствия и др. ⁸ См.: *Манийчук Ю.В.* Последствия международного правонарушения. Киев: Вища школа, 1987, с. 14.

⁹Подробнее см.: *Трайнин А.Н.* Защита мира и борьба с преступлениями против человечества, с. 41; *Тункин Г.И.* Вопросы теории международного права. М.: Международные отношения, 1962, с. 202.

⁹⁰См.: *Kelsen H.* Principles of international law. N.J., 1952, p. 18, 19; *Guggenheim P.* Traite de droit international public, vol. Geneva, 1952, p. 63.

⁹¹См.: Предварительный доклад о содержании, формах и объеме ответственности государств (ч. 2 Проекта статей), подготовленный специальным докладчиком В. Рифагеном. Документ ООН - А/С. 4/330 от 1 апреля 1980 г., с. 30, 31.

⁹²*Манийчук Ю.В.* Указ. соч., с. 15.

См.: *Gillert G.* The criminal responsibility of states/ International and comparative law quarterly, vol. 39, April, 1990. P. 345; *Crawford J.* Prospects for an international criminal court / Current legal problems, 1995, vol. 48. Oxford, 1995, p. 303-305.

Следует также отметить, что различие «гражданской» и «уголовной» ответственности государств проводилось известным юристом-международником Ф.В. Гарсиа-Амадором, который был

еще первым специальным докладчиком по вопросам ответственности государств. По этому поводу см.: Доклад Комиссии международного права о работе ее 28-й сессии ООН, с. 287.

⁹⁵См.: *Mohr A.* The ILC's distinction between "International crimes" and "International delicts and its implications" / United Nations codification of state responsibility (eds. Spinedi. Simma) / L., p. 139.

⁹⁶См.: *Тункин Г. И.* Указ. соч., с. 295, 296, а также: *Ушаков Н. А.* Невмешательство во внутренние дела государств. М., 1971, с. 71-75; *Скакунов Э.И.* Классификация международных правонарушений // Правоведение, 1975, № 4, с. 78: Четвертый доклад по вопросу об ответственности государств, с. 20-37.

⁹⁷См.: *Манийчук Ю.В.* Указ. соч., с. 19.

⁹⁸Доклад Комиссии международного права о работе ее 28-й сессии, с. 295. См. там же, с. 275.

99

См. там же. ¹⁰⁰ О становлении, развитии и особенностях международного гуманитарного права подробнее см., например: *Гассаро Х.П.* Международное гуманитарное право: введение. М., 1995; *Питке Ж.* Развитие и принципы международного гуманитарного права; *На-хлик СЕ.* Краткий очерк международного гуманитарного права. МККК, 1993; *Кальсховен Ф.* Ограничения методов и средств ведения войны. МККК, 1994.

¹⁰¹Текст см.: Действующее международное право, т. 2, с. 576-587.

¹⁰²Текст см.: Действующее международное право, т. 2, с. 603-731.

¹⁰³См. ст. 49, 50, 129 и 146 соответственно Конвенций I - IV.

¹⁰⁴См. ст. 50, 51, 130 и 147 соответственно Конвенций I - IV.

¹⁰⁵Текст см.: Действующее международное право, т. 2, с. 803-811.

¹⁰⁶См. там же.

¹⁰⁷Действующее международное право, т. 2, с. 785.

¹⁰⁸Документ ООН - Ш. А/34/194, с. 21.

Подробнее об этом институте международного права см., например: *Галенская Л.Н.* Международные преступления и международно-правовая ответственность // Правоведение, 1965, № 1, с. 168-171; *Дурденевский В.Н.* На пути к международному правосудию // Научные записки Института внешней торговли. Вып. 1. М, 1945, с. 174-188; *Ельницыч В.Н.* Ответственность государства за действия вооруженных по современному международному

праву // Проблемы государства и права на современном этапе. Вып. 4. М., 1971, с. 191-198; Решетов Ю.Д. Развитие принципа международно-правовой ответственности государств и усиление борьбы с международными преступлениями. Советский ежегодник международного права. 1980. М., 1981, с. 264-271 и др.

¹¹⁰ См.: ООН. Генеральная Ассамблея. Комиссия международного права. Сорок пятая сессия. 3 мая-23 июля 1993 г. Комментарии и замечания правительств в отношении проекта Кодекса о преступлениях против мира и безопасности человечества, принятого в первом чтении КМП на ее 43-й сессии, с. 3-15.

¹¹¹ Цит. по кн.: Обновление на переходном этапе. Годовой доклад о работе Организации. 1997 г., Нью-Йорк, ООН, 1997, с. 70 (п. 128).

¹¹² *Plavski S.* La notion du droit international pe'nal-*Revue de scienc* criminelle et de droit pe'nal compari, 1978, № 4, с 791.

¹¹³ См.: *Давид В.* Международные преступления и их правовые последствия, с. 193.

¹¹⁴ См.: *Василенко В.А.* Ответственность государства за междуна родные преступления, с. 228.

¹¹⁵ Международное право. Учебник. Ответ, ред. *Ю.М. Колосов, В.И. Кузнецов*, с. 268, 269.

¹¹⁶ Цит. по: *Верещети В.С.* Указ. соч., с. 6.

¹¹⁷ См., например, ст. 345 Уголовного кодекса Российской Федерации, вступившего в силу с 1 января 1997 г.

¹¹⁸ Сюда относится, в частности, разработка планов осуществления агрессивной войны, как это было сделано после разгрома Франции (лето 1940 г.), когда Гитлер дал указание о разработке конкретного плана («Барбаросса»), предусматривающего разгром СССР путем «молниеносной» войны.

¹¹⁹ Под этим имелись в виду действия, направленные на обеспечение соответствующих планов, когда осуществляется широкомас штабная подготовка к их реализации. Так, относительно того же плана «Барбаросса» в Германии в то время наращивалось производство военной техники, создавались особые резервы, проводились учения и маневры, активизировалась деятельность разведки по определению дислокации вооруженных сил и другие мероприятия.

¹²⁰ О том, каково значение и состав понятия агрессии, определено в решениях Генеральной Ассамблеи ООН и ее резолюции 3314 (XXIX) от 14 декабря 1974 г. Подробнее см. в 1.3 настоящей монографии.

¹²¹ Об этом см.: Положение о федеральной государственной службе. Утверждено Указом Президента Российской Федерации от 22 декабря 1993 г., №2267.

¹²² Еще в 1947 г. по инициативе Советского Союза ООН Генеральная Ассамблея приняла резолюцию, осуждающую пропаганду войны; в 1951 г. в СССР был принят закон о защите мира, где впервые была сформулирована уголовно-правовая норма об ответственности за пропаганду войны, которая впоследствии легла в основу соответствующих статей всех союзных республик.

¹²³ См.: Действующее международное право, т. 2, с. 758.

¹²⁴ *Карташкин В.А.* Права человека в международном и внутреннем государственном праве, с. 115.

¹²⁵ См. там же.

¹²⁶ См.: Доклад Комиссии международного права ООН о работе ее 46-й сессии. С. 127, 128; Доклад Комиссии международного права ООН о работе ее 47-й сессии, с. 18, 19.

¹²⁷ См. там же о работе 46-й сессии, с. 128.

¹²⁸ См.: там же, с. 129.

¹²⁹ Проект данной статьи был сохранен и в той же редакции предложен и обсужден на 47-й сессии Комиссии международного права ООН. Подробнее см. там же.

¹³⁰ См.: Доклад Комиссии международного права о работе ее 47-й сессии, с. 19.

¹³¹ Доклад Комиссии международного права о работе ее 46-й сессии, с. 130.

¹³² Действующее международное право, т. 1, с. 68.

¹³³ Одобрена резолюцией 49-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1994 г. - документ ООН А/49/60. Текст см.: Действующее международное право, т. 3, с. 90-94.

¹³⁴ См. резолюции Совета Безопасности ООН 670, 674 - 1990 г. и 686, 687-1991 г.

¹³⁵ Ответственность за военные преступления и преступления против человечества: Сб. документов. М., 1969, с. 42.

¹³⁶Там же, с. 21-30.

¹³⁷См.: UN Document Historical survey of the question of the international criminal jurisdiction. N.Y., 1949, p. 2.

¹³⁸Действующее международное право, т. 2, с. 69.

¹³⁹См.: Доклад Комиссии международного права о работе ее 46-й сессии, с. 139.

¹⁴⁰Подробнее об этом см., например: *Обер М.* Вопрос о приказах старших войсковых начальников и ответственности командиров в Дополнительном протоколе (I) МККК. 1994, с. 1-4, 19-22.

¹⁴¹См.: Ответственность за моральные преступления и преступления против человечества, с. 43; см. также документ ООН - работа Комиссии международного права. ООН 80 У.П.О. С. III.

¹⁴²Доклад Комиссии международного права о работе ее 46-й сессии, с. 137, 138.

¹⁴³См.: *Наумов А.В.* Преступления против мира и безопасности человечества и преступления международного характера // Государство и право, 1995, № 6, с. 53.

¹⁴⁴См.: *Пустогаров В.В.* Нюрнбергский процесс и развитие международного права / Советский ежегодник международного права. 1986. М.: Наука, 1987, с. 137.

¹⁴⁵Текст Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны см.: Действующее международное право, т. 2, с. 575- 587.

¹⁴⁶См.: Словарь международного права. М.: Международные отношения, 1982, с. 168.

¹⁴⁷См. подробнее об этом: *Трайнин А.Н.* Указ. раб.; *Курляндский В. И.* Об уголовной ответственности виновников нарушений законов и обычаев войны //Труды Военно-юридической академии, 1950, выпуск 11, с. 139-174; *Мелешко Е.П.* К истории вопроса об ответственности за нарушение законов и обычаев войны / Советский ежегодник международного права. 1960. М., АН СССР, 1961, с. 218-229; *Галенская А.Н.* Международные преступления и международно-правовая ответственность // Правоведение, 1965, № 1, с. 168-171; *Раппопорт М.Я.* К вопросу об ответственности за преступления против человечества // Вестник ЛГУ. Серия экономики, философии и права, 1965, выпуск 1, с. 77-86; *Полторак А.И.* Нюрнбергский процесс (основные правовые проблемы). М.: АН СССР, 1966.

¹⁴⁸ См., например: История дипломатии, т. 3, с. 161-166.

¹⁴⁹ См. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1946, с. 278.

¹⁵⁰ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками, т. I, с. 20, 21.

¹⁵¹ См.: Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. В 8-ми тт. Т. I. М.: Юридическая литература, 1987, с. 144, 145.

¹⁵² Полный текст Устава МВТ, его регламента и Закона № 10 о наказании лиц, виновных в военных преступлениях против мира и против человечности см. там же, с. 146-164.

¹⁵³ Например, *Дж. Финн, Х. Эхард, Г. Кельзен, Ф. Могэм* и др.

¹⁵⁴ Нюрнбергский процесс, т. 7, с. 368.

¹⁵⁵ Подробнее см.: *Рагинский М.Ю., Розенблит С.Я.* Междуна-родный процесс над главными японскими военными преступниками. М.-Л., 1950; *Они же.* Хабаровский процесс над японскими военными преступниками // Советское государство и право, 1950. №3. с. 8-25.

¹⁵⁶ См.: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 1, с. 320.

¹⁵⁷ См. там же, т. 3, с. 210.

¹⁵⁸ *Greenspan M.* The modern Law of Land Warfare. Los Angeles, 1959, p. 490.

¹⁵⁹ См.: ст. 345-352 УК РФ, принятого 24.11.1995 г.; ст. 114-119 УК Аз. Р., вступившего в силу 01.09.2000 г. и др.

¹⁶⁰ См: Организация Объединенных Наций. Генеральная Ассамблея. Комиссия международного права. 45-я сессия 3 мая-23 июля 1993 г. Комментарии и замечания правительств в отношении проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, принятого в первом чтении Комиссией международного права на 43-й сессии, с. 3-15, а также документ ООН-А/СМ 4/422 - доклад Комиссии международного права; текст проекта Кодекса воспроизведен в Ежегоднике Комиссии ООН международного права, 1992, т. II, ч. I.

¹⁶¹ Так, принципиальные возражения были выдвинуты относительно включения в проект Кодекса составов таких преступлений, как вмешательство (Австралия, Англия, Нидерланды); колониальное господство (Англия, США, Швейцария); апартеид

(Нидерланды, Норвегия); систематическое и массовое нарушение прав человека (Англия, США); наемничество (Англия, Нидерланды, Норвегия); международный терроризм (Англия, Норвегия, США); по незаконному обороту наркотических средств (Англия, Норвегия, США); преднамеренный и серьезный ущерб окружающей среде (Англия, Нидерланды, США) - см. документ А/СК. 4/442.

¹⁶²См.: La creation d'une Juridiction penale et la souverainete'des

Etes, Annuaire francais de droit unternationale (Paris), vol. XXXVI, 1990, p. 3.

¹⁶³См.: Ежегодник Комиссии международного права, 1992, т. I; Краткие отчеты о заседаниях 44-й сессии 4 мая-24 июля 1992, ООН. Нью-Йорк и Женева, с. 3.

¹⁶⁴Подробнее см.: *Верещетин В.С.* О работе 46-й сессии Комиссии международного права ООН // Московский журнал международного права, 1994, № 3-4.

¹⁶⁵См.: Декларация об установлении фактов Организацией Объединенных Наций в области поддержания международного мира и безопасности (резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1991 г.-А/46/59).

¹⁶⁶Например, 43/170 от 9 декабря 1988 г, 437 от 4 декабря 1980 г. и 444 от 28 ноября 1990 г.

¹⁶⁷Именно этот Комитет провел свою сессию в Нью-Йорке 4-22 февраля 1991 г. и завершил работу над проектом Декларации по этому вопросу. Подробнее см.: Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, 46-я сессия. Дополнение № 33 и исправление (А/46/33. Corr., Parti).

¹⁶⁸Подробнее см. Документ ООН - доклад Комиссии международного права о работе ее 46-й сессии, с. 261.

¹⁶⁹См. Документ ООН - А/CN 4/3 02/ Edd, с. 19,20.

¹⁷⁰Cowelland - Debbas. Security Council enforcement Action and issues of state responsibility // International and comparative law quarterly, vol. 43, January, 1995, p.71.

¹⁷¹О незаконных с позиций международного права действиях Армении см., например: *Мамедов Р.* Самоопределение по-армянски // Мнение (Баку), 1997,. № 1, с. 9-12.

¹⁷²Она была учреждена на встрече ОБСЕ на высшем уровне в Будапеште в декабре 1994 г.

¹⁷³См.: Документ ООН - 5/PK8T. 1995/21 от 26 апреля 1995 г.

¹⁷⁴См.: Документ ООН - 8/26326 от 18 августа 1993 г.

¹⁷⁵См.: *Бутрос-Гали Б.* Навстречу новым вызовам. Годовой доклад о деятельности ООН. Нью-Йорк, ООН, 1995, с. 320 (п. 628).

¹⁷⁶Подробнее об этом см.: *Эфендиев О.Ф.* Некоторые международно-правовые аспекты Нагорно-Карабахского вооруженного конфликта // *Международное право (Баку)*, 1998, № 2, с. 2-12.

¹⁷⁷См.: Документ ООН - доклад Комиссии международного права о работе ее 46-й сессии, с. 55.

¹⁷⁸Текст см.: *Действующее международное право*, т.2, с. 84-90.

¹⁷⁹См. №№ 664, 667, 670.

¹⁸⁰Подробнее см.: *Bourloyannis C.* The Security. Council of the United Nations and the implementation of international law (1992)// *DenvJ. Z Vol. 20*, p. 335-355.

¹⁸¹См.: *Szazz P.* Vol. International Law. Applicable to the Gulf war 1992 // *Disarmament*, № 15, p. 147.

¹⁸²См. №№ 713, 752, 757, 770, 787 (1992), 819, 820, 836 (1993).

¹⁸³Как известно, эта резолюция была принята вслед за решением Международного суда ООН по случаю Локерби. Об этом подробнее см.: *Case concerning question of interpretation and application of the 1971 material convention arising from the aerial incident at Lockerbie (Libyen Arab Jumakiriya V.U.S.,... V.UK).* Provisional measures *JCJ. Reports*, 1992, p.86.

¹⁸⁴См.: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН - Документ A/46/59 от 9 декабря 1991 г. Приложение, с. 7, 8.

¹⁸⁵См.: Доклад Комиссии международного права о работе ее 46-й сессии, с. 268, 269.

¹⁸⁶См. там же, с. 270.

¹⁸⁷О сторонниках этой идеи среди ученых подробнее см.: *Реферативный журнал*, 1989, № 5, с. 160-162; Документ ООН - Доклад Комиссии международного права о работе ее 46-й сессии, с. 271 и др.

¹⁸⁸См.: *Maharound M.A.* Bosnia and Herzegovina, a case of supposed genocid the legal qualification of the position of Security Council and

International court of justice in the case of Bosnia and Herzegovina. The Hague, 1995, pp.65-78.

¹⁸⁹ Действующее международное право, т. 1, с. 67.

¹⁹⁰ Подробнее см.: История дипломатии, т. 3, с. 617-624.

¹⁹¹ См.: Резолюция 36/103 XXXVI сессии Генеральной Ассамблеи ООН / Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей на 36-й сессии ООН. Нью-Йорк, 1982, т. 1, с. 8.

¹⁹² См.: Действующее международное право, т. 2, с. 309.

¹⁹³ См.: Документ ООН - Доклад Комиссии международного права о работе ее сторон 44-й сессии, Нью-Йорк: ООН, 1992, с. 47 (A/CM, 4/8ЕК. А/1992).

¹⁹⁴ См.: Документ ООН - Доклад Комиссии международного права о работе ее сторон 44-й сессии, с. 45 (A/CM, 4/8ЕК А/1992).

¹⁹⁵ См.: Документ ООН - Доклад Комиссии международного права о работе ее сторон 44-й сессии, с. 45-48 (A/CM, 4/3ЕК А/1992).

^{1 6} См.: Скакунов Э.И. Самооборона в международном праве. М., 1973, с. 37, Василенко В.А. Международно-правовые санкции. Киев, 1982, с. 78 и др.

¹⁹⁷ См.: Тункин Г.И. Теория международного права, с. 480.

¹⁹⁸ См.: Ушаков Н.А. Проблемы теории международного права, с. 181.

¹⁹⁹ United Nations. Report of International arbitral awards, vol. XVIII, p. 485.

²⁰⁰ См.: Доклад Комиссии международного права о работе ее 44-й сессии, с. 72.

²⁰¹ Доклад Комиссии международного права о работе ее 44-й сессии, с. 265.

²⁰² К ним относятся, в частности, убийство членов национальной этнической, расовой или религиозной группы; причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы; предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное ее физическое уничтожение; меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы; насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую - ст. 2. Подробнее см.: Действующее международное право, т. 2, с. 68-71.

Раздел II

Так, в свое время СССР был наследником Российской империи, а современная Россия стала преемницей Советского Союза.

Еще в конце 80-х годов Верховным Советом Армянской ССР было принято постановление «О включении в государственный план экономического и социального развития на 1990 г. плана социально-экономического развития НКАО на 1990 г.», предусматривающее по существу подчинение и сращивание экономики НКАО с экономикой Армении. О новых фактах, доказывающих абсолютную несостоятельность и противоправность подходов Армении к урегулированию нагорно-карабахской проблемы см.: Алиев Н. Нагорный Карабах: сепаратизм и легитимность выборов // Центральная Азия и Кавказ, 2005, № 5 (41) и др.

См. Конфликты в СССР: черный январь в Азербайджане / HELSINKI WATCH. A Committee og Human Rights Watch. Б. м., май 1991, 19 с.

³⁷ См.: Бакинский рабочий, 1990, 25 января, с. 1; Нагорный Карабах: Разум победит. Документы и материалы. Баку: Азернешр, 1989 и др.

Экономический ущерб, нанесённый Азербайджану в результате агрессии Армении / См.: http://www.azerbembassy.org.cn/rus/back_eccdam.html.

Дашдамиров А. Азербайджано-российские отношения в человеческом измерении / См.: http://www.azerros.ru/pnhtml/pub_02.htm.

Подробнее об этом см.: Гусейнов Р.А. Концепция национальной политики Азербайджанской Республики. Баку: Эль-аль-янс, 2003, с. 12.

Дашдамиров А. Азербайджано-российские отношения в человеческом измерении.

²¹² Там же.

²¹³ См.: <http://assembly.coe.int>

См.: Бутрос - Гали Б. Навстречу новым вызовам. Годовой доклад о деятельности ООН. ООН, 1995, с. 300 (п. 628).

²¹⁵См.: <http://www.az.biz.ly/karabakh>.

²¹⁶Там же.

²¹⁷См.: Надареишвили Т.В. Заговор против Грузии. Тбилиси, 2002, с. 5.

²¹⁸Полный текст см.: Региональные конфликты в Грузии - Юго-Осетинская автономная область, Абхазская ССР (1989-2001 гг.). Сб. политико-правовых актов. Тбилиси, 2002, с. 294-295.

²¹⁹См.: Региональные конфликты в Грузии - Юго-Осетинская автономная область, Абхазская ССР (1989-2001 гг.), с. 405-406.

²²⁰Текст Заявления см.: Бюллетень Международного Центра по исследованию конфликтов и переговоров. Тбилиси, 1999, № 3, с. 11-13.

²²¹См.: Региональные конфликты в Грузии, с. 309-310.

¹²Подробнее об этом см.: *Кофи А. Аннам*. Предотвращение вооруженных конфликтов. Доклад Генерального секретаря ООН. Нью-Йорк, 2002, с. 1-22.

¹³Подробнее об этом см.: Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. В 7-ми томах. М.: Госюриздат, 1957-1960; *Полторак А.К., Савинский Л.И.* Вооруженные конфликты и международное право. М.: Наука, 1976; *Рагинский М.Ю., Розенблит С.Я.* Международный процесс над главными японскими военными преступниками. М.: Политиздат, 1950 и др.

²²⁴Подробнее см., к примеру, *Тиунов О.И.* Международное гуманитарное право. М.: Норма-Инфра, 1999.

²²⁵Версия, опубликованная на русском языке в абхазской газете «Айтайра» от 10 июня 2002 г. (текст см. в кн.: Южный Кавказ - нестабильный регион «замороженных» конфликтов, с. 180-181). ²²⁶Подробнее об этом см., например, *Крылов А.* Грузино-абхазский конфликт: роль внешнего фактора // Центральная Азия и Кавказ. 2001, № 4, с. 200-208; *Грузины и абхазы. Путь к примирению.* Общая редакция: *Б. Коппитерс, Г. Нодия, Ю. Ан-чабадзе.* М.: Весь мир, 1998; *Салдадзе М.* Размораживание конфликта в Цхинвали - продолжение или провал «революции роз»? // Центральная Азия и Кавказ, 2004, № 5, с. 47-54.

Особый научный интерес представляет работа академика Алексидзе Л.А. О несостоятельности попыток абхазской стороны

в конфликте в Абхазия-Грузия юридически обосновать «право Абхазии на самоопределение, вплоть до отделения от Грузии». Журнал Международного Права (Тбилиси), 2001, Том 4, № 1, с. 80-103.

²²⁸ В полемическом плане обращает на себя внимание статья *Шамба СМ.* К вопросу о правовом, историческом и моральном обосновании права Абхазии на независимость // Московский журнал международного права, 1999, № 4, с. 253-266.

²²⁹ См. Пряхин В.Ф. Региональные конфликты на постсоветском пространстве (Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах, Приднестровье, Таджикистан). М.: ООО «Издательство ГНОМ и Д». 2002.

²³⁰ http://www.apsny.ru/history/history.php?page=content/nov_hist/pravo_v_asp.htm

²³¹ См., например, *Коэн А.* США, страны Центральной Азии и Кавказа: проблемы и перспективы взаимоотношений // Центральная Азия и Кавказ, 2000, № 2, с. 33-34.

²³² См.: Известия, 2004, 4 августа.

²³³ Известия, 2004, 6 августа.

²³⁴ Цит.: Зеркало, Баку, 2005, 6 ноября, с. 5.

²³⁵ См. там же.

²³⁶ Подробнее см.: General office of Public Prosecutor of Georgia. Conclusion on Circumstances established under criminal case instituted on the fact of genocide of Georgian population in autonomy Re-publik of Abkhazia. 1992-1999. Tbilisi. 2001; Надареишвили Т.В. Геноцид в Абхазии. Тбилиси. 1996 и др.

²³⁷ Кроме того, согласно данным различных СМИ, в какой-то момент возникла серьезная угроза срыва строительства нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан, приостановленного в районе Боржомского ущелья под предлогом ненадежности работ и экологической безопасности (подробнее об этом см.: Зеркало, 2004, 4 августа). Вместе с тем в настоящее время ждут своей очереди километры труб для другого южно-кавказского газопровода Баку-Тбилиси-Эрзерум, строительство которого должно начаться по завершении работ по проекту БТД.

См., например, Народы мира. Историко-этнографический справочник. Коренные народы России. М., 1988, с. 359-361.

²³⁹ Подробнее об этом см., например, *Джугели В.* Тяжелый крест.

Тифлис, 1920; *Здравомыслов А.Г.* Осетино-ингушский конфликт: перспективы выхода из тупиковой ситуации. М., 1998; указ. соч. Шнирельмана В.А., с. 461-471; Очерки истории Юго-Осетинской автономной области. История южных осетин до образования ЮОАО. Тбилиси: Мецниереба, 1985.

²⁴⁰ См., например, *Бубенок О.* Межэтнические конфликты на Центральном Кавказе: предпосылки, развитие и прогнозы на будущее // Центральная Азия и Кавказ, 2001, № 3, с. 108-122.

²⁴¹ См.: Региональные конфликты в Грузии, с. 277-278.

²⁴² См.: Бюллетень международных договоров. М.: Администрация Президента РФ, 1995, № 2, с. 7-11.

²⁴³ Там же, с. 9.

²⁴⁴ Полный текст см.: Свободная Грузия, 1996, 17 мая, № 69.

²⁴⁵ Подробнее по этому поводу см., например, *Bierzanek R.* War Crimes: History and Definition // International Criminal Law Enforcement. N.-Y., pp. 29-50.

²⁴⁶ Включая, в частности: Протокол встречи, посвященной полномасштабному урегулированию грузино-осетинского конфликта (март 1997 г., Москва) // Дипломатический вестник, 1997, № 4, с. 47-48; Совместное заявление о дальнейших мерах по восстановлению экономики и развитию в зоне грузино-осетинского конфликта // Там же, с. 49-50; Соглашение между правительством Грузии и правительством Российской Федерации о взаимодействии в восстановлении экономики в зоне грузино-осетинского конфликта и в возвращении беженцев (декабрь 2000 г.) и др.

⁴⁷ См.: Дипломатический вестник, 1997, № 4, с. 51.

Об этом см., например, *Хаиндрава И.* Карабах и Абхазия: динамика неурегулирования // Центральная Азия и Кавказ, 2002, № 1, с. 91-104.

ЕС, как известно из сообщений СМИ, готов выделить 8 млн. евро на программы реабилитации Южной Осетии. ²⁵⁰ См. Известия, 2004 г., 16 июля, с. 2.

См. Кофи А. Аннан. Предотвращение вооруженных конфликтов, с. 160-170.

См.: Ведомости, 2004, 2 сентября, с. 2.

²⁵³Подробнее об этом см.: *Эйвазов Д.* Безопасность Кавказа и стабильность развития Азербайджанской Республики. Баку: Нурлан, 2004.

²⁵⁴Подробнее об этом см., например, *Рассказов Л.П., Уваров ИВ.* Понятие и принципы ответственности в международном праве // Московский журнал международного права. 2000, № 2, с. 37-45; *Лукашук И.И.* Концепция права международной ответственности // Государство и право. 2003, № 4, с. 79-87.

²⁵³ Определенный научный и практический интерес по этому поводу вызывают, например, высказывания политолога *Гулузаде В.* (Обозреватель, 2004, 23-29 апреля, № 16, с. 7). ²⁵⁶ Подробнее см., например, *Ладыженский А.М., Блищенко И.П.* Мирные средства разрешения споров между государствами. М.: Госюриздат, 1962; *Анисимов Л.Н.* Международно-правовые средства разрешения межгосударственных споров (конфликтов). Ленинград: Ленинградский ун-т, 1975; Международный Суд. Главный судебный орган ООН. Нью-Йорк: ООН, 2001.

²⁵⁷ Подробнее об этом см.: *Шумилов В.М.* Международное экономическое право в эпоху глобализации. М.: Международные отношения, 2003, с. 5-31; *Миришли Ф.* Мировая экономика. Освоение мирохозяйственного пространства в контексте глобализации. М.: Полиграф, 2004; *Эфендиев О.Ф., Алиев Э.А.* Термины, используемые в современных международных экономических отношениях. Словарь-справочник. Баку: Юридическая литература, 2005, с. 374-375.

²⁵⁸ Подробнее см., например, *Мальшиева Д.* Центральная Азия и Южный Кавказ: региональная безопасность в эпоху нового миро порядка // Центральная Азия и Кавказ, 2004, № 2, с. 51-60.

²⁵⁹ См., например, *Де Ваал Т.* Угрозы безопасности на Южном Кавказе // Вестник Европы, 2002, № 7-8, с. 35. Цит. по: *Маркедонов С.* Кавказ в поисках «своей земли». Проблемы легитимности и безопасности в регионе // Центральная Азия и Кавказ, 2004, № 2, с. 60.

²⁶⁰ *Маркедонов С. II* Центральная Азия и Кавказ, 2004, № 2, с. 60.

²⁶¹Подробнее об этом см.: *Чепурин А.* Как укрепить стабильность и безопасность на Кавказе // Центральная Азия и Кавказ, 2004, № 2, с. 66-76.

²⁶²Подробнее см.: *Кофи А. Аннан.* Предотвращение вооруженных конфликтов.

²⁶³Известия, 2004, 11 сентября, с. 1.

²⁶⁴См., например. *Омаров Н.* На пути к глобальной безопасности: Центральная Азия после 11 сентября 2001 г. Бишкек, Центр ОБСЕ, 2002, с. 26.

²⁶⁵*Кофи А. Аннан.* Предотвращение вооруженных конфликтов, с. 74.

²⁶⁶См.: Лутовинов В. И., Панин И.Н., Международный терроризм: особенности проявления и пути военного противодействия // Евразийский вестник, 2002, №13 (март) - <http://www.e-journal.ru/besop-st4-13.html>.

²⁶⁷О содержании, особенностях и перспективах развития этого права см., например, *Топорнин Б.Н.* Европейское право. Учебник. М., 1999; *Хартли Т.К.* Основы права Европейского сообщества (перевод с англ. и науч. ред. *ВТ. Бенды*). М., 1998; Европейское право. Рук. автор, колл. и отв. ред. *Л.М. Энтин*, М.: Междунардные отношения, 2001; *Саидов АХ.* Концепция европейского правового пространства: проблемы и перспективы // Московский журнал международного права, 1992, № 3, с. 59-72; Европейский Союз. На пороге XXI века. М.: УРСС, 2001, с. 193-235.

²⁶⁸Об этом см., например, *Kuzio T.* Geopolitical Pluralism in the CIS. The Emergence of GUUAM // *European Security*, 2000, vol. 9, № 2, p. 85.

²⁶⁹Подробнее об этом см.: *Эйвазов Д.* Безопасность Кавказа и стабильность развития Азербайджанской Республики, с. 266-269.

См. Действующее международное право, т.2, с.761-764 (Глава III 271 - «Гражданские объекты»).

См.: <http://www.az.biz.ly/karabakh>.

См.: Экономический ущерб, нанесённый Азербайджану в результате агрессии Армении // <http://www.azerbembassy.org.cn/rus/backecdam.html>.

²⁷⁴Там же.

²⁷⁵ Там же.

²⁷⁶ Там же.

²⁷⁷ Там же.

²⁷⁸ Там же.

²⁷⁹ Там же.

²⁸⁰ Там же.

²⁸¹ Там же.

²⁸² Там же.

²⁸³ Там же.

²⁸⁴ См.: Фейзба Я.Р., Шамба О.Б. Национальная экономика Абхазии. Сухуми: Алашара, 2002. Цит. по: От экономики войны к экономике мира на Южном Кавказе / Под ред. Д.Кляйн, Н.Миримановой и Ф.Шампейна. Международная тревога, 2004, с. 190.

²⁸⁵ Государственная экологическая инспекция Республики Абхазия. Сухуми, 2000.

²⁸⁶ См.: В.Ардзинба. О некоторых итогах послевоенных лет // Республика Абхазия, 2003, 18 ноября, № 128.

²⁸⁷ Dennis Sammut, Population Displacement in the Caucasus - an overview // Central Asian Survey, 2001, 20(1), p.57.

²⁸⁸ См.: От экономики войны к экономике мира на Южном Кавказе.

²⁸⁹ См. там же, с. 215.

²⁹⁰ См. Уголовный кодекс РФ. М., 1996 (раздел XII).

²⁹¹ Так, в п. 1 ст. 3 дается указание на то, что «преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим кодексом». Как видно, речь идет о толковании давно известного принципа *nullum crimen lege* («нет преступления без закона»).

²⁹² В дополнение к ранее сказанному, можно напомнить и то, что Лига наций, принявшая Конвенцию о предупреждении терроризма и наказании за него (в 1937 г.), исходила из необходимости принятия Устава Международного уголовного трибунала, ратифицированного лишь одной страной - Индией. И хотя в последующие годы был принят ряд конвенций по борьбе с международными преступлениями против человечества, но ни одна из них не предусматривала создания МУС.

См.: Резолюции Совета Безопасности ООН об учреждении Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права: совершенные на территории бывшей Югославии -№ 808 от 22 февраля 1993 г. и по Руанде - № 955 от 8 ноября 1994 г. (текст резолюций и приложений с уставами трибуналов см.: Действующее международное право, т. 1, с. 744-772, а также: Human rights. Law journal, 1993, vol. 14, № 5, 6, pp. 211-214; 1995, vol.16, №1-3, p. 125-128).

²⁹⁴ См. Документ ООН - 5/25704 от 3 мая 993 г., с. 7.

²⁹⁵ Имеется в виду доклад Генерального Секретаря ООН (документ 8/25704 и АС /1.1), представленный во исполнение п.2 резолюции Совета Безопасности ООН № 808 (1993 г.).

²⁹⁶ См.: *Бутрос-Гали Б.* Навстречу новым вызовам. Нью-Йорк: ООН, 1995, с. 41.

²⁹⁷ См.: Годовой доклад о работе Организации, посвященный 50-й годовщине ООН. Нью-Йорк: ООН, 1996, с. 38.

²⁹⁸ *Кофи А. Аннан.* Обновление на переходном этапе: Годовой доклад о работе Организации. Нью-Йорк: ООН, 1997, с. 70. ²⁹⁹ См.: Human rights. Law journal, 1993, vol. 14, № 5, 6, p. 108.

³⁰⁰ См.: Доклад Комиссии международного права о работе ее 46-й сессии, с. 88. Подобные положения, как известно, были включены в Устав «югославского» трибунала. Это было сделано на основании резолюции Совета Безопасности ООН № 779 от 6 октября 1992 г., в которой был подтвержден принцип, что все заявления или обязательства, сделанные под принуждением, в особенности относящиеся к земле и имуществу, полностью ничтожны и недействительны (см. там же, р. 209).

³⁰¹ См.: Доклад Комиссии международного права о работе ее 46-й сессии, с. 88. ³⁰² См.: Документ ООН - 8 1994/1115.

В качестве дополнения к этой статье следует расценивать положения ст. 7 Устава по Руанде о территориальной и временной юрисдикции.

Об особенностях, состоянии и перспективах применения положений этой Конвенции подробнее см.: *Пустогаров В.В.* Же-

невским конвенциям 1949 г. - 50 лет. Достижения и проблемы // Государство и право, 1998, № 6, с. 64-71.

³⁰⁵ Если местопребывание «югославского» трибунала - Гаага (по ст. 31 Устава), то «руандийского» - Аруша (Танзания) (по резолюции Совета Безопасности ООН 1995 г. № 977).

³⁰⁶ 11 июля 1996 г. Международный трибунал выдал международные ордера на арест этих лидеров (см.: Годовой доклад о работе Организации, посвященный 50-й годовщине ООН, с. 402).

³⁰⁷ См.: Годовой доклад о работе Организации. Нью-Йорк: ООН, 1997, с. 70. ³⁰⁸ См.: Труд, 1997, 30 октября, с. 4.

³⁰⁹ Эту должность с октября 1996 г. занимает юрист из Канады Луиза Арбу р.

³¹⁰ Учитывая закрытые списки, невозможно определить, сколько

всего обвиняемых проходит по делам «югославского» трибунала. По открытым спискам их насчитывается 77, в том числе 55 сербов, 18 хорватов, трое мусульман и один хорват, совершивший преступление, воюя на стороне сербов. Но только 20 человек арестованы и ныне находятся в гаагской тюрьме. В их числе - четверо, воевавшие на сербской стороне, 13 хорватов и трое мусульман. Уже закончены два процесса: к 10 годам лишения свободы приговорен хорват Эрдемович, воевавший в армии боливийских сербов, к 20 годам - боснийский серб Тадич. Трибунал рассмотрел список стран, в которых приговоренные могли бы отбывать заключение (данные взяты из зарубежных СМИ).

³¹¹ См.: Известия, 1994, 21 февраля.

³¹² Подробнее об этом см.: Известия, 1999, 21 апреля, с. 4.

³¹³ См.: Известия, 1999, 28 мая.

³¹⁴ См.: Труд, 1997, 17 декабря.

³¹⁵ Данный Статут структурно состоит из преамбулы, 128 статей и 13 разделов (частей), в частности: «Учреждение Суда», «Юрисдикция, приемлемость и применимое право», «Общие принципы уголовного права», «Состав и управление делами Суда», «Расследование и уголовное преследование», «Судебное разбирательство», «Меры наказания» и др. Полный текст см.: Документ ООН - A/ CONF. 183/9, 17 июля 1998 г.

³¹⁶О необходимости заключения такого договора см.: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН-52/160 от 15 декабря 1997 г.

³¹⁷См.: Memorandum submitted by the delegate of France. Draft Proposal for Establishment of an International court of Criminal Justice. UN doc. A/ AC/ 10/ 21 (1947).

³¹⁸Кстати, Г. Мунье является одним из основателей Международного Комитета Красного Креста и долгое время был его руководителем. Подробнее о проекте и источниках Г.Мунье, реакции на данный документ его современников, влиянии на последующее развитие события и т. д. см.: *Кейт Холл К.* Рассуждения о первом проекте постоянного Международного уголовного суда // *Международное право (Баку)*, 1998, № 2, с. 14-28.

³¹⁹См., например: *Левин Д.Б.* Проблема ответственности в науке международного права // *Известия АН СССР*, 1946, № 2, с. 105; *Тункин Г.И.* Вопросы теории международного права. М.: Госюриздат, 1962, с. 297-298; *Левин Д.Б.* Ответственность государств в современном международном праве. М.: ИМО, 1966, с. 92; *Тункин Г. И.* Теория международного права. М.: ИМО, 1970, с. 477; *Галенская Л.Н., Петровский Ю.В.* Ответственность физических лиц за совершение международных преступлений /Советский ежегодник международного права, 1971, М.: Наука, 1973, с. 117-127.

³²⁰Об этом см.: *Commentary on the Rome Statute of the International Criminal Court.* Nomos Verlagsfesellschaft. Baden-Baden. 1999, p. 117-119; *Hogan-Doran J.* Murder as a Crime Under International Law and the Statute of the International Criminal Court // *Leiden journal of the International Law*, vol. 11, 1999.

³²¹См.: *Zimmermann A.* The great of a Permanent International Criminal Court // *Max-Plank Yearbook of UN Law*, vol. 169, 1998.

³²²См.: UN Document A/CONF. 183/ C 1/ L.

³²³См.: *The Law of War: A documentary History.* Geneva. 1997, pp. 15-16.

³²⁴Там же, p. 23.

³²⁵См.: UN Document A/ AC. 249/ 1998. DP, p. 11.

³²⁶Об этническом уровне, например, армяно-азербайджанского конфликта см. *Абасов А., Хачатрян. А.* Карабахский конфликт. Варианты решения: идеи и реальность. М.: Международные отношения, 2004, с. 20-22.

³²⁷Особенно благоприятным в этом смысле является 1974 г., когда Генеральная Ассамблея приняла следующие резолюции: Декларацию об установлении нового международного экономического порядка, Программу действий по установлению нового международного экономического порядка и Хартию экономических прав и обязанностей государств. См.: Действующее международное право, т. 3, с. 135-145.

³²⁸Подробнее об этом, см., например: *Карпец И.И.* Преступления международного характера. М., 1979, с. 19-24.

³²⁹См.: *Карпец И.И.* Международная преступность. М., 1988; *Панов В.П.* Сотрудничество государств в борьбе с международными уголовными преступлениями. М., 1993.

³³⁰Как известно, проект был обсужден на 46-й сессии Комиссии международного права ООН (май-июнь 1994 г.). Подробнее об этом см.: *Верещетин В.С.* О работе Комиссии международного права ООН // Московский журнал международного права, 1994, № 1, с. 21-35; Его же. О работе 46-й сессии Комиссии Международного уголовного суда // Московский журнал международного права, 1994, № 3-4, с. 41-54.

³³¹Обновление на переходном этапе: Годовой доклад о работе Организации, Нью-Йорк: ООН, 1997, п. 129.

³³²Один из таких Конгрессов состоявшийся в Каире в 1995 г., был посвящен вопросу регулирования оборота огнестрельного оружия для целей предупреждения преступности и обеспечения общественной безопасности (см. раздел IV.A резолюции 1995/27 Экономического и Социального Совета).

³³³International Law report, 1989, vol. 36, p. 120.

³³⁴Recueil juristic survey, 1984, Jr. 113, p. 120.

³³⁵*Цоллер Э.* Основания ответственности. Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизм / Под. ред. *И.А. Ледях* и *И.И. Лукашук*. М.: Институт государства и права, 1995.

³³⁶Цоллер Э. Указ. соч., с. 102.

³³⁷Об этом говорится в постановлении Обвинительной камеры Апелляционного суда в Лионе (см.: *Recueil Zairiz Siriy Jr. 113, p. 12*).

³³⁸Не случайно в п. 6 ст. 6 Устава Нюрнбергского МВТ говорится, что существо данной нормы заключается в том, чтобы су-

дить за преступления против человечества, «независимо от того, совершены они или не совершены в нарушение норм внут- ригосударственного права страны, в которой совершены». ³³⁹ См.: Действующее международное право, т. 2, с. 69

³⁴⁰ Там же.

³⁴¹ Как известно, Генеральная Ассамблея ООН еще в своих резолюциях 45/41 от 28 ноября 1990 г. и 46/54 от 9 декабря 1991 г. просила Комиссию международного права ООН изучить вопрос о целесообразности и возможности создания Международного уголовного суда.

³⁴² В отношении данной статьи специальный докладчик Комиссии международного права ООН сообщил, что это не вызывает никаких возражений, и подчеркнул, что п. 1 является подтверждением основополагающего принципа уголовного права, а п. 2 лишь воспроизводит ст. 11 Всеобщей декларации прав человека и п. 2 ст. 15 Международного пакта о гражданских и политических правах. Члены Комиссии поддержали данную формулировку, хотя и отметили, что закон может иметь обратную силу лишь в том случае, если он благоприятен для обвиняемого (См.: Доклад Комиссии международного права о работе ее 46-й сессии, с. 137).

³⁴³ В комментарии по данной статье особо подчеркивался основополагающий характер «принципа законности» и то, что ст. 39 придает этому принципу силу в конкретном контексте Статута (См.: Доклад Комиссии международного права о работе ее 46-й сессии, с. 78).

³⁴⁴ См. там же.

³⁴⁵ *Валеев Р.В.* Выдача преступников в современном международном праве. Казань, 1976, с. 32.

См.: *Решетов Ю.А.* Действие норм об уголовной ответственности во времени // Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма, с. 109; *Решетов Ю.А.* Борьба с международными преступлениями. М., 1983.

³⁴⁷ Действующее международное право, т. 3, с. 15, 16.

³⁴⁸ Текст этого документа ООН см.: Права человека: Сб. международных договоров. Нью-Йорк, ООН, 1989, с. 169, 170.

К внутренним мерам относятся создание специальных органов и специальных судов по расследованию такого рода преступле-

ний. Международные меры предусматривают заключение межгосударственных двусторонних или многосторонних соглашений по вопросам сотрудничества в целях предотвращения и пресечения этих преступлений.

³⁵⁰ Как известно, Генеральная Ассамблея ООН (в 1948 г.) в своей резолюции рекомендовала Комиссии международного права рассмотреть вопрос о желательности и возможности создания международного юридического органа, на который было бы возложено рассмотрение дел лиц, обвиняемых в совершении различных международных преступлений против человечества, в частности, за преступления геноцида, отнесенные к компетенции этого органа в соответствии с международной Конвенцией (1948 г.).

³⁵¹ См.: Доклад Комиссии международного права о работе ее 44-й сессии, с. 4-8.

³⁵² Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 16 ноября 1992 г. Комиссии международного права было предложено на следу ющей ее сессии приступить к разработке в первоочередном по рядке проекта Статута Международного суда (на основе доклада Рабочей группы). В последующем проект Статута Международного уголовного суда был представлен Комиссии международного права в 1994 г. и всесторонне обсуждался на ее 46-й сессии (с. 7-125). В ноябре 1995 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию об учреждении Подготовительного Комитета, открытого для всех государств-членов ООН, для дальнейшего об суждения основных вопросов, связанных с проектом Статута. Также было предусмотрено проведение специальной дипломатической конференции, на которой мог бы быть подписан Статут Международного уголовного суда (подробнее см. также: *Crawford J. The ILC adopts a statute for an international criminal court // American Journal of International Law, 1995, vol. 88, p. 409-419; Mc. Goldrick D., Warbricl C Current development: Public International Law // International and comparative law quarterly, April 1995, vol. 44, p. 379-473; International commission of jurists. The international criminal court. Third ICJ position paper. Geneva. Aug. 1995).*

Подробнее об этом см., например: *Блищенко И.П., Фисенко И.В. Международный уголовный суд. М., 1994, Панов В.П. Сотрудни-*

чество государств в борьбе с международными уголовными преступлениями. М., 1993.

³⁵⁴ В качестве примера можно сослаться на дело об обращении Президента Украины в Конституционный суд для получения заключения относительно соответствия Конституции Украины Римскому Статуту Международного уголовного суда, представляющее определенный научный и практический интерес. (См. Международное право. Факультет международного права и международных отношений. ТГУ им. Джавахишвили. (Тбилиси), 2002, № 1 (специальный выпуск), с. 225-233. ³⁵⁵ Согласно официальным данным, на 1 октября 2004 г. Римский Статут подписан 139 и ратифицирован 97 государствами. Азербайджанская Республика, как и многие новые суверенные страны, пока его не ратифицировала.

³⁵⁶ Полный текст принятого на 45-м пленарном заседании Венецианской Комиссии документа см.: Факультет международного права и международных отношений. ТГУ им. Джавахишвили. (Тбилиси), 2002, № 1 (специальный выпуск), с. 234-248.

³⁵⁷ Подробнее о перспективах и трудностях становления нового уголовного порядка, о военных и иных тяжких преступлениях, подпадающих по юрисдикцию Международного уголовного суда, см.: *Костенко Н.И.* Международная уголовная юстиция. Проблемы развития. М.: РКонсульт, 2002, с. 134-275).

³⁵⁸ See: *Greppi E.* The Evolution of Individual Criminal Responsibility under International Law // International Review of the Red Cross. № 835, 1999, p.531-553.

³⁵⁹ *Лукашук И. И.* Конституции государств и международное право. М.: Наука, 1998, с. 7.

³⁶⁰ Подробнее об этом см.: *Гусейнов Л.Г.* Конституция Азербайджанской Республики, права человека и международное право // Международное право (Баку), 1998, № 1, с. 31; Ш. Алиев. Научно-практический комментарий к Конституции Азербайджанской Республики. Баку: Юридическая литература, 2000, с. 706-707; *Гаджиев Б.З.* Ответственность государства за нарушения в области прав человека. Автореферат кандид. диссерт., Баку, 1999, с. 16; *Сафаров Н.* Проблемы обеспечения совместимости Римского

Статута Международного уголовного суда. Баку: Юридическая литература, 2002, с. 10 и др.

³⁶¹См.: *Annuaire de l'Institut de Droit International*, vol. 65 (II), 1994, p. 319.

³⁶²См. *Роберж М.-К.* Новый Международный уголовный суд: предварительная оценка // *Московский журнал международного права*, 1999 (специальный выпуск), с. 135.

³⁶³См. *Шабас У.* Международный уголовный суд: исторический шаг в деле борьбы с безнаказанностью // *Московский журнал международного права*, 1999, № 4, с. 20.

³⁶⁴Подробнее об этом см., например: *Эфендиев О.Ф.* Международно-правовое значение Римского Статута Международного уголовного суда // *Возрождение - XXI век (Баку)*, 1999, сентябрь, № 19, с. 70-76.

Armed conflicts and war crimes in Central Caucasus:
International law aspect
Summary

Present monograph has been dedicated to one of important problems of modern international law having practical value - the war crimes having been committed against the mankind. This problem runs essentially through the various, sufficiently intercommunicated and interdependent aspects of activities and interests of world community, such issues as international security, cooperation and partnership or the intergovernmental economic, social and humanitarian ones.

Existing realities of international relations evidences that states committing crimes against the mankind does not observe provisions of international humanitarian law at the time of armed conflicts in which such states are involved. Therefore, an important place in the research is featured to the investigation of the UN activity, its respective bodies and units, in particular, in the sphere of rendering assistance to national efforts on averting armed conflicts and their grave consequences, restoration of supremacy of law in conflicting and post conflicted societies, etc. Thereupon, it is quite natural to accentuate on the provisions of Rome Statute of International Criminal Court (ICC). After it has come into effect ended the creation of systems of codified universal norms of international humanitarian (and criminal) law, which formed a kind of judicial "umbrella" above all other treaty commitments of the states dedicated to the struggle with serious crimes against the humanity. The international - legal analysis of this Statute has been realized by all - round consideration of its provisions. A particular attention in the research is given to the matter of criminal liability of physical persons, acting on behalf of the state and committing unlawful deeds qualified as war crimes.

Preventing of any conflicts is one of the basic duties of sovereign states, which has been confirmed in particular in UN charter and other authoritative international legal instruments. Their interaction, efforts and partnership have to correspond to universally recognized principles and norms of contemporary international law. For ensuring the highest effectiveness of preventive measures they have to be brought about on more early stages of conflict. As regards with the aggravation of conflicts in Central Caucasus region, it had been engendered by the lack of experience - for their prevention in postsoviet space, and sometimes for inaction of international, regional and other organisations, including former central (soviet) government bodies.

In the monograph come to light the main points and causes of conflict between Armenia and Azerbaijan, which have resulted in vast

disasters for the people of both countries. The author's consistent argumentation of his position testifies about the gross violations of universally recognized international legal norms and principles by Armenia, being confirmed in several present day authoritative, universal instruments and makes to come to a conclusion about the unlawfulness of the situation when the territory becomes the object of occupation by force of arms and violation of regulations of UN Charter. Peaceful settlement is featured as a key instrument of resolution of this conflict.

While considering over the conflict in Abkhazia, which is rightfully regarded as one of the most bloodiest conflicts in the territory of the postsoviet Caucasus, are produced facts of ethnic cleansing / genocide, having been carried out by separatists against the Georgian population of Abkhazia and violation of territorial integrity of Georgia. Forcible demographic changes in the territory of Abkhazia being the result of armed conflict have been reflected in number of resolutions of the European Parliament, UN Security Council and recognized by number of OSCE sessions (Budapest, 1994; Lisbon, 1996).

The conflict in South Osetia beginning at the same moment with the collapse of the USSR, revealed many unsolved problems connected with national-territorial demarcation and brought to light the reasons which have paved the way for local nationalism.

Relative reduction of armed conflicts on the planet at the end of the XX century is considered by the author as a result of radical changes of balance of powers in the world in view of the collapse of bipolar system. With the collapse of the Soviet Union began to arise conflicts within postsoviet space. This circumstance requires the world powers and new sovereign states to keep in their development and interrelations practically and effectively not only the principles of political independence, but to respect such principles as sovereign equality, territorial integrity and other basic principles of contemporary international law as well.

With regard to security in Central Caucasus, for the states, which the successful settlement of conflicts depends to a large extent on them (for instance, Russia, the US) the active neutrality, the balanced approach to the processes occurring here, is the most effective policy, which will contribute to formation of stable development in the region in the end. For all that, for the parties themselves fighting each other, having different points of view to the conflict settlement the unifying factor related to the creation of effective system for security here is the circumstance - that's the dynamic economic development, large-scale investments, mutually beneficial cooperation and partnership, a full-fledged integration of

Azerbaijan, Armenia and Georgia into the international community directly depend on the settlement of armed conflicts.

At present, when the security of any state can be threaten by unilateral forced actions of other state the use of forces hasn't to be focused on changing of borders or territorial integrity.

The conflicting parties must forbear from any aggression which may entail unjustified loses among the civilians or causal damages on civil objects. In the compensation of damages, being the result of any armed conflict, the vital importance has the regulations of Rome Statute of ICC, which have jurisdiction over the war crimes and aggressions as well. The norms, related to damage compensation at the result of armed conflicts arise not only from the imperative regulations and standards of international public law, but they have been aimed for the protection of common, material incentives of victims in such conflicts as well.

Numerous, but not popular enough yet facts of conflicts in the region of Central Caucasus for their content, complexity and symptoms are fully covered by jurisdiction of the ICC, as far as there are different qualifying elements, defining in particular, the war crimes (capture of a sizable part of Azerbaijan by Armenia) being recognized in UN Security Council resolutions. In Paragraph 2, Article 8 of the ICC Statute there have been defined the character and condition of grave crimes (naturally, the war crimes too), as well as other unlawful acts of occupation forces, for which the international-criminal law makes provision for corresponding amenability.

Armed conflicts in the region of Central Caucasus were accompanied by different, even highly refined war crimes. They have been characterized as military campaigns: delivering blows on civilian objects and buildings normally dedicated to religious use, historical monuments, places concentrated with sick, wounded and other people.

There are also numerous facts and evidences for merciless murders or injury of people belonging to enemy party, grave breach of human dignity, rape, mutilation, tortures etc. For their after-effect heaviness the war crimes in the region of Central Caucasus in the course of armed conflicts differ a little from other analogical war crimes being worldwide known. The perpetrators of those crimes had been justly punished according to the Charters of International Court martial - Tribunals (of Nuremberg, Tokyo or relatively recent ones -on Yugoslavia and Ruanda). But, at present, unlike the 50 or 10 years standing events there is no necessity for new international tribunals on Nagorno-Karabakh, Abkhazia, Osetia or other "hot points" of the planet, where the war crimes have been committed. Perpetrators of such crimes must be called to account for the crimes they have committed in compliance with regulations and norms of Rome Statute

of the ICC having come into effect in 2003, jurisdiction of which can be applied to war crimes as well, irrespective where they have been committed.

Naturally according to the Convention for inapplicability of the term of limitation to war criminals and crimes against humanity (1968) the term of limitation can't be applied on war criminals of the region Central Caucasus, on historical analogy. The joint efforts of states in prosecution of persons having committed war crimes are regulated according to the international legal act "The Principles of international cooperation in regard with finding, arresting, extradition and punishment of persons who are the perpetrators of war crimes and the crimes against the humanity" adopted by UN General Assembly as far back as 1973 and other normative legal instruments having power of international acts.

Thus, it can be proved, that the regulations of the above mentioned acts in force, in the first instance, the Rome Statute of the ICC comprise the basis of international law mechanism in restoration of justice in regard with persons who have committed crimes in Abkhazia, Nagorno-Karabakh and South Osetia.

Октай Эфендиев

**Вооруженные конфликты
и военные преступления на
Центральном Кавказе;**

Международно-правовой аспект

ISBN 9952-432-02-X



Директор: проф. Н.Мамедли

Подписано в печать: 29.01.2006

Формат 60x84 1/16.

Объем: 22,7 п.л.

Заказ №51

Тираж:: 500

*Типография «Нурлан». Тел: 497-16-32, 850-311-41-89 Адрес: Баку,
Ичеришехер, 3-й Магомаевский переулок 8/4*

